

С. СУДЬБИНИНЪ. М[illegible]

Le Drapeau Rouge | Die Rote Fahne

Апрѣль 1906 годъ

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Амфитеатрова

№ 1

IMPRIMERIE DE CH. NOBLET
13, RUE CUJAS, PARIS

Мѣстами неунывающій русскій народъ шутитъ: выбираетъ глухонѣмыхъ, заикъ; въ одномъ случаѣ, выбрали собаку, объяснивъ это такъ: правительству, видимо, хочется, чтобы именно скоты представляли наши интересы, оно такъ заботится объ этомъ! Къ тому же содержаніе собаки дешевле стоитъ, чѣмъ даже содержаніе провокатора, а у правительства такъ мало денегъ!

Рабочіе выбираютъ своими депутатами фабричныя трубы на томъ основаніи, что ихъ казакъ нагайкой не достанетъ и пулей не пробьетъ.

А рабочіе Петербурга единодушно сорвали выборы.

Русскій народъ понимаетъ, что его хотятъ грубо обмануть и не поддается обману. Онъ готовится къ бою.

Этотъ бой не будетъ продолжителенъ и тяжелъ, если русскому правительству не дадутъ денегъ въ Европѣ на продолженіе убійствъ и казней, бой будетъ краток и рѣшителенъ, если народъ получитъ теперь же матеріальную помощь.

Но если будетъ продолжаться то напряженіе, въ которомъ живетъ теперь мой народъ, — въ душѣ его все болѣе будетъ скопляться ненависти, все больше жестокости и, въ рѣшительный моментъ, — онъ неустранимъ, все равно! — эта сила ненависти, этотъ обвалъ жестокости ужаснетъ весь міръ!...

Черезъ Васъ, дорогой Анатоль Франсъ, я обращаюсь къ всѣмъ друзьямъ русскаго народа съ горячей просьбой усилить энергію своей дѣятельности въ пользу освобожденія этого народа отъ варварской власти Романовыхъ и ихъ темной компаніи.

Не давайте роста ненависти, не усиливайте мощь жестокости!

Слишкомъ сто милліоновъ людей съ каждымъ днемъ все болѣе ожесточаются.

Въ націи искусственно воспитываютъ и раздражаютъ звѣря.

Кто искренно любитъ человѣка — долженъ помочь русскому народу скорѣе сбросить съ своей груди иго людей, развращающихъ душу его — душу глубокую, мягкую, душу прекрасную!

М. Горькій.

ТРИНАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ

К. Д. Бальмонта.

I.

НАШЪ ЦАРЬ.

Нашъ Царь — Мукденъ, нашъ Царь — Цусима,
Нашъ Царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
Въ которомъ разуму — темно.

Нашъ Царь — убожество слѣпое,
Тюрьма и кнутъ, подъ судъ, разстрѣлъ,
Царь — висѣльникъ, тѣмъ жалкій вдвое,
Что обѣщалъ, но дать не смѣлъ.

Онъ трусъ, онъ чувствуетъ съ запинкой.
Но будетъ, часъ расплаты ждетъ.
Кто началъ царствовать — Ходынкой,
Тотъ кончитъ — ставъ на эшафотъ.

* * * * * *

II.

ИСТУКАНЪ.

Есть такой большой Болванъ,
Онъ стоитъ въ степи,
Очень древній Истуканъ.
Я молился, но Болванъ
Мнѣ сказалъ: Терпи.

Что терпѣть? Давно терпѣлъ.
Больше не хочу.
Вдругъ я сталъ упрямъ и смѣлъ,
Быстро камень полетѣлъ,
Свистнулъ по плечу.

Камень въ камень. Эй, Болванъ,
Ты еще стоишь.
Но ударъ ужъ первый данъ,
Скоро, скоро, Истуканъ,
Внизъ ты полетишь.

* * *

III.

ЦАРЬ-ЛОЖЬ.

Народъ подумалъ: Вотъ — заря.
Пришелъ тоскѣ конецъ. —
Народъ пошелъ — просить Царя.
Ему въ отвѣтъ — свинецъ.

А, низкій деспотъ! Ты навѣкъ
Въ крови, въ крови теперь.
Ты былъ ничтожный человѣкъ,
Теперь ты подлый звѣрь.

Но кровь Рабочаго взошла,
Какъ колосъ, передъ нимъ.
И задрожалъ приспѣшникъ зла
Предъ колосомъ такимъ.

Онъ красенъ, нѣтъ ему серпа,
Обломится любой.
Гудятъ колосья, какъ толпа,
Ростетъ колосьевъ строй.

И каждый колосъ — острый ножъ,
И каждый колосъ — взглядъ.
Нѣтъ, Царь, теперь не подойдешь,
Нѣтъ, подлый Царь, назадъ.

Ты насъ теперь не проведешь
Девятымъ Января.
Ты Царь, и значитъ — весь ты ложь,
И мы сметемъ Царя.

* * *

IV.

БУДЕТЪ.

Что жъ, въ самомъ дѣлѣ,
Будете вы продолжать безъ конца?
Эти комедіи намъ надоѣли
Съ главною ролью — Глупца.

Будетъ ужъ, будетъ,
Нѣтъ дарованья, смѣшались всѣ роли у васъ.
Ваше упрямство умѣнія въ васъ не пробудитъ.
Кончился часъ.

Надо же знать чувство мѣры.
Или изъ васъ не припомнилъ еще ни одинъ?
Этихъ комедій уже существуютъ примѣры.
Вспомните Францію! Вспомните звукъ гильотинъ!

V.

ВО-ВРЕМЯ.

Во-время, во-время нужно сумѣть.
Если же ты не умѣешь, —
Золото вдругъ превращается въ мѣдь,
Пышный дворецъ — въ подневольную клѣть.
Кто тебя будетъ, убогій, жалѣть?
Самъ ты себя не жалѣешь.

Жатва приспѣла. Колосья — умы.
Колются, требуютъ грозно.
Будетъ, кричатъ, уже выросли мы.
Или ты хочешь дождаться зимы?
Вотъ, выползаешь трусливо изъ тьмы.
Поздно.

VI.

НАРЫВЪ.

Самодержавіе разорвано, разбито,
Ему приходится къ разбойникамъ взывать.
Но мути мерзостной еще довольно скрыто,
Гнойникъ насилія все жъ будетъ нарывать.

Царь губошлепствуетъ. Въ дворцѣ его — громила,
Кричащій съ наглостью: Патроновъ не жалѣть.
Другой холопъ, понявъ, что Пролетарій — сила,
Лопочетъ: Братцы, стой — я вамъ готовлю — клѣть.

О, мерзость мерзостей! Распадъ, зловонье гноя!
Нарывъ уже набухъ, и, пухлый, ждетъ ножа.
Тѣснѣй, товарищи, сплотимтесь всѣ для боя,
Ухватимъ этого колючаго ежа.

Его колючки — штыкъ, его колючки — пули,
Его ухватка — ложь, фальшивыя слова.
Но голосъ Вольности ростетъ въ безмѣрномъ гулѣ: —
Прочь, старое гнилье! Пусть будетъ Жизнь жива!

* * * *

VII.

ЗВѢРЬ СПУЩЕНЪ.

Звѣрь спущенъ. Вотъ она, потѣха
Разоблаченныхъ палачей.
Звѣриный ликъ. Раскаты смѣха.
Звѣриный голосъ: Бей! Бей! Бей!

И вдоль по всей Россіи, снова,
Взметнулась, грязная всегда,
Самодержавія гнилого
Разсвирѣпѣвшая орда.

Ударъ могучій Общей Стачки
Ихъ выбилъ вонъ изъ колеи.
Добычи нужно имъ, подачки
Отъ ихъ Романовской семьи.

Чужое нужно паразитамъ,
Свобода — гадамъ не подстать.
И вотъ они, своимъ синклитомъ,
Спустили Звѣря погулять.

Но мы не спимъ, мы четко видимъ,
Борцовъ Возстанія не счесть.
И тѣхъ, кого мы ненавидимъ,
Въ свой должный мигъ постигнетъ месть.

Гуляй же, Звѣрь Самодержавья,
Являй всю мерзостность для глазъ.
Навѣкъ окончилось безправье.
Ты осужденъ. Твой пробилъ часъ.

* * * *

VIII.

НЕИСТОВОЕ ВОИНСТВО.

Неистовое воинство набѣговъ грозовыхъ
Живетъ въ сознаньи прадѣдовъ, какъ полнозвучный стихъ.

Все въ рокотахъ, все въ молніяхъ, въ разметанностяхъ тучъ,
Налетъ его зиждителенъ, набѣгъ его пѣвучъ.

Индусы намъ повѣдали, какъ Рудра, царь вѣтровъ,
Стада сгоняетъ пышныя, средь облачныхъ луговъ.

Утонченники Мексики, средь грозовыхъ полей,
Кветцалькоатля видѣли, что былъ Перистый Змѣй.

Бойцамъ во имя Одина въ Валгаллѣ быть дано,
Среди валькирій пиршество навѣкъ тамъ суждено.

Вотанъ, съ Германской музыкой, лелѣя слухъ и взоръ,
Со свитою проносится къ уступамъ темныхъ горъ.

Славяне тоже вѣдали напѣвъ и громы струнъ,
Стрибогъ имъ вѣялъ стрѣлами, имъ гулъ металъ Перунъ.

Всѣ воинства неистовы набѣговъ грозовыхъ,
Славянскихъ странъ, моей страны, и всякихъ странъ иныхъ.

Имъ подражали воинства реальныхъ словъ и дѣлъ,
Напѣвы имъ звенящіе Поэтъ не разъ пропѣлъ.

О, горе! Только воинство Россіи нашихъ дней
Лишь подлостью прославилось наемныхъ палачей!

* * * *

IX.

РУССКОМУ ОФИЦЕРУ.

Грубый солдатъ! Ты еще не постигъ,
Кому же ты служишь лакеемъ?
Ты сопричислился — о, не на мигъ! —
Къ подлымъ, къ безчестнымъ, къ злодѣямъ.

Я тебя видѣлъ въ разцвѣтѣ души,
Встрѣчалъ тебя вольно-красивымъ.
Низкій! Какъ палъ ты! Въ трясинѣ! Въ глуши!
Трупъ ты, во гробѣ червивомъ.

Кровью ты залилъ свой жалкій мундиръ.
Душою ты въ пропасти темной.
Проклятъ ты. Проклятъ тобою весь міръ.
Нечисть! Убійца наемный!

* * * * *

X.

БУЛЬДОГЪ.

Дайте день-другой Бульдогу,
Онъ вѣдь властнымъ быть привыкъ.
Онъ рычитъ, но понемногу
Всѣмъ уступитъ онъ дорогу,
И прикуситъ свой языкъ.
Дайте день-другой Бульдогу.

Былъ онъ толстый, былъ онъ злой,
Былъ свирѣпый, былъ кусачій,
Попилъ крови онъ людской.
Тяпнетъ-ляпнетъ, самъ не свой,
Ну, и кончилъ незадачей, —
Обожрался дьяволъ злой.

Занемогъ, и сталъ худымъ,
Сталъ визжать и сталъ ползучимъ.
Скоро мы покончимъ съ нимъ,
Шкуру въ бубенъ превратимъ,
Грянемъ бубномъ тѣмъ гремучимъ.
Эй, Бульдогъ, плясать хотимъ!

* * * *

XI.

ПЕРЕКЛИЧКА ГЕРОЕВЪ.

Товарищи-герои
Зачахшаго Царя,
Въ великомъ неспокоѣ,
Сошлися въ лѣтнемъ зноѣ,
И сѣли, говоря:

„Товарищи-герои,
Намъ равныхъ въ свѣтѣ нѣтъ,
Мы въ мірѣ — громъ побѣдъ.
А разъ бѣда настала,
Добычи стало мало,
Обсудимте предметъ,
Найдемъ дырѣ затычку.
Начнемте жь перекличку,
Составимте совѣтъ.“

„Ты кто?“ — „Я Объѣдало.
Я ѣсть всегда готовъ,
Ѣмъ сразу семь быковъ,
И все утробѣ мало.
Съѣмъ триста пироговъ,
И щелкаю зубами.
Хватаю хлѣбъ снопами.
У лошадей овесъ, —

Имъ сытость не пристала, —
Схвачу, съѣмъ цѣлый возъ.
Иду къ коровамъ. Мало!“

Прислужники Царя
Пропѣли хоромъ: „Слава!
Ты мыслишь нелукаво,
Столь просто говоря.“

„А ты кто?“ — „Опивало.
Припѣвъ мой тоже — „Мало“.
Дай бочекъ сто вина,
Мнѣ шутка въ томъ одна.“

Прислужники запѣли:
„Ну, что же, въ самомъ дѣлѣ,
Напали мы на слѣдъ,
Наладился совѣтъ.
Чего же мы робѣли?“

„А ты кто?“ — „Скороходъ.
Одна нога на морѣ,
Какъ по-суху идетъ,
Другая на просторѣ
Чужихъ полей и рѣкъ,
Я быстрый человѣкъ,
Умѣю подвигаться.
Наставлю пушекъ въ рядъ,
И ни одинъ зарядъ
Не выпущу, — что́ драться!
Кто можетъ подвигаться,
Тотъ между двухъ морей
Всѣ пушки, какъ игрушки
Для маленькихъ дѣтей,
Оставитъ на опушкѣ,
Самъ въ лѣсъ, бѣжать, скорѣй.
Вѣдь бѣгали и боги.
Хвалите жъ эти ноги.
Я дивный Скороходъ,
И кто меня пойметъ!“

Его никто не понялъ,
Но разумѣли всѣ,
Онъ рѣчью всѣхъ ихъ пронялъ.
О, рѣчь, въ ея красѣ!

И длилась перекличка.

„А ты кто?“ — „Я Стрѣлокъ.
Я птичка-невеличка,
Но въ самый краткій срокъ,
Кто думать смѣлъ и могъ,
Тотъ думать перестанетъ.
Да, ноги онъ протянетъ,
Не такъ, какъ Скороходъ,
И всякъ меня пойметъ.
Смутьянить перестанетъ.
Смутьянить перестанетъ.“

Прислужники Царя
Стрѣлка завеличали,
Стрѣлка они качали,
Съ утѣхой говоря:
„Какой намъ ждать печали?“

„А ты кто?“ — „Чуткій я.
Подслушивалъ съ пеленокъ,
Вся въ этомъ жизнь моя.
Мой слухъ такъ дивно тонокъ,
Что слышу даже то,
Чего не зналъ никто.
Разслышу черезъ стѣны,
Проникну черезъ лбы.
Никто своей судьбы
Не минетъ въ мигъ измѣны.
Дрожите же, рабы,
Мой перстъ вамъ списки пишетъ.
Не мыслишь ты сейчасъ, —
Возмыслишь черезъ часъ.
Но Чуткій чутко слышитъ: —
Заранѣе, впередъ.“

Ахъ, умъ — какъ сладкій медъ!

Герои ликовали,
Провѣрили печали,
Распутана бѣда.
Но скудно пировали: —
Есть деньги не всегда.
Но имъ за трудъ награда
Должна же быть. Такъ надо.

И вотъ, идя ко сну,
Рѣшилъ синклитъ, подумавъ:
„Теперь — у толстосумовъ
Пощупаемъ мошну.“

* * * * *

XII.

ЦАРЬ-МОРОЗЪ.

Царь-Морозъ крутитъ пушинки,
Строитъ замки изо льда,
Блестки, капельки, снѣжинки
Превращаетъ въ города,
Оттого, что у Мороза
Какъ кристалъ прозрачна греза,
Ну, а воля ужъ тверда.

Много въ мірѣ есть пушинокъ, —
Мысли, помыслы людей,
Наши слезы — отсвѣтъ льдинокъ,
Каждый малъ въ судьбѣ своей,
Но, принявъ рѣшенье гордо,
Слившись, будемъ слиты твердо, —
Побѣдимъ мы всѣхъ царей.

* * * *

XIII.

КЪ РАБОЧЕМУ.

Рабочій, странно мнѣ съ тобою говорить: —
По виду я — другой. О, вѣрь мнѣ, лишь по виду.
Въ фабричномъ грохотѣ свою ты крутишь нить,
Я въ нить свою, мой братъ, вкручу твою обиду.

Оторванъ, какъ и ты, отъ тишины полей,
Которая душѣ казалася могильной,
Я въ шумномъ городѣ, среди чужихъ людей,
Неразъ изнемогалъ въ работѣ непосильной

Профессоръ МАЙМОНЪ. Опять на родинѣ.

Я былъ какъ бы чужой въ моей родной семьѣ,
Межъ торгашами словъ я былъ чужой безспорно.
По Морю вольному я плылъ въ своей ладьѣ,
А Море ширилось, безбрежно, кругозорно.

Мнѣ думать радостно, что прадѣды мои
Блуждали по морямъ, на Сѣверѣ туманномъ.
Въ моей душѣ всегда поютъ, журчатъ ручьи,
Растутъ, чтобъ въ Море впасть, въ стремленьи необманномъ.

Въ болотныхъ низостяхъ ликующихъ мѣщанъ
Тоскуетъ вольный духъ, безумствуетъ, мятется.
Но тотъ отмѣченный, кто помнитъ — Океанъ,
Освобожденья ждетъ, и бури онъ дождется.

Она скорѣй пришла, чѣмъ я бы думать могъ:
Ты всталъ — и грянулъ громъ, всѣ вышли изъ преддверья.
На перекресткѣ всѣхъ скрестившихся дорогъ
Лишь къ одному тебѣ я чувствую довѣрье.

Я знаю, что въ тебѣ стальная воля есть,
Недаромъ ты стоишь близъ пламени и стали.
Ты въ судьбахъ Родины сумѣлъ слова прочесть,
Которыхъ мудрые, читая, не видали.

Я знаю, можешь ты соткать красиво ткань,
Разъ что задумаешь, такъ выполнишь что надо.
Ты мирныхъ пробудилъ, ты трупу молвилъ: „Встань!“ —
Трупъ — живъ, идутъ борцы, встаетъ, растетъ громада.

Кругами мощными растетъ водоворотъ,
Напрасны лепеты, напрасны вопли страха: —
Теперь ужъ онъ въ себя все, что кругомъ, вберетъ,
Осуществитъ себя всей силою размаха.

* * * *

Красный день.*)

Отъ редакціи. Помѣщаемый нами очеркъ товарища Степана Голубя, хотя и написанный какъ бы въ беллетристической формѣ, представляетъ собою безъискусственный, а потому и фактически интересный опытъ разсказать тѣ событія великаго дня 9-го января, въ организаціи которыхъ рабочій Голубь принималъ участіе. Читатель замѣтитъ въ тов. Голубѣ нѣкоторую тенденцію героически освѣтить сомнительную фигуру Гапона. Мы глубоко несогласны съ такимъ освѣщеніемъ. Послѣ самоубійственныхъ разоблаченій Матюшенскаго, не опровергнутыхъ до сего времени, трудно вѣрить въ искренность Гапона даже и въ день 9-го января, когда онъ велъ себя на показъ красиво. Но, во-первыхъ, audiatur et altera pars. Во-вторыхъ, — откровенно говоря, — если пристальнымъ взоромъ изслѣдовать повѣствованіе Голубя, то и въ эпизодахъ его наивнаго, восторженнаго, юношескаго разсказа Гапонъ проходитъ фигурою чисто внѣшняго эффекта, прикрывающаго большую внутреннюю двусмысленность и совѣтовъ, и поведенія.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Когда начинаютъ описывать или разсказывать о петербургскихъ событіяхъ, завершившихся кровавой бойней рабочихъ 9-го января, то, обыкновенно и раньше всего, извиняются передъ читателемъ, увѣряя, что нѣтъ достаточно сильныхъ, могучихъ словъ и доста-

*) Это описаніе «Краскаго Дня» полностью входитъ въ книгу Степана Голубя по исторіи революціоннаго движенія петербургскихъ рабочихъ за 1905 г. и готовящуюся къ печати подъ общимъ заглавіемъ: «За одинъ годъ». Авторъ.

Людмила Александровна
ВОЛЬКЕНШТЕЙНЪ.

Le Drapeau Rouge | Die Rote Fahne

Май 1906 годъ

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Амфитеатрова

№ 2

IMPRIMERIE GAUDOIS ET CHANUT
50, rue de la Goutte-d'Or, Paris

ПѢСНИ МСТИТЕЛЯ.

I.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ.

„Земля и Воля“ — крикъ Народа,
„Земля и Воля“ — кличъ крестьянъ.
„Все — заново, и всѣмъ — Свобода“,
Рабочій крикнулъ сквозь туманъ.
„Все — заново, и всѣмъ — Свобода“,
Какъ будто вторитъ Океанъ.

Мнѣ чудится, что бурнымъ ходомъ
Идетъ приливная волна.
Конецъ — тюремнымъ низкимъ сводамъ,
Въ тюрьмѣ разрушена стѣна.
Судьба Россіи всѣмъ народомъ
Теперь должна быть рѣшена.

Крѣпчаетъ, воетъ непогода,
Но умъ Рабочаго — маякъ.
Въ Землѣ и Волѣ — жизнь народа,
Опять душить не сможетъ мракъ.
Все — заново, и всѣмъ — Свобода.
Да будетъ такъ! Да будетъ такъ!

II.

ПОСЛѢДНІЙ ЗОВЪ.

Теперь, когда идетъ рѣзня,
И жадны руки у злодѣя,
О, братья, слушайте меня,
Сомкнемтесь всѣ, дружнѣй, тѣснѣе.

Мы можемъ вѣрить лишь себѣ,
Составимъ тѣсную дружину,
Да будетъ каждый мигъ въ борьбѣ,
Разгонимъ мракъ, разгонимъ тину.

Мы будемъ слиты всѣ въ одно,
Вооружимся поголовно,
Вокругъ враговъ сомкнемъ звено,
Убійцъ — низложимъ хладнокровно.

У нихъ въ отвѣтъ на слово — кнутъ,
Они — свирѣпыя собаки.
За чёрносотенцемъ идутъ
Съ своей винтовкою казаки.

Еще имъ нравится игра
Въ Народъ-слѣпецъ съ Монархомъ-воромъ,
И называютъ шулера
Крикъ сердца празднымъ разговоромъ.

Такъ пусть же разумъ звѣрю мститъ,
И, если нѣтъ иного хода,
Я возвѣщаю динамитъ
Во имя вольности Народа!

III.

ЛЕТУЧІЯ МЫШИ.

Летучія мыши снуютъ,
Свѣтъ факеловъ ихъ испугалъ.
Расторгнутъ ихъ душный пріютъ,
Трепещетъ ихъ цѣпкій кагалъ.

Отвратенъ бѣсовскій ихъ видъ,
Шуршитъ нависающій рой.
Сорвется одна, полетитъ,
Качнутся незрячей гурьбой.

Очертятъ невѣрнымъ крыломъ
Два круга — и въ плѣсень опять.
Весь міръ имъ сошелся угломъ,
Имъ дальше угла — не видать.

Трусливо сплетается рой,
За мышь прицѣпляется мышь.
И вновь разорвался ихъ строй.
Ну, Дьяволъ, куда полетишь?

Свѣтъ факеловъ, какъ ты хорошъ!
Смотри: одурѣли враги.
Сильнѣй и сильнѣй ихъ тревожь,
Вспугни ихъ — и вовсе сожги!

IV.

ПѢСНЬ ПОЛЬСКАГО УЗНИКА.

(*Adam Mickiewicz, Dziady, III*).

Nie dbam jaka spadnie kara.
Felix.

Какому бъ злу я ни былъ отданъ, —
Рудникъ, Сибирь, — о, пусть. Не зря
Я буду тамъ: я вѣрноподданъ,
Работать буду для Царя.

Куя металлъ, вздымая молотъ,
Во тьмѣ, гдѣ не горитъ заря,
Скажу: пусть тьма, пусть вѣчный холодъ,
Топоръ готовлю для Царя.

Татарку выберу я въ жены,
Татарку въ жены, говоря:
Быть можетъ, выношенъ, какъ стоны,
Родится Паленъ для Царя.

Когда въ колоніяхъ я буду,
Я огородъ себѣ куплю,
И каждый годъ, повѣря чуду,
Ленъ буду сѣять, коноплю.

Изъ конопли сплетутся нити,
Въ нихъ серебро мелькнетъ, горя,
Къ нимъ, можетъ, честь придетъ — о, ждите:
То будетъ шарфомъ для Царя.

V.

ПѢСНЬ КРОВИ.

(*Dziady, III*).

Piesn ma była juz w grobie, juz chłodna.
Konrad.

Пѣснь моя ужь въ могилѣ была, ужь холодной,
Кровь почуяла, воръ, изъ земли привстаетъ.
Смотритъ вверхъ, какъ вампиръ, крови ждущій, голодный,
Крови ждетъ, крови ждетъ, крови ждетъ.
Мщенья, мщенья! Гдѣ врагъ, тамъ берлога.
Съ Богомъ — пусть даже, пусть и безъ Бога!

Пѣснь сказала: пойду я, пойду ввечеру,
Буду грызть сперва братьевъ, имъ дума моя,
Тотъ, кого я когтями за душу беру,
Пусть вампиромъ предстанетъ, какъ я.
Мщенья, мщенья! Гдѣ врагъ, тамъ берлога,
Съ Богомъ — или хотя бы безъ Бога!

Мы потомъ изъ врага выпьемъ кровь — будемъ пить,
Его тѣло разрубимъ потомъ топоромъ,
Его ноги намъ нужно гвоздями пробить,
Чтобъ не всталъ, какъ вампиръ, съ жаднымъ сномъ.

И съ душою его мы пойдемъ въ самый Адъ,
Всѣ мы разомъ усядемся тамъ на нее,
Чтобъ безсмертье ея удушить, о, сто кратъ,
И пока будетъ жить, будемъ грызть мы ее.
Мщенья, мщенья! Гдѣ врагъ, тамъ берлога.
Съ Богомъ — пусть даже, пусть и безъ Бога!

VI.

ВСАДНИКЪ СЪ МЕЧОМЪ.

(Памяти Безсмертнаго)

Всадникъ съ мечомъ на конѣ —
Гербъ незабвенной Литвы.
Какъ это нравится мнѣ,
Всадникъ съ мечомъ на конѣ.
Гдѣ же, воители, вы?

Гдѣ же, созвучные, вы?
Или все это — во снѣ?
Моремъ зеленой травы
Ѣдетъ въ просторахъ Литвы
Всадникъ съ мечомъ на конѣ.

Латы горятъ, какъ въ огнѣ.
Встаньте же, братья, и вы.
Свѣтъ вамъ несетъ онъ, и мнѣ,
Всадникъ съ мечомъ на конѣ
Польши и древней Литвы.

VII.

ГДѢ МЕСТЬ?

Мы были вмѣстѣ. Врагъ нашъ былъ громаденъ.
Но противъ числъ имѣли числа мы,
И блески молній противъ тьмы,
И гнѣвъ красивыхъ противъ низкихъ гадинъ.

Я говорилъ: „Спѣшить ли намъ съ борьбой?
Иль въ тишинѣ вѣрнѣй ударъ готовить?“
Но вы сказали: „О, пѣвецъ! Лишь пой.
Мы побѣдимъ. Врагъ побѣжитъ гурьбой.
Ты — пой. Умѣй мятежность славословить.
Ты пѣсню лучше вѣдаешь, чѣмъ мечъ.
Шутя, мы съ перваго удара
Весь вражій станъ сметемъ въ огняхъ пожара.“ —

О, не всегда возможно остеречь!
Предостеречь — до вѣрнаго мгновенья —
Такъ жаждалъ я. Сказали мнѣ: — „Молчи.
Не говори. Иль пой. Умножь стремленье.
Отточены у насъ мечи.
Готовы мы, готовы для отмщенья.
Любой изъ насъ костромъ сверкнетъ въ ночи!“ —

И я запѣлъ. И ярко было пѣнье.
И клялся я, что буду вѣренъ вамъ.
Сказалъ: — „Не измѣню. Но смерть врагамъ.
Иль месть отъ побѣжденныхъ. Месть, а тамъ —
Будь то, что будетъ. Или вамъ — презрѣнье.
Кто поднялъ мечъ, кто бой начать умѣлъ,
Пусть побѣдитъ, иль въ мщеньи будетъ смѣлъ.“

Ну, что жь? Не пѣлъ ли я? Такъ пѣть не можетъ
Никто другой.
Мой стихъ звучитъ, какъ звукъ волны морской
Но пѣсня въ пораженьи не поможетъ.
А вы сошлись опять на звоны словъ?
Вамъ блескъ стиха пріятнѣй взмаха стали?
Ужъ не поплакать ли намъ вмѣстѣ отъ печали,
Меланхолически, что мы слабѣй враговъ?
Мы связаны. Гдѣ месть? Гдѣ наше мщенье?
Вожди борцовъ! Вашъ пылъ довольно малъ.
Я жду отъ васъ достойнаго свершенья.
Не отъ себя. Что я сказалъ, сказалъ.

VIII.

РАБОЧЕМУ РУССКОМУ СЛАВА.

Рабочему Русскому — слава!
Во имя родного народа,
Онъ всѣмъ возвѣстилъ, что Свобода
Людское священное право.
Рабочему Русскому — слава!

О, Рабочій, ты вырвалъ испуганный крикъ
У Насилья, чьи дни сочтены.
Задрожалъ этотъ рабій монаршій языкъ
Предъ напоромъ народной волны.
Онъ бормочетъ, лопочетъ, но дни сочтены,
Все освѣтитъ сіянье Весны.

Еще снова и снова нахлынутъ на насъ
Роковые потемки Зимы.
Но ужъ красныя зори намѣтили часъ,
Колыхнулись всѣ полчища Тьмы.
Будемъ тверды, не сложимъ оружія мы
До сверженія вражьей Чумы.

Рабочему Русскому — слава!
Во имя родного Народа,
Онъ всѣмъ возвѣстилъ, что Свобода
Людское священное право.
Рабочему Русскому — слава!

* * * *

IX.

СЛОВО И ДѢЛО.

„Слово и Дѣло“ — вашъ кличъ противъ насъ.
Что жь, мы достойно васъ встрѣтимъ.
Мы на миганія вражескихъ глазъ
Словомъ и дѣломъ отвѣтимъ.

Въ душу людскую дороги вамъ нѣтъ.
Можете мучить лишь тѣло.
Дѣлайте жь черное, — будетъ въ отвѣтъ
СКрасное лово и Дѣло!

X.

ПРЕСТУПНОЕ СЛОВО.

Кто будетъ говорить о словѣ примиренья,
Покуда въ тюрьмахъ есть сходящіе съ ума,
Тотъ долженъ самъ узнать весь ужасъ заключенья,
Понять, что вотъ, кругомъ, тюрьма.

Почувствовать, что умъ, въ тебѣ горѣвшій гордо,
Сталъ робко ищущимъ усладъ хоть въ безднѣ сна,
Что стерлась музыка, до крайняго аккорда,
Стѣна, стѣна, и тишина.

Кто будетъ говорить о словѣ примиренья,
Тотъ предаетъ себя и предаетъ другихъ,
И я ему въ лицо, какъ яркое презрѣнье,
Бросаю хлещущій мой стихъ.

* * * *

XI.

КЪ ОСТЫВШИМЪ.

Ненавистны мнѣ враги.
Но друзья отвратны вдвое,
Если крикнувъ „Помоги“,
Если крикнувъ: „Здѣсь враги“, —
Я увижу ликъ ихъ соннымъ, въ преждевременномъ покоѣ.

Сладость — ненависть къ врагу,
Радость — жизнь отдать для мщенья.
Но жестоко — не могу —
Къ другу, къ другу, не къ врагу,
Вдругъ почувствовать не дружбу, а послѣднее презрѣнье.

* * * * *

XII.

ЗАВѢТЪ.

Не забывайте обидъ вѣковыхъ,
Мучимой раненой чести.
Я зажигаю сверкающій стихъ,
Полный дрожанія мести!

Я научу васъ, какъ вѣрныхъ моихъ,
Духомъ быть съ пламенемъ вмѣстѣ.
Не забывайте обидъ вѣковыхъ.
Мести насильникамъ, мести!

Взрывомъ вулкана ударимъ мы въ нихъ,
Звуками вражеской вѣсти.
Я возношу торжествующій стихъ.
Мести насилію, мести!

XIII.

ДО КОНЦА.

Горятъ огни, шумятъ станки,
Гудятъ станки фабричные.
Не въ силахъ я терпѣть тоски.
Былъ братъ, — убитъ. Другимъ — цвѣтки.
А намъ — гроба кирпичные.

Могильный сводъ фабричныхъ стѣнъ.
Въ вискахъ — удары молота.
Въ плѣну мы здѣсь. И ты взятъ въ плѣнъ.
Убитъ за грѣхъ чужихъ измѣнъ.
И все въ умѣ расколото.

Былъ братъ, — убитъ. Мой братъ — убитъ.
И все? Гудокъ? Гудѣніе?
О, братъ за брата отомститъ!
Прощай, станокъ. Душа болитъ.
Иду. Есть правда: — Мщеніе!

К. Бальмонтъ.

Абсолютизмъ, революція и банкротство.

I.

Если бы въ концѣ XVIII вѣка, во времена рожденія французской бюрократіи, явились къ великимъ республиканцамъ за помощью и поддержкой преданные рабы россійскаго самодержца, они получили бы самый рѣшительный и самый рѣзкій отвѣтъ. Имъ сказали бы тогда языкомъ революціонной эпохи, что между „царствомъ свободы“ и „деспотіей“ нѣтъ ни путей, ни проходовъ. Имъ сказали бы трибуны великаго переворота, что „нѣтъ большихъ враговъ во вселенной, какъ тяжкій и варварскій царизмъ и новый міръ равенства, братства и свободы“. Мало того. Они сочли бы подобное предложеніе несмываемымъ оскорбленіемъ всей націи, а посланниковъ сѣвернаго тирана отправили бы въ сумасшедшій домъ для исцѣленія... И это вполнѣ понятно. Демократія тогда вѣрила въ свое призваніе и силы. На ней горѣло зарево освобожденія Европы. И не одному французскому деспотизму объявила она безпощадную войну, она стремилась обновить вселенную, дать человѣчеству новую жизнь, новые идеалы, золотой вѣкъ разума, счастья и свободы. И они знали, Аристиды и Бруты революціонной религіи, что ихъ дѣло не дѣло одной Франціи, ихъ подвигъ—не временный, не мѣстный, не національный. Предъ ними, словно громадный вѣнценосный спрутъ, раскинулась груда абсолютизма: во всѣхъ странахъ она сковала народное тѣло,—повсюду душила и высасывала народныя силы, вездѣ держалась штыками коронованнаго международнаго братства. Не могъ быть свергнутъ деспотизмъ въ одной странѣ безъ того, чтобы не затряслась вся его интернаціональная сила, нель-

Стансы.

Въ прекрасный день освобожденья,
На свѣтломъ праздникѣ рабовъ —
Вы не дождетесь ни прощенья,
Ни оправданья, ни забвенья
Среди ликующихъ бойцовъ.

Казакъ безграмотный и злобный,
Солдатъ, обманутый царемъ,
Надъ нашей Русью безподобной
Стоявшій словно крестъ надгробный,
Мы честь и мѣсто вамъ найдемъ.

Въ борьбѣ — любой противникъ жаркій:
Судъ, обрекающій на казнь,
Лихой жандармъ, тюремщикъ маркій
Увидятъ свѣтъ живой и яркій, —
Забудутъ вѣчную боязнь.

Но вы — свободными умами
Сильнѣе львовъ, вольнѣе птицъ, —
Громоподобными словами
Вы небо рушившіе съ нами,
На дѣлѣ — падавшіе ницъ?!

Народъ своей святѣйшей кровью,
Безцѣннымъ потомъ всей земли—
Купилъ вамъ свѣточъ, чтобъ съ любовью
Его надъ вспаханною новью
Къ побѣдной жатвѣ вы несли.

Но, въ поле вышедшіе съ нами
Въ одной дружинѣ боевой,
Смутились робкими сердцами
И погасили свѣточъ сами
Вы святотатственной рукой.

Изъ нашей битвы чудотворной,
Изъ этой сказки на яву
Ушли вы прочь толпой покорной, —
Глупцы, — за свой покой позорный,
За право жить въ свиномъ хлѣву.

Сбираясь за семью замками —
Сердца трусливыя тая, —
Вы снова храбры, снова съ нами?!.
Кого вы блудными словами
Смутите, прежніе друзья?

Членъ всѣхъ пріютовъ и совѣтовъ,
И вицмундиренъ и смѣшонъ —
Елей столичныхъ комитетовъ,
Трибунъ отдѣльныхъ кабинетовъ,
На царской службѣ Цицеронъ.

Незамѣнимъ по части штатской
Числа двадцатаго бунтарь!
Тебя, о Брутъ, рукою братской
Благословитъ Иванъ Кронштадтскій,
И наградитъ звѣздою царь.

Благополучны вы и сыты!
Идите же своимъ путемъ,
Земли голодной сибариты —
Подъ опозоренныя плиты
На вашемъ кладбищѣ глухомъ...

Но — въ свѣтлый день освобожденья, —
Подлѣй цѣпныхъ продажныхъ псовъ,
Вы не дождетесь ни прощенья,
Ни оправданья, ни забвенья
Среди ликующихъ борцовъ...

Южный.*)

*) Стихотвореніе это принадлежитъ перу одного изъ популярнѣйшихъ русскихъ беллетристовъ. Такъ какъ авторъ живетъ въ петербургскихъ „предѣлахъ досягаемости", то понятно его желаніе скрыь свое громкое имя подъ псевдонимомъ. Ред.

Le Drapeau Rouge | Die Rote Fahne

Іюнь 1906 годъ

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Амфитеатрова

№ 3

IMPRIMERIE GAUDOIS ET CHANUT
50, rue de la Goutte-d'Or, Paris

— Деньги? Деньги достанетъ Дума. Подъ это учрежденіе даютъ въ Европѣ по 82 за 100, хотя оно не стоитъ и десяти. Намъ кажется...

— А если Думу вы разгоните?

— Тогда продамъ Василію Федоровичу — Польшу... Быть можетъ — Францію ему Мы продадимъ, когда она не станетъ давать Намъ деньги... Зачѣмъ она тогда, не правда ли? Кавказъ продать полезно... Онъ очень много стоитъ, но ничего Намъ не даетъ... все только безпокойства, возстанія, бунты... Сибирь — американцы купятъ, ссылать людей въ Архангельскъ можно, тамъ много мѣста для этого. Прохладно и пустынно... Россію можно округлить, подобно яблоку, и такъ зажать ее въ рукѣ, что она, наконецъ, успокоится...

Онъ немножко взволновался, и его безкровное лицо вновь вспотѣло... Успокоясь и отерѣвъ его дрожащими руками, царь закончилъ:

— Ну, достаточно, однако. Мы все повѣдали для міра, все, что Намъ написали на бумажкѣ... и даже нѣсколько лишняго... Но лишняго изъ устъ Царя никто не слышитъ!... Вы слышали только то, что Нами прочитано было по бумажкѣ... Ступайте благовѣстить міру о мудрости и добромъ сердцѣ того, кто наградилъ васъ счастьемъ бесѣды съ Нимъ наединѣ. Идите!

Онъ бросилъ въ сторону сонетку и, прежде чѣмъ я могъ пожелать ему счастливаго пути, владыка русскаго народа провалился подъ полъ, вмѣстѣ съ трономъ.

Но передо мною, въ полутьмѣ этой комнаты, все еще блестѣли его тщательно вымытыя руки и безпокойно бѣгали глаза. Сквозь нихъ былъ видѣнъ мракъ его души, сморщенной тревогами жизни, какъ печеное яблоко. Какой-то сѣрый, тепленькій кисель наполнялъ эту душу. Въ немъ медленно копошились маленькіе червячки честолюбія и, какъ испуганная ящерица, метался страхъ за жизнь.

Душа ничтожная, душа презрѣнная, опившаяся кровью голоднаго народа, больная страхомъ, маленькая, жадная душа коптила предо мной, подобно огарку свѣчи, наполняя страну мою смрадомъ духовнаго разврата и преступленій...

М. Горькій.

Нью-Іоркъ, 10 мая 1906.

Пять стихотвореній.

I.

Марсельеза.*)

Возстанемъ за родину, братья!
День славы побѣдной зоветъ.
Отмщенье тиранамъ, проклятье!
Подъ красное знамя, народъ!
Вы слышите ль ревъ надъ полями
И крики свирѣпыхъ солдатъ?
Грозятъ они злыми руками
Душить нашихъ женъ и ребятъ.
Къ оружію, дружины!
За родину, впередъ!
На нивы и долины
Кровь извергов падетъ.

Что шайкѣ разбойничьей надо?
Предатели! Трона рабы!
Кому роковая преграда
И цѣпи жестокой судьбы?
Товарищи! Взрывъ оскорбленья
Въ насъ гнѣвъ безпощадный зажжетъ:
Куютъ они рабскія звенья,
Хотятъ обезславить народъ.
Къ оружію... и т. д.

Товарищи! Съ вражескимъ войскомъ
Ворваться грозятъ они къ намъ,
Бить тѣхъ, кто въ порывѣ геройскомъ
На встрѣчу идетъ палачамъ.
О, Боже! Ужели цѣпями
Они нашихъ братьевъ скуютъ,
Придутъ и, глумяся надъ нами,
Отнимутъ и землю, и трудъ!
Къ оружію... и т. д.

*) Съ удовольствіемъ помѣщаемъ эту новую переработку Марсельезы, сдѣланную извѣстнымъ поэтомъ-драматургомъ А. М. Федоровымъ литературно и ритмически — удобно къ исполненію. Ред.

О, нѣтъ, трепещите, тираны,
Измѣнникамъ стыдъ и позоръ!
Всѣ ваши преступные планы
Заслужатъ святой приговоръ.
Всѣ станутъ въ ряды ополченья,
Падетъ молодежь, но страна
Дастъ новыхъ героевъ для мщенья
И вновь запылаетъ война!
Къ оружію... и т. д.

Товарищи — воины, смѣло
Сражайтесь. Не надо беречь
Борцовъ за народное дѣло
И вѣрную нашу картечь.
Что дѣлать! Ужасны потери,
Но мы вѣдь не тѣ, что терзать
Способны, какъ дикіе звѣри,
Свою беззащитную мать.
Къ оружію... и т. д.

Священное чувство народа
Зажгло героизмъ и любовь.
Подъ знаменемъ нашимъ — свобода,
А съ ней наши мысли и кровь.
Пускай-же враги, умирая
Подъ сѣнью священныхъ знаменъ,
Увидятъ, отчизна святая,
И славу твою, и законъ.
Къ оружію... и т. д.

Мы въ жизнь обновленную вступимъ.
Героевъ не станетъ въ живыхъ,
Но кровь ихъ мы славой искупимъ,
Дѣлами, достойными ихъ.
Безъ нихъ, не завидуя жизни,
Желая ихъ гробъ раздѣлить,
Мы будемъ гордиться въ отчизнѣ —
За нихъ умереть, иль отмстить...
Къ оружію... и т. д.

II.

Братья, въ комъ сердце застыть не успѣло,
Кто еще молодъ душой,
Къ намъ, на защиту великаго дѣла
Шествуйте гордой толпой.
Въ битвѣ за благо родного народа
Смѣло прольемъ свою кровь.
Нашимъ девизомъ да будетъ „Свобода“,
Знаменемъ свѣтлымъ Любовь.

Родина наша изныла отъ муки,
Скованъ неволей народъ.
Братья, сомкнемте рабочія руки,
Двинемся дружно впередъ.
Если устанемъ мы въ битвѣ съ врагами,
Если нашъ духъ упадетъ,
Тѣни погибшихъ поднимутся съ нами,
Мертвый живому оплотъ.
Врагъ не щадилъ безоружныхъ, и пали
Въ волны кровавой рѣки
Женщины, дѣти... Ихъ пули пронзали,
Рвали на части штыки.
Гнѣвъ распаляетъ отвагу и силы.
Павшіе къ мести зовутъ.
Горе убійцамъ! Святыя могилы
Ихъ обрекаютъ на судъ.
Слава погибшимъ! Мы имъ, какъ молитву,
Пѣсню свободы споемъ;
Съ пѣсней свободы въ жестокую битву
Мы, какъ на праздникъ, пойдемъ.
Смѣло-же, братья! Пусть врагъ на готовѣ,
Правый всегда побѣдитъ:
Капля невинно-пролившейся крови
Гибельнѣй пули разитъ.

III.

Родина.

Съ нѣмецкаго.

О, родина, что такъ красна ты
Не оттого-ль, что красный цвѣтъ —
Красивъ и краше въ мірѣ нѣтъ?
Цвѣтутъ такъ розы и гранаты.
Не оттого-ли такъ красна ты?
То — краска темнаго стыда
За то, что цѣпи отлитыя
Тебя сковали безъ суда,
За мечъ и скипетръ отнятые,
За то, что грудь твою штыками
Солдаты колютъ передъ нами.
Позоръ твой видитъ цѣлый свѣтъ.
Простерта въ страхѣ ты, и нѣтъ,
За униженье, за обиды,
Суровой кары Немезиды.
Вотъ отчего твой красенъ цвѣтъ,
Смерть изъ него глядитъ на свѣтъ.

О, родина, что такъ красна ты?
Не оттого-ль, что красный цвѣтъ
Румянитъ женщинъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Какъ золотистые закаты?
Не оттого-ли такъ красна ты?
Суровый гнѣвъ горитъ, какъ кровь:
Ты снова предана, и вновь
Твое довѣрье обманули.
Въ крови горячей потонули
Твои честнѣйшіе сыны.
Твои пути обнесены
Штыками, какъ стальною сѣткой.
Ты вскормлена картечью мѣткой.
Вотъ отчего твой красенъ цвѣтъ:
Смерть изъ него глядитъ на свѣтъ.

Своею кровью ты красна.
О, горе! Бѣдная жена!
Твое истерзанное тѣло
Краснѣетъ подъ кнутомъ. Тебя,
О, родина, враги, губя,
Пытаютъ, члены рвутъ на части...
А тамъ — покой безъ думъ, безъ страсти
Тебя обнимутъ. Да, покой
Могилы, смерти ледяной.

Самъ дьяволъ, видя эти муки,
Хохочетъ, потираетъ руки
И ждетъ, когда прійдетъ конецъ, —
Ты, окровавленный мертвецъ,
Замрешь при этомъ злобномъ смѣхѣ,
Къ его потѣхѣ.

О, горе! О, святое горе!
Ты — Божій пламень, красота!
Клянемся съ вѣрою во взорѣ
Всю тяжесть твоего креста
Дѣлить, доколѣ сердце живо!
Да не смутитъ насъ демонъ злой,
Тебѣ, святая, терпѣливо
Мы вѣримъ, вѣримъ всей душой.

Мы тѣло матери съ любовью
Обнимемъ, плача отъ тоски;
Ея страдальческою кровью
Намочимъ мы свои платки.
Огонь стыда и гнѣва! Властно
На нашемъ знамени взлети:
Землѣ и небу возвѣсти.

Земля застонетъ. Вздрогнетъ твердь,
Свобода, или смерть!

* * * * *

IV.*)

Какіе дни! Передъ глазами
Они стоятъ, стоятъ, какъ бредъ.
Нигдѣ отъ нихъ спасенья нѣтъ.
Все сердце залито слезами.
Они вздыхаютъ предо мной
Съ незабываемымъ укоромъ,
Съ неумолимымъ приговоромъ.
И я, и все тому виной.
И каждый день, и каждый часъ
Въ степяхъ Манчжуріи далекой
Потокъ кровавый и глубокій
Бѣжитъ, рыдая и дымясь.
И каждый день, и каждый часъ
Звучатъ тамъ стоны, вопли, скрежетъ.
Тамъ смерть людей, какъ травы, рѣжетъ:
Ихъ кровь, проклятья ихъ на насъ.
А въ желтой бѣшеной водѣ,
На днѣ глубокомъ океана —
Все трупы, трупы... Смерть ихъ рано
На жертву бросила враждѣ.
Дружина мертвыхъ велика,
Ихъ сотни тысячъ. Слава павшимъ!
Имъ, побѣжденнымъ, смерть пріявшимъ,
На надо пышнаго вѣнка.
Но горе вамъ, что обрекли
На смерть, на битвы роковыя
Сердца, довѣріемъ живыя,
Надежды лучшія земли.
Пусть окровавленный орелъ
Надъ ними справитъ злую тризну,
Тебѣ проклятіе, отчизну,
Сгубившій, подлый произволъ.
Тамъ ты на гибель осудилъ
Полковъ отважныхъ вереницы.
А здѣсь — насилье и темницы.
Мы задыхаемся. Нѣтъ силъ!
И только хищники одни
Свою добычу рвутъ на части.
Когда-жъ конецъ кровавой власти,
Конецъ вамъ, траурные дни?
Такъ больше жить нельзя, нельзя,
И человѣкъ такъ жить не вправѣ.
Предпочитать безславье славѣ,
Надъ бездной ужаса скользя,
Съ тупой холодностью смотрѣть,
Какъ гибнетъ, кровью залитое,
Все благородное, святое.
Ужъ лучше честно умереть!

*) Написано въ 1905 г. Не было пропущено русскою цензурою. Ред.

V.

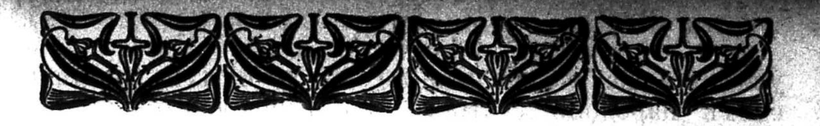
Дрожитъ тюремная стѣна
И пошатнулись своды зданья,
Гдѣ жизнь была заключена
Въ камняхъ неволи и молчанья.
Дрожитъ тюремная стѣна.

Въ испугѣ заметались гады.
Идетъ могучая волна
И рушитъ мрачныя преграды.
Дрожитъ тюремная стѣна:
Въ нее сквозь трещины и щели
Трава пробилась. Жизнь сильна,
А камни тьма и ржа разъѣли.

Дрожитъ тюремная стѣна.
Дрожитъ на ней орелъ двуглавый.
Самъ Богъ ей чертитъ письмена
Рукою огненно-кровавой:
„Мани, факелъ, фаресъ.“ Стѣна
Вотъ — вотъ и рухнетъ, и раздавитъ
Тѣхъ, кто страну свою безславитъ.
Такъ прокляни же ихъ, страна!

А. Ѳедоровъ.

Русскіе основные законы.

Для того, чтобы понять русскіе основные законы, надо постичь, что такое само русское правительство. Это правительство въ настоящее время всѣ ругаютъ, а, между тѣмъ, оно само себѣ ужасно нравится. Намъ кажется, что для его пониманія нужно прежде всего обратиться къ его собственной оцѣнкѣ, къ его мнѣнію о самомъ себѣ. И тутъ мы увидимъ нѣчто замѣчательное. То, что всѣмъ отвратительно и ненавистно, представляется далеко не такъ плохимъ, но совсѣмъ даже хорошимъ. Мало того — прекраснымъ, великолѣпнымъ, безукоризненнымъ. Аттестаты, которые выдаютъ себѣ наши „сферы“, воистину недосягаемы; въ нихъ рисуются образы несравненной красоты, непостижимаго совершенства!

Впрочемъ, пусть говоритъ оно само въ своихъ указахъ 1905—1906 гг. И — да извинитъ читатель за тотъ лапидарный стиль, которымъ пользуется оффиціальная правительственная ода. Мы бы назвали ее гимномъ Нарцисса на лонѣ управы благочинія.

И, прежде всего, тѣ всеобъемлющія, удивительно прекрасныя цѣли, къ которымъ стремится самодержавное ташкенство.

Эти цѣли воистину велики, воистину достойны всероссійскаго помпадурства. Перечислимъ ихъ, согласно строго оффиціальнымъ изліяніямъ. Это, прежде всего, „благо ввѣренной ему державы“, это — „усовершенствованіе государственнаго благоустройства и улучшеніе народнаго благосостоянія“. Этимъ, конечно, дѣло не ограничивается, надо подымать выше. И здѣсь мы зримъ охрану „чести и достоинства Россіи“ и даже „упроченіе въ долготу вѣковъ мирнаго пре-

крови и выпитаго вина, наглость бандитовъ, выпущенныхъ волею „начальства" на покоренную страну, наглость побѣдителей, топчущихъ подъ ногами, брошенныя имъ въ жертву, человѣческія тѣла — вотъ та обстановка, среди которой вырабатываетъ свои законы Дума и выражаетъ свое „недовѣріе" министерству, презирающему все, кромѣ штыковъ.

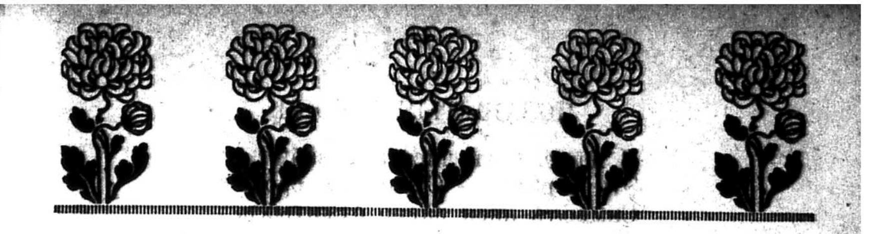
Этимъ заканчивается русская конституція, и подтверждается, при помощи „дѣйствительныхъ" мѣропріятій, „полная" сила законовъ. „Незыблемость" стараго начала не только объявлена, но и оправдана на дѣлѣ. Старое самодержавіе не измѣнилось ни на іоту, напротивъ, оно стало еще болѣе послѣдовательно и ужасно, оно довело до послѣднихъ мыслимыхъ границъ свою теорію безпросвѣтной тираніи, свою практику ничѣмъ не ограниченнаго, ничѣмъ не сдержаннаго человѣкоубійства. Русскіе „основные" законы не мертвая буква, не канцелярскій миѳъ, какъ это утверждаютъ кадеты, это чудовище, одѣтое стальною щетиной штыковъ, опоясанное пулеметами, которое не только живетъ настоящей реальной жизнью, но и душитъ, и давитъ, и мучитъ безъ конца!

Русскіе „основные" законы — это тѣ же законы смерти, которые перечислены мною сейчасъ. Они падутъ только тогда, когда не кадетская Дума, а учредительное собраніе державнаго народа произнесетъ свое слово, подыметъ штыки противъ штыковъ!

И Дума противъ „основныхъ" законовъ не протестовала!

М. А. Рейснеръ.

ПѢСНИ МСТИТЕЛЯ.

СТРАШНЫЙ СРОКЪ.

Онъ близится, безумно-страшный срокъ,
Зовущійся Девятымъ Января.
Свершится-ль все, что должно, въ краткій срокъ?
Мы свергнемъ ли преступнаго Царя?
Мы правы ли, такъ твердо говоря,
Что часъ побѣды недалекъ?
Быть можетъ, въ близкихъ дняхъ, въ незримости, возникъ
Не свѣтлый мигъ, о, нѣтъ, Двойникъ
Девятаго, такого жъ, Января?

О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Друзья, клянитесь мнѣ.
Скажите: Всѣ ли мы не спимъ?
Скажите: Точимъ ли ножи мы въ тишинѣ?
Скажите: Отданъ ли приказъ сторожевымъ?
Убитый часто былъ убитъ въ глубокомъ снѣ.
Клянитесь — не отдаться имъ,
Врагамъ Свободы вѣковымъ.
Пусть рой ихъ не захватитъ насъ
Безсильными въ обманный часъ.
Свергать ли намъ Царя? Онъ свергнутъ. Нѣтъ его.
Онъ — кукла, призракъ, тѣнь позора своего.
Я не о немъ. Но много ихъ,
Враговъ, враговъ, враговъ живыхъ,
Чья волчья пасть готова съѣсть
Всѣхъ тѣхъ, въ комъ искра Правды есть.
Не спите, братья. Жутко мнѣ,
Не за себя, но, весь въ огнѣ,
Я говорю вамъ: Бойтесь тьмы.
Враги идутъ. Готовы-ль мы?
Подходитъ — Быть или не быть.
Намъ надо звѣря истребить.

Москва, 13 ноября 1905 г.

ПОЗАБЫТЫЯ СТРОКИ.

Я нашелъ въ листкахъ забытыхъ
Эти строки — Страшный срокъ —
Символъ дней давно отжитыхъ,
Жизней, мыслей, сновъ разбитыхъ.
Есмь, какъ былъ я, одинокъ.
Я предвидѣлъ, зналъ навѣрно,
Все, что будетъ — быть должно.
Дни уходятъ равномѣрно,
Я одинъ упалъ на дно.
Да, я зналъ, но я съ бойцами
Братскимъ словомъ говорилъ,
Вѣрилъ я, что ихъ дѣлами
Будетъ спугнутъ мракъ могилъ.
Такъ хотѣлось жить мнѣ снами,
Думать, будто ихъ глазами,
Ихъ живыми голосами
Опровергнуть буду я. . .
Нѣтъ, сбылась тоска моя.
Тѣ, которые твердили,
Что враговъ почти-что нѣтъ,
Уступили грубой силѣ,
И ушли. . . „Прощай, поэтъ“.
Что жъ, прощайте. Я прощаюсь.
Я одинъ упалъ на дно.
Но свершить я обѣщаюсь
То, что мнѣ, лишь мнѣ дано.

Парижъ, 21 іюня 1906 г.

К. Бальмонтъ.

Революція и молодежъ.

Публичная лекція, прочитанная въ пользу парижскаго „Бунда“.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Когда одинъ злополучный лекторъ началъ свое чтеніе словами: „человѣкъ есть животное“, изъ публики послышался протестующій голосъ: „не надо автобіографіи!“ Несмотря на такой плачевный прецедентъ, мнѣ, какъ убѣжденному стороннику позитивныхъ началъ, неизбѣжно стать на ту же точку зрѣнія, что подвела подъ косу острой шутки расцвѣтъ мыслей моего сконфуженнаго предшественника. И сконфузился онъ напрасно. Въ той благородной животности, которая называется человѣчествомъ, нѣтъ рѣшительно ничего оскорбительнаго для особей, къ ней принадлежащихъ. А отказываться отъ своего званія, рода и племени не годится. Не надо чувствовать себя въ великомъ департаментѣ природы дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, который, выслужившись изъ писцовъ, позабылъ на высотѣ чина свое исконное происхожденіе и заказываетъ для себя герольдисту родословную отъ Рюрика, тогда какъ, въ дѣйствительности, родитель его очень скромно пономарствуетъ гдѣ-нибудь въ приволжскомъ селѣ.

Въ XIX вѣкѣ нѣкоторые медики настаивали, что къ пяти чувствамъ, выражающимъ собою физическое отношеніе человѣка къ окружающему его міру, необходимо прибавить шестое: самочувствіе, — то есть инстинктивную, именно животную способность человѣка къ самоопредѣленію, насколько нормально работаетъ его организмъ, къ чутью въ себѣ болѣзни и выздоровленія. Число чувствъ не есть что-либо незыблемое, и прогрессъ человѣческій, совершенствуя

I.

Смерть орла.

(Сонетъ.)

Quand l'aigle a depassé les neiges éternelles...
(José - Maria de Heredia).

Когда орелъ валетѣлъ надъ купами снѣговъ —
Стальными взмахами онъ воздухъ бьетъ широко,
И солнца хочетъ онъ, и синевы далекой,
Чтобъ напоить огнемъ туманъ своихъ зрачковъ.

Навстрѣчу молнія — сквозь облачный покровъ
Бѣжитъ зигзагами огнистаго потока...
И мечетъ тучи искръ... И вдругъ — изъ облаковъ
Вонзилась въ грудь ему — злорадно и глубоко...

И раздается крикъ — зловѣщій, одинокій,
И, въ бездну падая, орелъ сраженный пьетъ
Разсѣянные имъ безсильные потоки...

Блаженъ — то опьяненъ Свободою — умретъ
Въ расцвѣтѣ юныхъ силъ, взволнованный мечтой,
Кончиной радостной — внезапной — и хмѣльной.

* * * * *

II.

Вы въ маскѣ — на тронѣ,
Мы въ маскахъ — кругомъ...
Бьетъ полночь... Мы ждемъ,
Вы ждете въ кровавой коронѣ.

Съ послѣднимъ ударомъ
Затишье налилось свинцомъ...
И вдругъ — раззолоченный домъ
Окрасился алымъ пожаромъ...

Мы бросили маски
И стали у нашихъ знаменъ...
Но вы улыбались сквозь сонъ —
Вамъ кто-то разсказывалъ сказки...

Вы были въ дали,
Царили надъ міромъ безбрежно...
И мы подошли,
Какъ полночь — темно, неизбѣжно...

Дымѣли, шумя, головни,
Все было такъ ясно въ развязкѣ —
И вы лишь одни
Закончили роль свою въ маскѣ...

Александръ Бискъ.

Le Drapeau Rouge | Die Rote Fahne

Іюль 1906 годъ

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Амфитеатрова

№ 4

IMPRIMERIE GAUDOIS ET CHANUT
50, rue de la Goutte-d'Or, Paris

Помогите же вашимъ русскимъ товарищамъ въ ихъ тяжелой борьбѣ съ царемъ и шайкой палачей его, утопившихъ въ крови всю Россію! Сдѣлайте это!

Во имя единства интересовъ всѣхъ рабочихъ — вы должны подать руку помощи русскимъ рабочимъ!

Когда наступитъ день борьбы и для васъ, и вы тоже будете нуждаться въ помощи — тогда вы найдете друзей, которые отзовутся на вашъ крикъ:

Помогите, товарищи!

Максимъ Горькій.

Стихотворенія въ прозѣ.

I. Послѣдній.

(Погребальная пѣснь.)

Посвящается Николаю.

Какъ это страшно — быть послѣднимъ!...

Обхвативъ голыми руками свои дрожащія колѣна, весь въ бѣломъ, какъ привидѣніе, сидѣлъ онъ на кровати и, вперивъ неподвижный взоръ въ уголъ, гдѣ терялся нѣжный полумракъ ночи, ждалъ, ждалъ...

Испуганное ухо ловило всѣ смутные шорохи и шумы ночной тишины, а больное воображеніе рисовало страшныя, тревожныя картины... И кто-то все надвигался на него, сѣрый и сумрачный, изъ страшнаго угла, въ темной одеждѣ, изъ-подъ которой торчали бѣлыя острыя кости скелета, и чье-то бѣлое, костлявое лицо выходило изъ мрака угла, и глубокіе впавшіе глаза свѣтились двумя красными огоньками, и ротъ раскрывался съ большими бѣлыми зубами и съ черной ямой, откуда выползало отвратительное и непрерывное, долгое, растянутое шипѣніе:

— По... слѣд... ній.. По... слѣд... ній...

И ночь, эта черная, грозная, притаившаяся ночь пѣла вмѣстѣ съ призракомъ погребальную пѣснь:

— Послѣдній... По... слѣд... ній...

* * *

Испытующи вглядывался онъ днемъ въ лица приближенныхъ друзей, и ему казалось, что у каждаго, подъ костяной крышкой черепа кроется одно страшное для него, неотвязное, роковое слово:

— Послѣдній...

А чтобы стать послѣднимъ, нужно только одно — насильственное свергенiе съ престола, заточенiе, а послѣ... послѣ...

Послѣднiй... И ему казалось, что всѣ они знаютъ уже давно это слово, только прячутъ отъ него, что всѣ они давно уже смотрятъ на него, то съ недоумѣнiемъ, то съ жалостью, смотрятъ, какъ на тѣнь, какъ на обреченную жертву неумолимаго закона, и всѣ, кажется, удивляются, почему онъ еще ходитъ, ѣстъ, говоритъ, когда онъ уже не принадлежитъ больше жизни, когда онъ уже не здѣшнiй, когда онъ уже послѣднiй... И онъ сердился на нихъ въ думѣ и кричалъ имъ въ своей головѣ, такъ чтобы никто, кромѣ него, не слышалъ:

— Но я жить еще хочу... Я жить хочу въ длинномъ рядѣ потомковъ, въ длинной вереницѣ наслѣдниковъ моей династiи... Отъ незабвеннаго родителя принялъ я власть и хочу передать власть своему наслѣднику... Я полонъ еще жажды жизни, власти, славы... У меня еще въ рукахъ скипетръ, и цѣлъ еще мой тронъ... Я не хочу быть послѣднимъ...

Но изъ каждаго лица, изъ каждаго блюда на столѣ, изъ каждой складки платья на него глядѣла, насмѣшливо прищурившись, Исторiя, и ея широкiй ротъ съ длинными бѣлыми зубами кривился и оттуда неслось:

— Послѣднiй... Послѣднiй...

— Неправда, неправда... Я не послѣднiй... Я — второй только, а тамъ еще будетъ третiй, четвертый...

— Второй и послѣднiй... — упрямо шипѣла Исторiя и дьявольски улыбалась, и костлявое лицо ея прыгало по стѣнкамъ комнаты, коврамъ, по одеждамъ приближенныхъ...

* * *

— Послѣднiй... — на ухо сурово шептала ему Исторiя.

— Самодержавiе развивалось постепенно... Усиливалась власть царей, ихъ могущество внѣшнее и внутреннее, и вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно усиливался ихъ деспотизмъ, своеволiе, ихъ развратъ и слѣпое безумiе... ихъ вырожденiе... Наконецъ, достигши высшей точки своего расцвѣта, идея самодержавiя развила къ тому времени внутри себя сильные отрицающiе и уничтожающiе ее самое элементы,

и въ самомъ ростѣ могущества царей уже жилъ и развивался зародышъ, крѣпкiй и великiй, гибели ихъ, ихъ идеи, ихъ самодержавiя... Все имѣетъ свое время и свой предѣлъ, все развивается, усиливается и развиваетъ въ то же время въ себѣ источникъ своей собственной гибели... Пришелъ конецъ самодержавiю и ты — послѣднiй, послѣднiй...

Послѣднiй тотъ, кто тиранилъ и мучилъ невыносимо свою родную землю...

Послѣднiй тотъ, кто наполнилъ рѣки своей страны кровью народною, слезами сиротскими, вдовьими... Послѣднiй тотъ, кто превратилъ богатую страну въ кладбище и кто оставилъ за собою могилы безъ креста, безъ молитвы, безъ счета... Кто убивалъ грудныхъ, невинныхъ дѣтей, сѣдыхъ стариковъ, кто насиловалъ женщинъ, вѣшалъ юношей, гноилъ въ тюрьмахъ героевъ, кто всѣхъ безъ различiя грабилъ, рѣзалъ, калѣчилъ, билъ, пыталъ... Послѣднiй онъ, послѣднiй...

Пусть будетъ онъ проклятъ, этотъ послѣднiй тиранъ и выродокъ, что пожиналъ ужасъ на засѣянныхъ человѣческими костьми и политыхъ человѣческой кровью поляхъ, кто упорно спасая свой вѣнецъ и свой тронъ, посылалъ пушки и пулеметы, нагайки и ружья на мирныхъ людей, ищущихъ хлѣба и воли...

Будь проклятъ онъ, послѣднiй тиранъ и самодержецъ земли русской!...

* * *

И Исторiя бѣжала по улицамъ, заходила на собранiя, въ дома, къ людямъ, и всюду всѣмъ весело кричала:

— Готовьтесь... готовьтесь встрѣтить великiй мигъ! Будьте счастливы тѣмъ, что вамъ суждено быть свидѣтелями и участниками великой революцiи... Знайте всѣ, что чередъ всему приходитъ... Знайте, что рушится строй царей и феодаловъ, тиранiи и безсмысленнаго гнета, онъ уходитъ навсегда въ глубь сѣдыхъ временъ — и открывается широкiй путь новой, свободной борьбы... Идетъ власть капитала... Но это послѣдняя власть, съ которой вамъ, люди, придется бороться. Знайте это и радуйтесь этому. И съ надеждой и любовью смотрите впередъ, въ счастливую даль, туда, гдѣ я вижу настоящаго и единствен-

наго, гордаго побѣдителя жизни, хозяина ея, творца... Онъ грядетъ — этотъ свѣтлый творецъ, и онъ принесетъ вамъ настоящій хлѣбъ и настоящую волю...

История кричала настойчиво и шумно, и всѣмъ, кто сумѣлъ понять или душой почувствовать ея слова, становилось весело и хорошо... И съ презрительной насмѣшкой смотрѣлъ онъ тогда на того, кто боролся противъ могущественной Исторіи пушками и нагайками и не хотѣлъ повѣрить въ то, что онъ — Послѣдній...

* * *

А онъ, Послѣдній, все посылалъ умирать ихъ, возставшихъ рабовъ, ищущихъ человѣческой жизни...

Лилась кровь... Трещали ружейные выстрѣлы, падали пылкіе, какъ гнѣвъ народный, юноши, смѣлые, какъ отчаяніе, мужи, молодыя, нѣжныя, какъ утро, дѣвушки... Съ сладкой мыслью о свободѣ и съ сдавленнымъ крикомъ проклятья убійцѣ умирали они...

И шли новыя толпы, подымались и шли, какъ волны въ бурю, шли безпрестанно, въ бой шли, какъ на праздникъ, шли мужчины, женщины, старики...

И все трещали по прежнему ружейные выстрѣлы, трещали громко, весело, несмотря на то, что кровь лилась отъ нихъ, и въ веселой трескотнѣ ихъ, въ порывистыхъ перекатахъ слышалось умирающимъ рѣзкое, громкое и веселое:

— Послѣдній, подслѣдній...

* * *

И когда военные патрули отбивали по командѣ правильный тактъ вокругъ его царскаго дворца, въ этихъ размѣренныхъ: разъ, два, — слышалось громкое и торжественное, неумолимое и строгое:

— По-слѣдній, по-слѣдній...

И когда церковные колокола въ царскіе праздники на перебой трезвонили, рвались впередъ, обгоняли радостно другъ друга, то всѣмъ и ему самому тоже слышалось, какъ на перебой они старались выкрикнуть одинъ раньше другого:

— Послѣдній, послѣдній...

* * *

Когда Послѣдній надсмѣялся надъ тѣми людьми, которыхъ народъ послалъ рѣшать свою судьбу и добыть земли и воли, и разогналъ ихъ, онъ, полный страха за будущее, окружилъ тѣснымъ кольцомъ своего христолюбиваго воинства то зданіе, въ которомъ засѣдало первое народное собраніе. Но какъ ни строга была охрана, какъ ни свѣтло было въ этотъ историческій день, на одной изъ стѣнъ зданія, передъ глазами всѣхъ, вдругъ появилась зловѣщая и яркая надпись:

— Послѣдній...

Вѣрные слуги бросились стирать ее, ее стерли, но тотъ, кто видѣлъ это слово, унесъ его съ собой навсегда, крѣпкое и святое, въ своей таинственной памяти, и воробьи, которые подпрыгивали на деревьяхъ вокругъ зданія, встревоженные криками людей, звономъ сабель и ружей и пестрымъ видомъ солдатъ, они тоже запомнили это вѣщее слово и весело чирикали его на перебой:

— Послѣдній, послѣдній...

И имъ уже нельзя было заткнуть глотку...

* * *

Подъ горячими лучами солнца, прыгая по зеленымъ вѣткамъ, воробьи весело и на перебой, не боясь солдатскихъ штыковъ и казачьихъ нагаекъ, пѣли:

— Послѣдній, послѣдній...

Погребальную пѣснь поемъ мы Послѣднему...

II. Послѣдняя пѣснь торжествующей свиньи.

Гнусному россійскому самодержавію.

Эта пѣснь уже пѣлась, давно сложена и давно записана людьми, и все же я хочу напомнить вамъ о ней, потому что она поется еще и теперь, потому что — это послѣдняя пѣснь торжествующей свиньи...

Развѣ не слышите вы теперь снова этой пѣсни, громкой и подлой, торжествующей и увѣренной?... Развѣ не видите вы этой ожирѣвшей, толстой свиньи, которая поетъ эту пѣснь?...

Четвероногая, вѣчно ползающая въ грязи и отбросахъ, толстая, съ тупымъ рыломъ, вѣчно опущеннымъ

въ землю, съ узкими, тупыми глазками, жирная, разлагающаяся и все-таки веселая, она — эта огромная, торжествующая свинья, самодовольно и радостно виляетъ маленькимъ хвостикомъ и громко, увѣренно хрюкаетъ на всю родину, на весь міръ:

— Хрю... хрю...

Она побѣдила и торжествуетъ... Она напилась крови, живой, человѣческой крови, и наѣлась человѣческаго мяса, и ея громкое, сытое хрюканье побѣдно носится надъ полями и долинами, надъ горами и лѣсами:

Хрю... хрю...

Но это — ея послѣдняя пѣснь...

* * *

Уставши хрюкать, она опрокинется въ грязь, будетъ барахтаться въ ней, дрыгать короткими, жирными ногами, наслаждаться покоемъ, и ея заплывшіе, тупые глазки будутъ глядѣть побѣдоносно, торжествующе.

О, какъ я ненавижу ее, эту подлую свинью, которая теперь торжествуетъ на могилахъ борцовъ!...

Свинья побѣдила... и теперь торжествуетъ.

Хрю... хрю...

Свобода, право, человѣчность, любовь, жизнь, — все ею подавлено и затоптано въ грязь, въ которой она теперь такъ торжествующе барахтается... Нѣтъ Бога для нея, нѣтъ людей, законовъ нѣтъ, родины...

Есть для нея только она одна, жирная, напившаяся крови, отупѣвшая, торжествующая свинья...

Свинья побѣдила... и теперь торжествуетъ.

Надолго ли?...

* * *

Тамъ надъ нею, надъ ея вѣчно уставленнымъ въ землю рыломъ, скоро засіяетъ солнце и лучами освѣтитъ всю мерзость запустѣнія, тьму и гниль, высушитъ грязь и возродитъ къ жизни новые ростки, новыя сѣмена...

Я вѣрю въ это и знаю это...

Я знаю, что идетъ великая исторія, великій день идетъ, идутъ уже они, герои, борцы, и твердой ногой наступятъ на тупую голову подлаго животнаго и раздавятъ его, заживо разлагающееся и все-таки торжествующее и что опять появится и свобода, и право, и человѣчность, и любовь... и все...

Появится жизнь...

* * *

А пока эта побѣдительница-свинья торжествуетъ, и ея торжествующая пѣснь, ея сытое и тупое хрюканье несется по доламъ, горамъ, морямъ и селамъ милой родины...

Хрю... хрю...

Свинья побѣдила и теперь торжествуетъ...

Эта жирная, подлая, разлагающаяся скотина...

Она торжествуетъ...

О, задушите ее скорѣй... Уничтожьте зловоніе этой разлагающейся мертвечины, избавьте страну, весь міръ отъ торжествующихъ пѣсенъ ея... отъ ея хрюканья...

О, скорѣе идите, идите, борцы народные!...

Уберите заражающую жизнь торжествующую свинью...

* * *

Они идутъ!...

III. Часовой.

1.

Каждое утро я прохожу мимо часового, стоящаго у воротъ казармы.

Онъ неизмѣненъ на своемъ посту. Лицо мѣняется, мѣняется цвѣтъ волосъ, фигура, но внутренняя сущность, какъ и форменная одежда, остается одна и та же, всегда, всегда...

Часовой!... Онъ ходитъ на пространствѣ пяти шаговъ взадъ и впередъ, ходитъ ровнымъ, до точности размѣреннымъ и такимъ тупымъ, безразличнымъ шагомъ, выступая правой ногой, медленно опуская ее, ходитъ съ ружьемъ на плечѣ, ходитъ, ни о чемъ не думая, не чувствуя... Лицо такое искусственное, холодное, будто бы закрытое толстымъ стекломъ портретной рамки... Лицо сѣрое, тусклое, глаза безъ мысли, безъ напряженія...

Лицо мертвое... И ходитъ, и ходитъ...

12.

И пусть кто-нибудь подойдетъ къ нему... Пусть кто-нибудь съ огнемъ въ душѣ и жаркой мыслью въ головѣ подойдетъ къ нему, за руку возьметъ. Пусть скажетъ ему:

— Остановись!... Подумай!... Ты — человѣкъ... Жизнь прекрасна... Свобода даетъ тебѣ жизнь... Она дастъ жизнь твоей семьѣ, твоимъ братьямъ, твоей родинѣ... Уйди отсюда!

Уйди туда, гдѣ идетъ бой, гдѣ твои товарищи убиваютъ живыхъ людей, убиваютъ молодость, свободу... Иди!...

Онъ посмотрѣлъ изумленнымъ взглядомъ.

— Слушай!... Есть братство, свобода... Счастье людей есть... Солнце жизни...

Онъ будетъ равнодушенъ, потомъ арестуетъ васъ, отведетъ...

О, часовой, о, солдатъ!... Проклятіе жизни, создавшей тебя! Проклятіе тебѣ, развращающему, убивающему жизнь!...

13.

Часовой!... Страшный, безсмысленный символъ нашей жизни!...

Ты — олицетвореніе тупости нашего строя, его ужаса, ты воплотилъ въ себѣ всю лѣнивую скуку, всю пошлость, весь безнадежный сонъ, всю мертвечину жизни, солдатъ!...

Проклятіе тебѣ, проклятіе тупости!...

Убійца! Палачъ свободы! Прикажутъ тебѣ — ты будешь стрѣлять, прикажутъ — ты будешь вѣшать, будешь кланяться, цѣловать руки... Будешь убивать мать, жену, дочь родную, дѣтей... О, проклятіе, проклятіе тебѣ!...

Оживи отъ проклятій, отъ громовъ жизни, возьмутись... шевельнись...

О!...

Онъ бездушенъ, онъ ходитъ и ходитъ, безсмысленно, точно, вяло, непрерывно... Его ничто не разбудитъ... Онъ никогда не возмутится...

Ужасъ, ужасъ!...

Проклятіе тебѣ, часовой нашей жизни!... Проклятіе тому кошмару, который создалъ тебя!...

Проклятіе тебѣ, бездушный автоматъ!...

Д. Т. Никовъ.

Гнѣвъ Славянина.

I. СТРИБОГОВЫ ВНУКИ.

Вѣтры, Стрибоговы внуки,
Проносясь по безмѣрнымъ степямъ,
Разметали захватисто, цѣпкія, межь травъ шелестящія,
Кому-то грозящія,
Блѣдныя руки,
Стонутъ, хохочутъ, свистятъ, шелестятъ, шепчутъ соблазны
Громамъ.

„Гдѣ же вы, громы?
Судьбы намъ разны.
Гдѣ вы тамъ, громы? Вамъ незнакомы
Вольныя шири степей.
Слава идетъ, что вы будто гремите, —
Гдѣ ужъ вамъ! Спите!
Это лишь вѣтры, лишь мы шелестимъ, убѣгая по волѣ скорѣй
и скорѣй.
Степь пробѣжимъ мы, всю степь мы измѣримъ,
Съ хохотомъ, топотомъ, вторгнемся въ лѣсъ,
Сосны разметаны, травы всѣ спутаны. Что жь, не хотите
спуститься съ небесъ?
Гдѣ ужъ вамъ! Что ужъ вамъ! Мы только носимся,
Въ небо влетимъ, никого тамъ не спросимся,
Рухнемъ на море, поднимемъ волну,
Свиснемъ, — въ другую страну.
Въ ночь колдовскую загадкой глядимъ,
Снѣгъ поднимаемъ, и носимся съ нимъ.
Пляшемъ подъ крышей съ соломой сухой,
Въ душу бросаемъ и хохотъ, и вой.
Нѣжною флейтою душу пьянимъ,

Бѣшеной кошкою вдругъ завизжимъ.
Вѣдьмы смѣются, услышавши насъ,
Знаютъ, что вотъ онъ, отгадчивый часъ.
Вмигъ мы приносимся, вмигъ мѣ уносимся,
Входимъ, гдѣ нужно, не молимъ, не просимся.
Снова по прихоти мчимся своей,
Эй, вы, просторы степей,
Вѣтры мы, вѣтры, Стрибоговы внуки,
Дайте намъ пѣть и плясать веселѣй,
Мы вѣдь не сѣрою тучею влекомы,
Нѣтъ,
Мы вѣдь не громы,
Наши всѣ земли и нашъ небосводъ,
Мраки и свѣтъ,
Прямо летимъ мы — и вдругъ поворотъ,
Мы вѣдь не громы.
Небо? Да мы не считаемся съ нимъ,
Если чего мы хотимъ, такъ хотимъ!"

Вдругъ въ небесахъ разорвались хоромы,
Башнями, храмами взнесшихся, тучъ,
Это за громы обиженъ, гремучъ,
Въ бѣгѣ блистателенъ,
Въ гнѣвѣ пѣвучъ,
Въ краскахъ цвѣтистъ, въ торжествѣ обаятеленъ,
Молніей дымный чертогъ свой порвавъ,
Съ тьмой, съ тучевыми его водоемами,
Молніи бросивъ на землю изломами,
Ярый Перунъ, не сдержавши свой нравъ,
Выпустилъ гнѣвности: „Вотъ вамъ дорога,
Громы, задѣли васъ внуки Стрибога,
Вотъ же имъ факелы травъ.
Малые, юные, дерзкіе, злые,
Вѣтры степные,
Есть и небеснымъ услада забавъ!
Мы не впервые
Рушимъ созданья небесныхъ зыбей.
Любъ ли пожаръ вамъ, горѣнье степей?
Любы ли вамъ громогудные звуки?
Громы гремятъ!"

Но Стрибоговы внуки,
Выманивъ тайну, вметнувъ ее въ быль,
Рдяный качая горящій ковыль,
Съ свистомъ, съ шипѣньемъ, змѣинымъ, хохочущимъ,
Струйно-рокочущимъ,
Дальше уносятся, дальше уносятся, слѣдомъ клубится лишь пыль.

2. РЖАВЧИНА.

Ржавчина, кровь, и огонь,
Тайна какая въ васъ скрыта?
Тише, ретивый мой конь,
Жди. Замелькаютъ копыта.

Я приготовилъ стилетъ.
Въ сердцѣ — играющій пламень.
Ржавчины болѣе нѣтъ.
Грянетъ подкова о камень.

Брызнетъ изъ камня огонь.
Дрогнутъ посѣвы полыни.
Ржавчина, сердце не тронь.
Конь, какъ мы вольны въ пустынѣ!

3. ВОЛЧЬЕ ВРЕМЯ.

Я смотрю въ родникъ старинныхъ нашихъ словъ,
Тамъ провидѣнье глядится въ глубь вѣковъ.
Словно въ зеркалѣ, въ дрожаніи огней,
Рѣчь старинная — въ событіяхъ нашихъ дней.

Волчье время — съ ноября до февраля.
Ты растерзана, родимая земля.
Волколаки и вампиры по тебѣ
Ходятъ съ воемъ, нѣтъ и мѣры ихъ гурьбѣ.

Что ни встрѣтится живого — пища имъ,
Ихъ дорога — трупы, трупы, дымъ и дымъ.
Чдо ни встрѣтится живого — загрызутъ.
Гдѣ же есть на нихъ управа — правый судъ?

Оболгали, осквернили все кругомъ,
Цѣлый край — одинъ сплошной кровавый комъ.
Съ ноября до февраля былъ волчій счетъ,
Съ февраля до коихъ поръ другой идетъ?

Волчьи души, есть же мѣра наконецъ,
Слишкомъ много было порвано сердецъ.
Слишкомъ много было выпито изъ жилъ
Крови, крови, кровью міръ вамъ послужилъ.

Онъ за службу ту отплатитъ вамъ теперь,
Въ крайній мигъ и агнецъ можетъ быть какъ звѣрь.
Въ вѣщій мигъ предѣльно глянувшихъ расплатъ.
Съ вами травы какъ ножи заговорятъ.

Есть для оборотней страшный оборотъ,
Казнь для тѣхъ, кто перепуталъ всякій счетъ.
Волчье время превратило всѣхъ въ волковъ,
Волчьи души, зубъ за зубъ, вашъ гробъ готовъ.

❧ ❧ ❧ ❧

4. БУДТО БЫ РОМАНОВЫМЪ.

Ослабѣли Романовы. Давно ихъ пора убрать.
(Слова костромского мужика.)

Были у насъ и Цари, и Князья.
Правили. Правили разно.
Ты же, развратныхъ ублюдковъ семья,
Правишь вполнѣ безобразно.

Даже не правишь. Ты просто Бэдламъ,
Злой, полоумно-спѣсивый.
Домъ палачей, историческій срамъ,
Глупый, бездарный и лживый.

Былъ въ оны годы безумный Иванъ,
Былъ онъ чудовищно-ликимъ,
Самоуправствомъ кровавымъ былъ пьянъ,
Все жъ былъ онъ грозно-великимъ.

Былъ онъ бѣсовской мечтой обуянъ,
Дьяволамъ былъ онъ игрушка: —
Этотъ, теперешній, лишь истуканъ,
Маріонетка, Петрушка.

Былъ въ оны годы совсѣмъ идіотъ,
Ликомъ уродливый, Павелъ,
Кукла-солдатикъ, — но все же и тотъ
Лучшую память оставилъ.

Павла предъ нынѣшнимъ нужно цѣнить,
Павелъ да будетъ восхваленъ: —
Онъ не тянулъ свою гнусную нить,
Быстро былъ созданъ имъ Паленъ.

Этотъ же мерзостный, съ лисьимъ хвостомъ,
Съ пастью, приличною волку,
Къ миру людей закликаетъ, — притомъ
Грабитъ весь міръ втихомолку.

Грабитъ, кощунствуетъ, ежится, лжетъ,
Жалко скулитъ, какъ щенята.
Вы же, ублюдки, придворный оплотъ,
Славите добраго брата.

Будетъ. Окончилось. Видимъ васъ всѣхъ.
Вамъ приготовлена плаха.
Грѣхъ исказнителей — смертный есть грѣхъ.
Ждите же царствія Страха!

❧ ❧ ❧ ❧ ❧

5. СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Чистъ, рѣчистъ языкъ Славянскій былъ всегда,
Чистъ, рѣчистъ, пѣвучъ, какъ звучная вода.

Чутко-нѣженъ, какъ надъ влагою камышъ,
Какъ ковыль, когда въ степи ты спишь — не спишь.

Сладко-дологъ, словно свѣтлыя мечты,
Въ утро Мая, въ часъ, когда цвѣтутъ цвѣты.

Поцѣлуй, но онъ лелѣйно, онъ лукавъ,
Какъ улыбка двухъ влюбленныхъ въ мигъ забавъ.

А порой, какъ за горою гулкій громъ,
Для врага угроза вѣрной мести въ немъ.

А порой, для тѣхъ, чья жизнь одинъ разбой,
Онъ, какъ Море, что рокочетъ вперебой.

Онъ какъ Море, онъ какъ буря, какъ пожаръ,
Разъ проснется, рушитъ все его ударъ.

Онъ проснулся, въ рдяномъ гнѣвѣ сны зажглись.
Кто разгнѣвалъ? Прочь съ дороги! Берегись!

К. **Бальмонтъ**.

Стенька Разинъ.

Посвящается Максиму Горькому.

Отвергнутъ я казачьимъ кругомъ,
Одинъ, какъ перстъ, — который годъ!
Покинутъ братомъ, брошенъ другомъ...
Все — за народъ! Все — за народъ!

Въ степи зеленой небо сине...
Я шелъ за Волгу, на восходъ...
И былъ мнѣ Голосъ отъ пустыни:
— Встань за народъ! Встань за народъ!

— Не стало жизни вамъ, бѣднягамъ!
Вся Русь — одинъ голодный ротъ...
Ступай же въ бой подъ краснымъ стягомъ!
Буди народъ! Веди народъ!

— За горе нищихъ и голодныхъ,
За слезы гибнущихъ сиротъ, —
Чтобъ изъ рабовъ создать свободныхъ, —
Встань за народъ! Встань за народъ!

— Ты, посвященный нищетою,
Будь ей надежда и оплотъ,
Живи пылающей мечтою:
Все — за народъ! — Все за народъ!

— Ты — правосудье безъ прощенья,
Размахъ невѣдомыхъ широтъ
Не отдыхающаго мщенья:
Съ тобой народъ! Съ тобой народъ!

— Жрецъ наказующаго долга,
Ты истребишь кромѣшный родъ,
Заплачетъ алой кровью Волга...
Все — за народъ! Все — за народъ!

— Не вѣрь попу! Не вѣрь монаху!
Душѣ повѣрь, — ея чередъ!
Казни — и самъ ступай на плаху:
Все — за народъ! Все — за народъ!

Отъ Бога ль голосъ иль отъ чорта, —
Души свершился поворотъ:
Былое памятью затерто, —
Въ ней лишь народъ, одинъ народъ!

И внялъ я грозному велѣнью,
И поднялъ знамя на походъ,
И дышетъ воздухъ мертвой тлѣнью
Моихъ отмщеній за народъ.

Я окружился голытьбою,
Стругами вспѣнилъ глади водъ,
Живу единою судьбою:
Все — для народа! — за народъ!

Въ негодованьяхъ гнѣвной страсти
Душа тоскующая мретъ.
Не надо мнѣ богатства, власти!
Все — за народъ! Все — за народъ!

Не надо мнѣ нарядной лести,
Не надо мнѣ ничьихъ щедротъ,
Не надо мнѣ хвалы и чести:
Все — за народъ! Все — за народъ!

Прости, любовь!... Раздавшись гнѣвно,
Вскипѣла пѣна волжскихъ водъ:
Тони, персидская царевна!
Все — за народъ! Все — за народъ!

Какъ за расшивою — бѣляна,
За дубомъ — дубъ, за плотомъ — плотъ:
Ватага Разина Степана...
То — мой народъ! То — мой народъ!

Я — атаманъ, не самозванецъ!
Объединилъ мой шумный сходъ
Всѣхъ голоштанныхъ, съ горя пьяницъ...
Ко мнѣ, запуганный народъ!

По неудобренному полю
Крестьянинъ сѣялъ недородъ...
Ко мнѣ! Я землю дамъ и волю!
Все — для народа! — за народъ!

Былъ слѣпъ ты въ крѣпости безправной,
Какъ подземельный, тихій кротъ:
Передъ тобою — подвигъ славный...
Прозри, Самсонъ! Прозри, народъ!

Гляди смѣлѣе! выпрямь спину!
Готовься въ новый оборотъ:
Бросай соху, бери дубину,
Вставай съ народомъ — за народъ!

Не вѣрь указу и молитвѣ!
Ломай старинный обиходъ!
Твое спасенье въ смертной битвѣ...
Найдешь ты право въ ней, народъ!

Ко мнѣ, ко мнѣ, и старъ, и молодъ!
Мой стругъ — одинъ для васъ походъ:
На берегахъ рыдаетъ голодъ...
Держись, народъ! Крѣпись, народъ!

Ой, не стони, не плачь о хлѣбѣ:
Спѣшу, плыву — впередъ, впередъ!
И будетъ зарево на небѣ...
Все — за народъ! Все — за народъ!

Дымятъ усадебныя гари,
Порубленъ садъ и огородъ,
Въ лѣса попрятались бояре...
Врешь — не уйдешь! найдетъ народъ!

Ревутъ проклятія набата,
И туши царскихъ воеводъ
Летятъ съ высокаго раската...
Все — для народа! — за народъ!

Виситъ подьячій на глаголѣ,
Послѣдней висѣлицы плодъ...
Ломай тюрьму — могилу воли!
Все — для народа! — за народъ!

Ой вы, купчины-міроѣды!
Ну, какъ у васъ приходъ-расходъ?
Подъ громомъ Стенькиной побѣды
Сведетъ счета должникъ-народъ...

Хозяинъ! Что ты — больно тихій?
Аль батракамъ не доброхотъ?
Такъ — подѣлись своей купчихой...
Давай красавицу въ народъ!

Вокругъ ракитова кусточка
Устроимъ брачный хороводъ.
Постель — земля, подушка — кочка...
Цѣлуй, народъ! Люби, народъ!

Стращаетъ насъ Москва стрѣльцами,
Бѣжитъ на насъ отъ Рыбны флотъ.
За волю — въ бой мы хоть съ отцами!
Все — за народъ! Все — за народъ!

Я — первый, между васъ, охочій
За други положить животъ.
Сомкнись дружнѣе, строй рабочій!
Все — для народа! — за народъ!

Что? Мало зелья? Нѣтъ оружья?
Съ руками голыми — впередъ!
Мы у стрѣльцовъ отымемъ ружья...
Не унывай, ломи, народъ!

Не бойся ранъ, не бойся смерти!
Твоя судьба — такой уродъ,
Что вѣрь: не злѣе мучатъ черти...
Борись, народъ! Отмсти, народъ!

Пойми, что жизнь твоя холопья —
Позоръ для всѣхъ людскихъ породъ!
Чѣмъ плеть терпѣть, пойдемъ на копья...
Авось, народъ! Небось, народъ!

Хоть глубока царица Волга,
И на нее бываетъ бродъ:
Быть въ кабалѣ тебѣ недолго
Осталось, выросшій народъ!

Иду-крушу за ратью рать я
Ажь до Саратовскихъ воротъ...
Эй, отворяйте брату, братья!
За Стенькой Разинымъ — народъ!

Я проклятъ русскими попами...
Святѣй поповъ небесный сводъ,
Зовущій звѣздными столпами:
Все — за народъ! Все — за народъ!

Пускай анаѳему въ соборахъ
Дьяки кричатъ, разиня ротъ!
Есть у меня свинецъ и порохъ:
Я поведу тебя, народъ!

Прощенья шепотомъ сладчайшимъ
Москва не сманитъ Стеньку — вретъ!
Намъ не ужиться подъ „Тишайшимъ“...
Гуляй по Волгѣ, мой народъ!

Ломай Кремлей сѣдыя стѣны;
Онѣ — насилія оплотъ!
Бушуй, покуда нѣтъ измѣны —
Предать и Стеньку, и народъ!

Тому на свѣтъ бы не родиться,
Кто будетъ мой Искаріотъ.
Что суждено, должно случиться...
Не жаль и жизни — за народъ!

Тюрьма... Застѣнокъ... Мѣсто казни...
Толпа валитъ, что крестный ходъ..,
Въ душѣ — ни скорби, ни боязни:
Все — за народъ! Все — за народъ!

Жжетъ мясо каплющая смолка,
Въ костяхъ скрипитъ коловоротъ...
Кто хнычетъ — песъ, не братъ мнѣ, Фролка!
Молчи подъ пыткой — за народъ!

У палача красна рубаха,
А самъ — весь бѣлый, живоглотъ!
Не Стеньку рубишь ты сразмаха,
Ты рубишь свой родной народъ!

Зароютъ насъ на перекресткѣ, —
На югъ и сѣверъ поворотъ, —
Истлятъ мой прахъ огнемъ извести...
Но я безсмертенъ, какъ народъ!

Не погасить зимѣ московской
Кипѣнья Стенькиныхъ свободъ...
Вѣдунъ — въ пещерѣ Жегулевской —
Я сплю и слышу мой народъ!

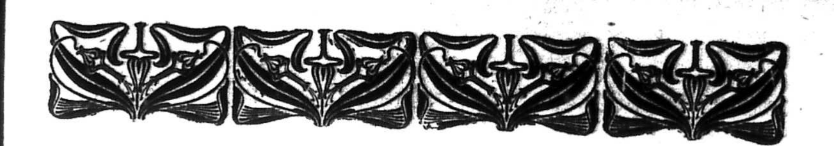
Не сгибла память атамана:
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ года въ годъ,
Здоровье Разина Степана
Пьетъ ожидающій народъ!

И повторяетъ лепетъ сказки,
Вскормленной стонами невзгодъ,
Завѣты богатырской ласки:
Все для народа! — за народъ!

Когда же, грубъ и безобразенъ,
Ростетъ насилья наглый гнетъ, —
„Пожди! Проснется Стенька Разинъ!“
Бормочетъ сумрачный народъ!

Проснусь! — пожди еще маленько...
Быть можетъ, часъ, быть можетъ, годъ:
Изъ мертвыхъ встанетъ Разинъ Стенька,
И будетъ Стенька — весь народъ!

Александръ Амфитеатровъ.

Дума, кадеты и царь.

(Полтора мѣсяца русскаго парламента).

Настоящая статья написана еще до рокового финала, который постигъ думскіе элементы порядка. Кадетская Дума умерла, а вмѣстѣ съ нею закончился первый актъ русскаго парламентаризма. Говорятъ что, „de mortuis aut bene aut nihil“, но я не согласенъ ни съ абсолютной цѣнностью подобнаго положенія, ни въ частности съ его приложеніемъ къ нашей либеральной Думѣ. И уже потому нельзя молчать или восхвалять кадетовъ на правахъ покойниковъ, что они вовсе не покойники и готовятся къ новымъ и еще болѣе великолѣпнымъ дѣйствамъ, сама же Дума была настолько яркимъ произведеніемъ кадетской тактики и стратегіи, что изъ pieteta передъ „Думой“ умалчивать о кадетахъ, значило бы одобрять всякое ихъ богопротивное дѣяніе, разъ только оно совершается во святомъ мѣстѣ, подвергшемся засимъ со стороны начальства оскверненію.

Въ виду этого мы, за небольшими поправками, оставляемъ статью въ прежнемъ видѣ, въ твердомъ убѣжденіи, что она окажется не безполезной для оцѣнки нашей кадетской эры и ея дѣятелей.

I.

Говорятъ, есть индійскіе боги съ тремя головами и лицами, глядящими въ разныя стороны и съ соотвѣтственнымъ количествомъ рукъ. Одно лицо выражаетъ ужасъ и отвращеніе, на немъ написана безыс-

ствѣ всѣ граждане имѣютъ равныя права, всѣ имѣютъ право жить, дышать воздухомъ и наслаждаться свободой, а въ соціалистическомъ государствѣ только одинъ пролетаріатъ."

И кадеты на самомъ дѣлѣ принялись за органическую работу, которая, еслибъ наше правительство было хоть немножко умнѣе, наградила бы Россію великолѣпнымъ порядкомъ въ стилѣ полу-прусскаго, полу-французскаго, полу-австрійскаго либерализма. Законопроэкты кадетовъ о свободѣ прессы и о свободѣ собраній являются блистательными образчиками того, чѣмъ думаютъ наши либералы прикончить русскую недобитую революцію и заблаговременно связать народу руки, которыя только что освобождены отъ кандаловъ самодержавія. Со всѣмъ аппаратомъ учености, представленной въ лицѣ многочисленныхъ профессоровъ, съ краснорѣчіемъ бурно-пламенныхъ Родичевыхъ и сладкихъ Карѣевыхъ, со всѣмъ натискомъ дѣльцовъ, уловляющихъ удобный для нихъ моментъ, старались они каптировать русскій революціонный вулканъ въ свои благонамѣренныя трубы и направить его подъ присмотръ будущей полиціи, будущаго правительства, будущихъ Столыпиныхъ, Урусовыхъ, Горемыкиныхъ и Коковцевыхъ. А, чтобы будущій порядокъ недалеко ушелъ отъ настоящаго, объ этомъ позаботится та многоопытная верховная власть, которую съ такой нѣжностью и любовью пересаживаютъ добрые кадеты изъ стараго порядка въ новый.

Тамбовскій депутатъ Лосевъ съ трогательной наивностью вѣрующаго крестьянина, обращался къ царскому портрету съ просьбою пощадить, пожалѣть, помиловать... Кадеты поступаютъ иначе: плачемъ они умягчаютъ путь для грядущаго царства самодержавнаго капитала. Мирно, тихо и благородно ползутъ они на министерскіе посты за спиною буйныхъ и дерзкихъ трудовиковъ и уже заранѣе укрѣпляютъ твердыню защищающей ихъ „верховной власти". Въ вѣрноподданническихъ судорогахъ извиваются они вокругъ „священнаго" и „неприкосновеннаго", а къ его порфирѣ протягиваютъ цѣпи для взнузданія революціи и водворенія „правового" порядка. Дѣло заканчивается прекраснѣйшей „органической" работой и колесница замиренной и обманутой, реформированной и „ограниченной" Россіи готова. Пожалуйте, господа, лавочка готова!

Нашъ индійскій богъ теперь ясенъ и понятенъ, а съ его третьей головы снятъ прикрывающій ее покровъ. Это сытая голова „будущаго" городового, съ лицомъ самодовольнаго лавочника, со взоромъ твердой неукоснительной власти. Точно также понятенъ теперь и мѣшокъ, который плетутъ преданныя головѣ неустанныя руки: этотъ мѣшокъ предназначенъ для русскаго соціализма.

Одна бѣда: настоящій городовой не пожелалъ ждать появленія будущаго, а, вмѣсто правового мѣшка кадетовъ, онъ воспользовался каменными колодцами наличности и засадилъ въ нихъ безъ проволочки всѣхъ бунтовщиковъ и даже либераловъ...

Въ половинѣ пролога занавѣсъ опущенъ, начинается второе дѣйствіе...

М. А. Рейснеръ.

Она хохотала!

Посвящается А. В. АМФИТЕАТРОВУ.

Rira bien qui rira le dernier...

Народъ покорно несъ ярмо —
Безправья рабское клеймо...
А камарилья процвѣтала
И хохотала, хохотала.

Народъ ограбленный страдалъ,
Онъ голодалъ, онъ кость глодалъ...
А камарилья лепетала
Про „недородъ"... и хохотала.

Народъ услышалъ въ первый разъ
О волѣ пламенный разсказъ.
А камарилья ложь сплетала
И „надъ безумцемъ хохотала".

Народъ обманутъ!... Отъ „весны"
Остались призрачные сны...
А камарилья вновь возстала
„Чинила судъ" — и хохотала.

Народъ сталъ жертвой палачей.
Кровь заструилась, какъ ручей.
„Святая Русь“ стонать устала...
А камарилья хохотала.

Народъ узналъ, что Шмидтъ убитъ,
Что сталъ безсмертнымъ смертный Шмидтъ,
А камарилья, въ вихрѣ бала,
Пила вино и хохотала!

Народъ узналъ, что казнены
Свободы вѣрные сыны.
Страна отъ гнѣва трепетала...
А камарилья хохотала.

Народъ узналъ, что царь-вандалъ
Пословъ народныхъ растопталъ,
Пора отмщенія настала!...
А камарилья хохотала.

* * *

Растетъ, несется грозный шквалъ.
Пусть камарилья правитъ балъ,
Пускай смѣется, пляшетъ, скачетъ!
Ударитъ часъ — она заплачетъ...
Ударитъ часъ — и царь не спрячетъ
Того, что звали головой
Рабы ошибки роковой!...

L—o.

О вооруженномъ возстаніи.

Публичное чтеніе въ пользу парижскаго студенческаго общества взаимопомощи.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Принимая лестное предложеніе студенческаго общества сдѣлать вамъ докладъ о политическихъ и общественныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ шестинедѣльнаго пребыванія въ Россіи, я, признаюсь, не ожидалъ, что мнѣ будетъ такъ трудно разобраться въ этихъ впечатлѣніяхъ, наслоявшихся непрерывною чередою съ ранняго утра до поздней ночи, — что окажется такою скользкою задача суммировать по категоріямъ поразительную расплывчатость людей, идей, фактовъ и образовъ, переливами своими слагающихъ нынѣ огромное лицо нашего отечества. Заранѣе предупреждаю васъ просьбою — не ждать отъ меня обобщеній и пророчествъ, теоретически построенныхъ на обобщеніяхъ. Моя цѣль — просто разсказать вамъ съ посильною ясностью и съ возможною по времени подробностью, что я видѣлъ и слышалъ на родинѣ. Вѣдь мы всѣ равно оторваны отъ нея на разстояніе большихъ или меньшихъ сроковъ, — къ сожалѣнію, неизбѣжно налагающихъ свое затемняющее клеймо на непосредственность нашихъ воспріятій къ свѣдѣніямъ, черпаемымъ изъ газетъ и частной переписки, какъ бы систематически и часто они ни получались. По крайней мѣрѣ, я, не будучи бѣденъ личными связями со всѣми крупными центрами русской культурной жизни и далеко не оставляемый ими безъ извѣстій о ходѣ событій, тѣмъ не менѣе, послѣ восемнадцати мѣсяцевъ заграничр-

Le Drapeau Rouge | Die Rote Fahne

№ 5 1906 годъ

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

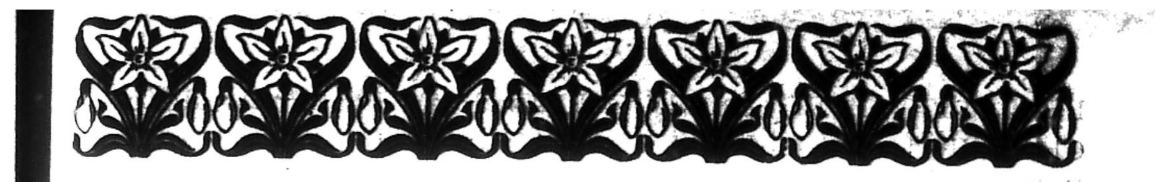
ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Амфитеатрова

№ 5

IMPRIMERIE GNATOVSKY
8, Rue Froidevaux, Paris

Господа Обмановы.

Исторія романа и ссылки.

(Продолженіе.*)

Ночь съ 13-го на 14-ое января я провелъ почему то — точно по предчувствію — въ отвратительно мрачномъ и удрученномъ настроеніи духа. Безпричинная безсонница мучила до четырехъ часовъ, а въ шесть горничная Маруша постучала въ дверь спальни.

— Что тамъ?

— Баринъ, васъ спрашиваютъ какіе-то офицеры.

— Офицеры?!

— Одинъ ждетъ въ передней, а другой остался во дворѣ.

— Полиція, что ли?

— Нѣтъ, какъ будто . . . такъ, офицеры. . .

— Что же имъ надо?

— Не знаю, очень просятъ видѣть васъ по дѣлу...

— Скажите имъ, что я сплю. Какія дѣла темною ночью? Пусть приходятъ днемъ.

Горничная ушла объясняться, а я остался лежать, перебирая въ умѣ, что бы это были за офицеры, если не полиція? Незадолго передъ тѣмъ, я напечаталъ статью о нѣкоторыхъ русскихъ, жительствовавшихъ въ славянскихъ государствахъ на Балканскомъ полуостровѣ и подозрѣвавшихся мѣстными политическими людьми въ шпіонствѣ на службѣ русскаго правительства. Сынъ одного изъ этихъ господъ, офицеръ,

*) См. N 1 «Кр. Зн.»

отвелъ рукою жандармовъ и вышелъ таки въ корридоръ.

— Помилуйте! Нельзя! — вскинулся было старшой.

— Ничего, пущай, — примирительно заступился другой.

— Ничего, — поддержалъ и сыщикъ, — вагонъ пустой: одни ѣдете.

Я остался передъ окномъ, кивая и улыбаясь, — должно быть, не весьма весело... Лара заглядывала внутрь вагона глазами, полными выраженія, какого я никогда не видалъ у нея ни прежде, ни послѣ, да и не надѣюсь, и не желалъ бы снова видѣть.

Ни въ жизни, ни въ искусствѣ не запомню я такой смѣси тоски и гнѣва, скорби и угрозы, сторожкой напряженности предъ опасностью и мстительной силы... Она тянула голову впередъ изящнымъ и злобнымъ движеніемъ, которое опять-таки напомнило мнѣ волчье: точно молодая Римская Волчица надъ разоренным логовищемъ...

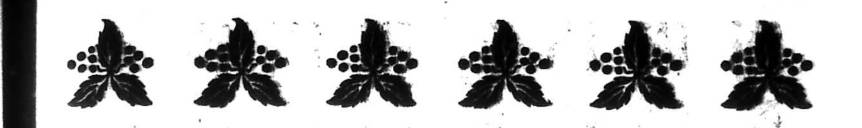
Поѣздъ тронулся... сердце упало...

Жандармы и сыщикъ усиленно звали меня въ купе, а я не слушалъ... Стоялъ, улыбался и кивалъ... Разстояніе росло, — вагонъ двигался, — жена шла рядомъ, — и тянулся, тянулся намъ вслѣдъ долгій, неотрывный взглядъ ея, полный безпредѣльной ласки и скорби — для меня, полный темной ненависти и вызова на борьбу — для всего, что насъ разлучало.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Александръ Амфитеатровъ

* * *

Пусть смолкнетъ клиръ пѣвцовъ!... Тѣ времена прошли,
Когда поэты мирно пѣли,
И даже скорбный стонъ истерзанной земли
Встрѣчали плачемъ менестрели.
Народныя мечты въ тѣ дни не смѣли жить
Далекимъ призракомъ свободы,
И мѣдью гимновъ ихъ стремились вдохновить
Баяны, скальды и рапсоды.

Когда жъ земля вокругъ трепещетъ и горитъ
Въ боляхъ кровоточащей раны,
Безмолвствуетъ пѣвцовъ восторженный синклитъ,
Смолкаютъ скальды и баяны.
И глохнетъ звонъ стиховъ, когда растетъ борьба, —
Непримиримый бой за право, —
И риѳма въ громѣ битвъ — ненужная рѣзьба,
Иль музыкальная забава.

Мы пѣли въ старину миѳическихъ борцовъ,
Страсть Фрины, нѣжность Галатеи,
Нюансы пестрые нарядныхъ лепестковъ
Мимозы, лилій, орхидеи...
Мы пѣли въ старину, — но нынче не поемъ,
Умолкли наши серенады.
Позорно отвѣчать изысканнымъ стихомъ
На бой кровавой баррикады!

Позоръ тому пѣвцу, что сладкозвучныхъ струнъ
Не разрываетъ, возмущенный, —
Когда въ крови кипитъ и плавится чугунъ
И съ Марсельезой слиты стоны,
Что перезвоны риѳмъ, что рокотъ словъ живыхъ,
Излитыхъ въ творческомъ волненьи,
Когда струится кровь по плитамъ мостовыхъ
И камни вопіятъ о мщеньи?

Л. Гроссманъ.

* * * *

ное. Съ точки зрѣнія возвышенной, она была слишкомъ проста, груба и мстительна, — но, замѣтьте, исторія — есть наука добродушная и простила ей всѣ ея пороки. Чтожъ, можетъ быть, она проститъ и вашей революціи — всѣ ея добродѣтели?

— Мы — не революціонеры прежде всего, прервалъ я своего собесѣдника.

— Да, простите, это ужъ моя ошибка, къ счастью, этихъ понятій смѣшивать нельзя. Я оттого всегда и смѣшиваю — что намъ, среднимъ французамъ, очень бы хотѣлось, чтобы именно кадеты всетаки сумѣли стать во главѣ движенія, а не разные... фанатики.

— Станутъ станутъ! — съ жаромъ подхватилъ я.

Публикуя вышеизложенное, я покорнѣйше прошу центральный комитетъ конст.-дем. партіи снабдить меня аргументами въ защиту партіи по части апрѣльскаго займа, — на предметъ посрамленія француза въ случаѣ новыхъ его придирокъ. Вѣдь теперь уже политическій интересъ молчанія объ этомъ дѣлѣ исчезъ? Отчего же въ самомъ дѣлѣ не высказаться (ибо въ апрѣлѣ газета „Рѣчь" именно и намекала на то, что только ей нѣчто объ этомъ извѣстно, а другимъ сказать нельзя). И все будетъ очень хорошо!

Іона Благообразовъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Аврелій.*)

*) Считаю долгомъ заявить, что „Аврелій" „Краснаго Знамени" не имѣетъ ничего общаго съ „Авреліемъ", пишущемъ въ „Вѣсахъ" по вопросамъ искусства. Нашъ „Аврелій" — псевдонимъ очень извѣстнаго ученаго и политическаго дѣятеля, находящаго неудобныхъ публиковать свое имя, такъ какъ онъ обитаетъ въ „предѣлахъ досягаемости". Такъ какъ псевдонимомъ „Аврелій" тотъ же авторъ подписывалъ свои статьи еще въ покойномъ „Освобожденіи", то пожелалъ сохранить свое nom de bataille и для нашихъ страницъ. Ред.

Пѣсни Юродиваго.

I.

Отчего темнѣетъ золото на тронѣ,
Отчего вытертъ на креслахъ атласъ,
И въ полночь въ царской коронѣ
Потухъ самый большой алмазъ?...

Отчего свѣчи мерцаютъ такъ странно —
Словно надъ покойникомъ горя —
И легли морщины на ликѣ царя,
И всѣ молчатъ... И вѣтеръ ворвался нежданно?...

Это смерть вошла тяжелой стопой —
И все вокругъ — жутко и незнакомо...
Преклонитесь, преклонитесь передъ судьбой —
Бѣгите, бѣгите изъ проклятаго дома —

Оставьте гнилыхъ
Догнивать одныхъ...

II.

„Коля, Коля, у тебя пальцы — въ красной влагѣ...
Видно, много красныхъ чернилъ
Ты пролилъ
На руки и на царскія бумаги.

„Коля, Коля, у тебя корона красна...
Видно, рубиновъ такъ много —
Подарила страна
Царю дорогому — любимцу Бога.

„Коля, Коля, на плечахъ державныхъ твоихъ
Багряницы тяжелы и алы —
Видно, много мужицкихъ кумачей дорогихъ
Привезли твои генералы.

„Коля, Коля, — Творца славословь.
Но не оступись — за тобою могила:
Это не рубины, не кумачи, не чернила —
Это кровь! —

III.

Проходи, проходи народъ —
Видишь — въ концѣ улицы — зарево.
Это царь идетъ.
И съ нимъ — войско царево.

Забренчатъ сабли — и въ красномъ дымѣ пройдутъ
Съ царемъ солдаты бравые,
А за ними, какъ змѣи, побѣгутъ
Рѣки кровавыя.

До самаго трона потечетъ — все впередъ,
Да куда захочетъ — кровь народная —
Если не въ жизни, то въ смерти свободная!...
Проходи, проходи, народъ! —

IV.

Здравствуй, Коля. Что, трудно, братъ?...
Да на тебѣ — брилліантовъ, алмазовъ — Боже! —
Дорогія парчи съ плечъ висятъ...
Въ часъ добрый, что-же...

А вчера я видѣлъ — на глухомъ пустырѣ
Шили двѣ старухи двѣ власяницы...
Говорили: „Вотъ поспѣетъ къ зарѣ
Гостинецъ для царя и царицы.

Какъ поведутъ ихъ въ мраки кромѣшные,
Мы одаримъ ихъ даромъ необычнымъ,
Чтобъ было чѣмъ прикрыть горемычнымъ
Тѣла грѣшныя."

V.

Завтра встанетъ солнышко въ красѣ —
Встанетъ въ красныхъ одеждахъ съ ложа лѣниваго...
Слушайте юродиваго,
Слушайте всѣ...

Встанетъ солнышко — и встанетъ царь затѣмъ —
Въ красныхъ одеждахъ — тоже.
Боже, Боже —
Прости всѣмъ, прости всѣмъ...

Выйдетъ царь на балконъ,
Крикнетъ — спасибо — солдатамъ...
Все видитъ на небѣ Онъ,
Какъ братъ надругался надъ братомъ...

Темны братья, невиновны братья,
И свѣтелъ — какъ гнилушка въ болотѣ — царь.
На него, на него мои проклятья —
Не прости, Боже! — ударь!

VI.

Я уже другой, другой,
Я съ царемъ — ласковый и любящій...
Хоть и въ жалкомъ рубищѣ —
Я съ нимъ, какъ другъ дорогой.

Стою возлѣ трона высокаго —
Но ушло отъ насъ все живое —
Я возлѣ царя одинокаго,
Насъ только двое.

Отчего-жъ онъ молчитъ
И не гонитъ юродиваго —
Заковать его не велитъ,
Смѣлаго и правдиваго?

Стоитъ тронъ среди ночи туманной,
Выросъ черной громадиной...
А царь на немъ — молчаливый и странный...
Да и тронъ не золотой, а деревянный —
Два столба съ перекладиной.

Александръ Вискъ.

Три стихотворенія.

I.

9-е января 1905.

Съ могучимъ знаменемъ труда,
Съ глубокой вѣрой въ человѣка,
Вы шли за правдою туда,
Гдѣ правды не было отъ вѣка.

Вы тяжесть скорбнаго вѣнца,
Чело язвившаго, какъ льдина,
Излить хотѣли до конца
Предъ гордымъ трономъ властелина.

Гдѣ вѣчны пиръ, тепло и свѣтъ
И до краевъ налиты чаши —
Какой могъ прозвучать отвѣтъ
На ваши муки, стоны ваши?...

И пали вы, за рядомъ рядъ!
Бичи надъ трупами свистали,
Какъ въ непогоду темный садъ, —
И раздавался хохотъ стали...

И долго блѣдныя тѣла
Куда то вдаль тайкомъ везили;
Чтобъ скрыть позорныя дѣла —
Простыхъ крестовъ не водрузили!

Но знаемъ мы нѣмую сѣнь,
Что васъ на вѣки пріютила;
Извѣстно стало въ тотъ же день,
Гдѣ ваша братская могила.

И мы туда спѣшимъ, спѣшимъ,
Сыны страдалицы-отчизны, —
Тамъ клятвой мести завершимъ
День дорогой, священной тризны.

II.

Съ каждымъ выстрѣломъ гордыхъ безумныхъ враговъ,
Съ каждой сотнею жертвъ пулемета,
Поднимается тысяча новыхъ борцовъ,
Веселѣй закипаетъ работа.

Гдѣ вчера безъ суда и пощады казненъ.
Нашъ товарищъ больной, безоружный —
Тамъ сегодня мечей не смолкающій звонъ,
Ополченной толпы натискъ дружный.

Въ полдень смяли свинцовою тучей гранатъ
Наше яркое красное знамя,
А съ зарей уже новые стяги шумятъ
И алѣютъ въ туманѣ, какъ пламя.

Мигъ назадъ — только братья толпой грозовой
Разрушали желѣзныя сѣти,
А сейчасъ свой пріютъ для борьбы роковой
Оставляютъ и жены и дѣти.

Проливайте жъ, враги, нашу теплую кровь
На усѣянномъ трупами полѣ,
Съ каждой жертвою глубже къ свободѣ любовь,
Съ каждымъ павшимъ — возставшихъ все болѣ...

III.

Кинжалъ.

Дни и годы, позабытый
Старый мой кинжалъ,
Тканью плѣсени обвитый,
Въ склепѣ ты лежалъ.

Въ даль — отъ ропота и гама
Бранной суеты, —
Въ груду мусора и хлама
Былъ заброшенъ ты.

Ты дремалъ подъ сводомъ ниши,
Тихъ и одинокъ,
Шевелили только мыши
Ржавый твой клинокъ...

Вотъ спускаюсь я подъ своды,
Гдѣ ты пролежалъ
Безъ движенья дни и годы,
Старый мой кинжалъ.

Я спускаюсь за тобою,
Ржавчину сотру
И — опять готовый къ бою —
Заблестишь къ утру.

Выйдемъ смѣло въ путь — дорогу,
Поблѣднѣетъ врагъ,
Разольетъ кругомъ тревогу
Мой отважный шагъ...

Слишкомъ долго, позабытый
Старый мой кинжалъ,
Тканью плѣсени обвитый
Въ склепѣ ты лежалъ.

Илья Гурвичъ.

Реакція.

Когда „Божья милость“ разогнала первый русскій парламентъ, она уже тогда высказывала вѣру, „что появятся богатыри мысли и дѣла“, и „что самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава земли русской“. И Божья милость знала, что дѣлала, а, высказывая свою „вѣру“, она проявляла только свойственную ей стыдливость: „богатыри“ у нея были уже припрятаны, но только пока, скромно, они не желали проявлять своего достоинства... Но часъ насталъ, синайскіе громы затрепетали — и онъ явился.

Онъ...

> Суровымъ замысломъ властительно водимый,
> Какъ путеводною недвижною звѣздой,
> Идетъ онъ медленно въ пустынѣ ледяной,
> Немногимъ вѣдомый, немногими любимый.

То „грозной истины поэтъ неумолимый“, плѣненный „Катона древняго желѣзною душой“; онъ „надменныхъ помысловъ незыблемыя тѣни“ хранитъ въ душѣ своей. Однако, если онъ и „львиною полонъ отвагою“, то онъ старается не для себя: „рожденный править случайностью, орлинымъ окомъ солнце встрѣчающій“, нашъ богатырь есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, одна лишь жертва за человѣчество.

То

> Сердце львиное стремится
> Къ жертвѣ за міръ, а не къ царству въ мірѣ.

И жертва эта тяжела, онъ „черный трудъ державнаго правленія властительною душою совершаетъ“, онъ „въ мелочахъ докучныхъ“ закаляетъ „надменную заносчивость рѣшеній“; мало того, „уклончивой игрою

На улицахъ потемнѣло. Пошелъ дождь, смѣшивая кровь съ грязью.

Вечеромъ того же дня на Казанской площади продолжали сходку, обсуждали событія, рѣшали дальнѣйшую тактику. Но день 18-го октября можно счесть законченнымъ.

Намѣренія и обѣщанія „конституціоннаго“ царя не обманули народъ и на одинъ часъ. Дальнѣйшая правительственная тактика стала всѣмъ ясною.

Вл. Волоховъ.

Гнѣвъ Славянина.

I.

Руда.

Широки и глубоки
Рудожелтые пески.
Въ мірѣ, жертвенно, всегда,
Льется, льется кровь-руда.

Въ мѣдномъ небѣ свѣта нѣтъ,
Все же вспыхнетъ молній свѣтъ.
И желѣзная броня
Приметъ бой, въ грозѣ звеня.

Бой за вольное житье
Грянулъ, сломано копье,
И кольчуга сожжена,
А Свобода, гдѣ она?

Дверь дубовая крѣпка,
Кто раскроетъ зѣвъ замка?
Сжаты челюсти Змѣи,
Свиты звенья чешуи.

И пустынно-широки
Рудожелтые пески.
И безмѣрно, какъ вода,
Льется, льется кровь-руда.

II.

Исполинъ пашни.

Исполинъ безмѣрной пашни,
Какъ тебя я назову?
— Что ты, блѣдный? Что, вчерашній?
Ты во снѣ, иль наяву?

Исполинъ безмѣрной нивы,
Отчего надменный ты?
— Не надменный, не спѣсивый,
Только любящій цвѣты.

Исполинъ безмѣрной риги,
Цвѣтъ и колосъ любъ и мнѣ.
— Полно, тѣнь прочтенной книги
Отойди-ка въ сторонѣ.

К. Вальмонтъ.

РУССКІЯ ДѢЛА.

Воззваніе къ цивилизованному міру о звѣрствахъ въ Лифляндіи и Эстляндіи.

Мы еще не имѣемъ полной статистики всѣхъ звѣрствъ русскаго самодержавія и нѣмецкихъ юнкеровъ, творимыхъ ими въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, Лифляндіи и Эстляндіи. Въ нашемъ воззваніи мы придаемъ гласности только незначительную часть всѣхъ этихъ ужасовъ, стремясь познакомить міръ съ ихъ характеромъ и количествомъ.

Болѣе трехъ тысячъ латышей и эстонцевъ безъ всякаго слѣдствія и даже безъ суда, — въ составъ котораго входили, однако, лишь, озвѣрѣлые казацкіе офицеры, нѣмецкіе бароны, стражники и полицейскіе шпіоны, — были разстрѣляны, заколоты и повѣшены. Многія тысячи людей были подвергнуты тѣлесному наказанію, искалѣчены нагайками казаковъ и драгунъ. Такъ, напримѣръ: въ мѣстечкѣ Оберпаленъ (Oberpahlen) всѣ жители были подвергнуты тѣлесному наказанію, пощады не было ни дѣтямъ, ни семидесятилѣтнимъ старикамъ. Многіе, не перенося мученій, умирали подъ ударами, другіе сходили съ ума, становились калѣками на всю жизнь. Даже женщины подвергались позорной инквизиціи!.... Въ Конготѣ (Kongot) и Ранденѣ (Randen) ротмистръ Сиверсъ приказалъ дать одной женщинѣ 50, четверымъ по 100 и двумъ по 150 розогъ. Въ январѣ, въ ледяной холодъ, орда казаковъ гнала изъ имѣнія Карлсруе (Karlsruhe), за двѣнадцать километровъ, въ городъ Венденъ толпу женщинъ въ

Le Drapeau Rouge | Die Rote Fahne

№ 6 1906 годъ

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Амфитеатрова

№ 6

IMPRIMEUR GNATOVSKY
8, Rue Froidevaux, Paris

точно великаго пера, — передать все творившееся въ этотъ незабвенный день. И, надо сказать, что — совершенно вѣрно.

Какъ вы передадите языкомъ вчерашняго раба, оригинальное, смиренное, святое шествіе „трезвыхъ“ рабочихъ, ихъ женъ, ихъ маленькихъ дѣтей, шедшихъ съ пѣніемъ „спаси, Господи, люди твоя“ и съ глубокой вѣрой въ „правду“ изъ-за заставъ въ городъ?... И, какъ вы разскажете, — какъ, безъ тѣни какой бы то ни было жалости, въ эти мирные походы были направлены солдатскіе ружья, штыки и даже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пушки? Нѣтъ!... Если не пережить всего этого непосредственно самому, то нужно слишкомъ многое нарисовать въ своемъ воображеніи, чтобы хотя уловить только одинъ общій смыслъ, почему рабочіе шли подъ пули и почему въ нихъ, идущихъ безъ оружія, а съ „носовыми платками“ — какъ говорятъ они, — стрѣляли войска...

При самомъ первомъ, или, вѣрнѣе, поверхностномъ ознакомленіи съ этимъ, невиданнымъ, по своей величинѣ, явленіемъ, оно, какъ будто, было вызвано ничтожной причиной, и все дѣло заключалось въ простомъ капризѣ гг. фабрикантовъ. Послѣднимъ, вишь ты, не „пондравилось“, не пришлось по вкусу то обстоятельство, что рабочіе имѣютъ свои организаціи, все чаще и чаще начинаютъ пугать ими заводскую администрацію и, вообще говоря, начинаютъ „финтить“.

Организаціями этими были одиннадцать отдѣловъ такъ называемаго „собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ“. Организованы они были не столько самими рабочими, сколько представителями власти, а во главѣ всѣхъ союзныхъ дѣлъ стоялъ священникъ одной изъ тюремныхъ церквей, Георгій Гапонъ. Говорить много, съ какой цѣлью правительство мало того, что терпѣло эти отдѣлы, но и помогало ихъ организаціи, — не придется, ибо эта цѣль хорошо понятна для каждаго вдумчиваго человѣка и въ комментаріяхъ не нуждается. Ясно, что правительство хотѣло заполучить отъ рабочихъ довѣріе и дѣйствовать черезъ многочисленныхъ гг. Зубатовыхъ и Фулоновъ такъ, какъ ему надо.

Но рабочіе не пошли на эту „закономѣрную“ узду и не промѣняли возможности улучшить свое

правовое и экономическое положеніе на предлагаемую „чечевичную кашицу“. Несмотря на то, что въ ихъ средѣ было много не только „поставленныхъ“ шпіоновъ, а и своихъ доморощенныхъ „лампадниковъ“, они, всетаки, не раскрыли гостямъ изъ охраннаго отдѣленія своихъ собраній и не „зазимовали“ на ихнихъ „добрыхъ“ совѣтахъ. Все чаще и смѣлѣе начинаютъ они напоминать заводскому начальству о своихъ организаціяхъ, какъ о силѣ; а параллельно съ ростомъ этой силы, все въ большей степени ощущается ими необходимость подчеркнуть, опротестовать и грубый произволъ полиціи, который даетъ себя особенно чувствовать въ рабочихъ поселкахъ.

Съ другой стороны, развертывающаяся борьба рабочихъ, которая быстро катилась неудержимой волной, перебрасываясь изъ города въ городъ, тоже не могла остаться не замѣченной. Она властно запечатлѣвалась въ умѣ и сердцѣ каждаго рабочаго и неумолимо призывала его къ сочувствію, къ солидарности. Особенно же большое впечатлѣніе оставила декабрьская стачка въ Баку. Петербургскіе рабочіе, послѣ этой стачки, привыкшіе на самой работѣ видѣть себя силой въ массѣ, прямо можно сказать, стали искать случая, зацѣпку, чтобы отозваться на борьбу бакинцевъ и показать свою солидарность съ ними. И случай, какъ водится, — не заставилъ себя ждать долго...

Выше было указано, что фабрикантамъ не понравились и пришлись не по нутру „собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ“, и они порѣшили въ самомъ началѣ разбить эти организаціи, повести съ ними немедленную и энергичную борьбу. Въ срединѣ декабря былъ устроенъ частный съѣздъ представителей крупныхъ петербургскихъ заводовъ, и, въ силу рѣшенія, принятаго этимъ частнымъ совѣщаніемъ, Путиловскій заводъ, съ своей легкой руки, уволилъ — передъ Рождествомъ — четырехъ рабочихъ, членовъ „собранія“. Расчитаны они были безъ всякаго съ ихъ стороны повода, за одну принадлежность къ „союзу“, и въ ихъ увольненіи главную роль игралъ всѣми презираемый мастеръ Тетявкинъ.

Этого было достаточно.

27-го декабря состоялась экстренная сходка представителей всѣхъ одиннадцати отдѣловъ „собранія“, и на ней были единогласно приняты рѣшенія:

1. Признать ненормальнымъ положеніе труда и отношеніе къ нему фабрично-заводской администраціи, и, въ частности, мастеровъ съ ихъ произволомъ.

2. Обратиться черезъ представителя «Собранія» и особую депутацію съ требованіемъ (не съ «ходатайствомъ») къ администраціи Путиловскаго завода объ увольненіи виновнаго и грубо-обращающагося, какъ засвидѣтельствовано всѣми рабочими, мастера Тетявкина и о принятіи обратно уволенныхъ членовъ «Собранія» на заводъ.

3. Обратиться съ жалобой къ градоначальнику и фабричной инспекціи съ тѣмъ, чтобы подобнаго рода случаи не имѣли мѣста.

4. Если же это законное и отвѣчающее справедливости требованіе не будетъ принято во вниманіе, то заявить администраціи, что за дальнѣйшее спокойное теченіе жизни среди петербургскихъ рабочихъ Собраніе не отвѣчаетъ.

И эта легальная рабочая организація показала, что ея слова — не пустая угроза.

Тробованія, какъ и водится въ большинствѣ случаевъ, не были удовлетворены. Тогда „спокойное“ теченіе жизни среди петербургскихъ рабочихъ исчезло, оправдавъ предсказанія, указанныя въ резолюціи „Собранія“. Съ понедѣльника 3-го января забастовали всѣ рабочіе Путиловскаго завода, — 12.500 человѣкъ, предъявивъ къ администраціи только что изложенныя требованія.

Каждый рабочій, принимавшій участіе въ стачкахъ, знаетъ, какъ хорошо идетъ послѣдняя, когда имѣется хоть слабая тѣнь организаціи, а „фабрично-заводскіе отдѣлы“ были безусловно больше, чѣмъ простая „тѣнь“. Имѣя солидную кассу, раскинутую по всѣмъ районамъ, эти „отдѣлы“ стали ежедневно устраивать митинги и, на первый разъ, дѣло стачки повели очень умѣло. Къ забастовкѣ путиловцевъ присоединились обуховцы, семяниковцы, александровцы, примкнулъ франко-русскій заводъ, ткачи Невской заставы и т. д. и т. д. Стачечное движеніе развернулось съ такой быстротой, что къ 9—10-му январю въ немъ принимало участіе свыше 250 000 рабочихъ и было пріостановлено до 400 промышленнныхъ заведеній. Уже къ 8-му января эта невиданная, по величинѣ, борьба рабочихъ приковала къ себѣ умы всѣхъ и каждаго, — только и было разговоровъ, что о стачкѣ. И никто, конечно, не могъ представить себѣ во всей полнотѣ ту ужасную драму, какую готовилъ для цѣлаго міра слѣдующій день. Нехитрыя заключенія и выводы изъ событій этого слѣдующаго дня для каж-

даго читателя вытекаютъ сами собой, если правильно и понятно будетъ изображенъ самый день, если имѣть „зеркало“, вѣрно отражающее хотя бы главныя тѣни того, что было...

I.

«Въ этотъ часъ разорвались завѣсы церковныя, — отъ верха до низа!...»
(Новый завѣтъ. Воскресеніе Христово.)

Эта ночь — была ужасная ночь...

Объ этой ночи въ рабочей средѣ ходитъ множество самыхъ разнообразныхъ толкованій и самыхъ ужасныхъ разсказовъ. Забравшись отъ очей строгаго „цербера“ въ кузницу, за калильную печь, словоохотливые старички-рабочіе говорятъ о ней такъ много загадочнаго и страшнаго, что можно было бы написать цѣлую книгу только объ одной „этой ночи“ — и ни о чемъ другомъ. Нѣкоторые изъ особенно пожилыхъ, какъ-бы впадая въ пророчество, съ задоромъ увѣряютъ, что ужъ по одной этой ночи можно было предвидѣть, какъ „кто-то“ готовилъ „что-то“ ужасное. Разсказываютъ, что, прикрытыя темнотой, двигались какія-то темныя, сѣрыя фигуры... Кто-то, какъ бы командуя, выкрикивалъ какія-то непонятныя слова... Передвигались, должно быть, очень тяжелыя вещи, слышался звонъ оружія, а въ одномъ мѣстѣ не громкій жирный баритонъ часто повторялъ: „не безпокойтесь, князь, — будьте увѣрены, князь!...“

То была ночь, но намъ нуженъ день...

День былъ ясный. Январское, веселое солнце близилось къ полудню, смягчая морозъ. Утренній туманъ, — обычное явленіе въ Петербургѣ, — исчезъ совершенно, и лихачу-извозчику уже не нужно напрягать свое зрѣніе, высматривая зазѣвавшихся прохожихъ, которые, что ошалѣлые, то и гляди, попадутъ подъ санки. Онъ весело покрикиваетъ на своего, какъ и самъ онъ, равнодушнаго ко всему конягу и отрывисто, полуоборачиваясь на козлахъ, отвѣчаетъ любопытному сѣдоку о томъ, какъ дружно идетъ у рабочихъ всеобщая стачка.

— Хорошую бастовку устроили, только намъ-то отъ этого дивиденту мало. Первокласные господа

припуганы, ѣздить боятся, да и урядниковъ разныхъ приходится возить чаще. Сказывали: ко самому царю пойдутъ...

— Тсш... — съ полнаго хода осадилъ извозчикъ свою лошадь.

— Стой! Куда прешь... Ишь прѣтъ!... Аль не видишь? — заоралъ на него усиленный патруль городовыхъ.

Впереди, пересѣкая улицы, по Невскому проспекту, полнымъ церемоніальнымъ шагомъ и во всей боевой готовности, проходилъ полкъ пѣхоты. Солдаты угрюмо и сосредоточенно шагали подъ суровую команду многочисленныхъ офицеровъ: Разъ, два!... Разъ, два!... — слышалась команда. Офицеры спѣшили размѣститься на своемъ отвѣтственномъ, а также и почетномъ, посту. Они торопились оправдать возложенныя на нихъ и довѣріе, и надежды. А довѣрили имъ и на самомъ дѣлѣ не мало, ихъ постъ и впрямь былъ почетно-завиднымъ. На ихъ долю выпало охранять и защищать не что-нибудь, а самый дворецъ „его императорскаго величества“: ихъ задача — нельзя сказать, чтобы была изъ легкихъ. Рабочіе хотятъ дойти до царя, поведетъ ихъ священникъ и говорятъ, что впереди они будутъ нести крестъ и иконы.

Согласятся ли солдаты стрѣлять? Выдержитъ ли дисциплина?

Всей военной муштровкѣ, которую они съ такой любовью и искусствомъ насаждали въ теченіе двухъ вѣковъ, грозитъ небывалая опасность. Ей предстоитъ строгое, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, трудное испытаніе — и его нужно выдержать...

Приподнятое настроеніе офицеровъ скоро передается и на ротныхъ фельдфебелей, — на этихъ старыхъ полковыхъ приживалокъ. Они, въ свою очередь, сильнѣе начинаютъ поводить усами и, время отъ времени, въ назиданіе унтерамъ, громко покашливаютъ, строго дисциплинарнымъ, предупредительнымъ кашлемъ. А добродушные унтера недоумѣваютъ, чтобы это такое, на самомъ дѣлѣ, могло значить? Правда, вчера они слышали въ казармѣ разговоръ между земляками, будто бы рабочіе рѣшились бунтовать, и ихъ, можетъ, поведутъ на усмиреніе, можетъ быть, въ усмиреніи придется стрѣлять. Такъ вѣдь что жъ? Дисциплина, присяга. А то можно и вверхъ пу-

стить „по миму“. Можетъ, и не будетъ большого-то грѣха — свои вѣдь!... А рослые солдаты, одѣтые въ казенное сукно, съ мѣткими на плечахъ винтовками, мрачно и широко вышагивали, тупо прислушиваясь къ звонкой командѣ начальства: „Разъ, два! Лѣвой, лѣвой!...“

Вотъ еще показались другіе солдаты. Ихъ ведутъ по другому направленію, къ Нарвскимъ воротамъ, подкрѣпить пѣхотинцевъ, продежурившихъ тамъ уже цѣлую ночь. Ведетъ ихъ и командуетъ ими, все то же самое развращенное, больное офицерство въ увеличенномъ составѣ. Фельдфебеля еще сердитѣе поводятъ своими усами, унтера, какъ и раньше, недоумѣваютъ, а солдаты, кажись, еще выше подкинули на свои плечи тяжелыя ружья и еще сосредоточеннѣе, еще шире шагаютъ, заглушая голосъ команды своимъ механически точнымъ, гулкимъ шагомъ.

Тамъ еще показались солдаты!... Еще и еще...

Всѣ улицы столицы были переполнены войсками. Были приведены въ дѣйствіе и строевая, и крѣпостная артиллерія. Всѣ 60.000 коннаго и пѣшаго войска были поставлены на ноги. Но къ чему же, мы спросимъ, готовилось все это военное могущество? Кто этотъ внезапный непріятель, заставившій неповоротливыхъ генераловъ, такъ скоро, въ одну ночь, занять всѣ выгодныя позиціи, и гдѣ онъ?...

Но на этотъ вопросъ отвѣтъ одинъ: „Врага нѣтъ!“

Собираясь стрѣлять въ рабочихъ, войска дѣлали жестокую ошибку. Солдаты, на радость начальству, принимали за „непріятеля“ смиреннаго труженика нашей родины, самаго полезнаго человѣка въ нашемъ государствѣ... Вѣдь онъ, этотъ мнимый „непріятель“, во все вдуваетъ дыханіе жизни, вѣдь его трудами живутъ всѣ „праздно-ликующіе, обагряющіе руки въ крови“. Но, кромѣ того, этотъ труженикъ еще и человѣкъ, — съ глазами, съ мозгомъ и съ большимъ желаніемъ не только трудиться, а и жить, быть въ жизни не только труженикомъ, но и человѣкомъ!... Онъ терпѣлъ! Его семейство вымирало отъ постоянныхъ недостатковъ. Самъ онъ, одѣтый въ вѣчную нужду, чувствовалъ себя какой-то рабочей лошадью, которую бьютъ, понукаютъ и которая должна, молча, везти до тѣхъ поръ, пока не подохнетъ. Но въ то же время онъ не могъ, конечно, не видѣть, какъ на его счетъ, но безъ его вѣдома, люди не труда, а праздной жизни, содержатъ цѣлые гаремы, утопаютъ въ

ненужной роскоши, — и его терпѣніе надломилось. Онъ понялъ, что, если онъ не заговоритъ, то „камни возопіютъ“. Понялъ точно такъ же и то, что ни отъ кого не дождаться ему милости, — и рѣшилъ самъ дойти до царя и спросить: съ его ли вѣдома и разрѣшенія такъ издѣваются надъ нами и грабятъ насъ?

Но „собака знала, чье мясо съѣла!“

Весь, казалось бы, заживо разложившійся чиновничій аппаратъ зашевелился. Закопошились всѣ гады, — они поняли, что приближается ихъ естественный конецъ, и, съ рабскимъ страхомъ пресмыкающихся, ухватились за послѣдній для себя якорь спасенія — военную дисциплину. Были приняты всѣ мѣры: выданы запасные, боевые патроны, чтобы, на случай, можно было выдержать хоть цѣлую осаду; не взыскательнымъ солдатамъ было поставлено, для смѣлости стрѣлять „въ своихъ“ — по чаркѣ; а офицеры, конечно, и сами знаютъ, что ждетъ ихъ послѣ каждой, хорошо одержанной, побѣды.

Кромѣ всего этого, изъ вчерашняго письма рабочихъ къ министру внутр. дѣлъ ясно видно, что всѣ рабочіе безоружны, мирно настроены, и, при самомъ малѣйшемъ подчиненіи солдатъ, побѣда надъ ними обезпечена.

Ваше превосходительство! — говорилось въ письмѣ — Рабочіе и жители г. Петербурга разныхъ сословій желаютъ и должны видѣть Царя 9-го сего января въ два часа дня на Дворцовой площади, чтобы выразить ему непосредственно свои нужды, нужды всего русскаго народа. Царю нечего бояться. Я, какъ представитель Общества петербургскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, мои сотрудники — товарищи-рабочіе и даже всѣ, такъ называемыя, революціонныя группы разныхъ направленій гарантируемъ неприкосновенность его личности. Пусть онъ выйдетъ, какъ истинный царь, съ мужественнымъ сердцемъ, къ своему народу и приметъ изъ рукъ въ руки нашу петицію. Этого требуетъ благо его, благо обывателей Петербурга, благо нашей родины. Иначе можетъ произойти конецъ той нравственной связи, которая до сихъ поръ еще существуетъ между русскимъ царемъ и русскимъ народомъ. Вашъ долгъ, великій и нравственный долгъ предъ царемъ и всѣмъ русскимъ народомъ, немедленно, сегодня же довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, какъ и все вышесказанное, такъ и приложенную здѣсь петицію. Скажите Царю, что я, рабочіе и многія тысячи народа мирно и съ вѣрою въ него безповоротно рѣшили идти къ Зимнему дворцу. Пусть онъ съ довѣріемъ отнесется на дѣлѣ, а не въ манифестѣ къ намъ.

Копія съ сего, какъ оправдательный документъ нравственнаго характера, снята и будетъ доведена до свѣдѣнія всего русскаго народа.

Предсѣдатель собранія и представители уполномоченныхъ отъ отдѣла.

II.

День прояснился еще больше и обѣщалъ быть веселымъ. Уже совсѣмъ высоко поднявшееся, святое солнце такъ же ясно и привѣтливо освѣщало рабочія заставы, квартиры и домики со всей ихъ убогостью, какъ и роскошный „Невскій“, и царскій дворецъ самаго Петербурга. Радостныя, одѣтыя въ болѣе чистыя, чѣмъ всегда, праздничныя одежды, рабочія семьи, пощелкивая, съ голоду, подсолнухи, съ ребятами высыпали на крылечки своихъ квартиръ. Они понимали, что творится небывалое, — хотятъ идти къ самому царю! И морозный воздухъ этого перваго яснаго дня наполнился ихъ любопытнымъ и громкимъ говоромъ: „Какъ и что-то отвѣтитъ государь мужикамъ...“ Женщины, — жены и матери рабочихъ, — были въ это утро свободны. Всѣ скудныя сбереженія, у кого какія были, истощились, и забастовка окончательно освободила ихъ отъ обязанности готовить что-нибудь на обѣдъ. Они называли въ шутку маленькихъ ребятишекъ „гражданами“ и звонко смѣялись надъ этимъ, для нихъ еще новымъ, не совсѣмъ еще понятнымъ названіемъ, но въ ихъ смѣхѣ звучала глубокая вѣра, что новый годъ, навѣрное, принесетъ имъ давно, давно желанное счастье.

Но особенное оживленіе было замѣтно въ этотъ день за Нарвской заставой. Тамъ былъ назначенъ сборный пунктъ всѣхъ рабочихъ, желающихъ идти съ крестнымъ ходомъ на площадь, къ Зимнему дворцу; а во главѣ шествія, въ полномъ церковномъ облаченіи, пойдетъ священникъ. У зданія союза, въ которомъ уже давно происходитъ многотысячный митингъ, стоитъ большая толпа. Зданіе набито „биткомъ“ и имъ приходится ждать на волѣ.

— Ну что? скоро?... — спрашиваютъ сразу нѣсколько голосовъ у только что выбравшагося изъ собранія пожилого рабочаго.

— Скоро кончутъ! Батюшка *) петицію разъясняетъ, — отвѣтилъ рабочій.

Толпа росла. Со всѣхъ концовъ прибывали все новые и новые рабочіе, скоро сотни возросли до тысячъ, а тысячи перешли въ десятки тысячъ. Рабо-

*) Батюшка — священникъ Гапонъ. Авторъ.

чихъ цѣликомъ охватило это новое начинаніе, и они особенно спѣшили, стараясь придти во время.

— Какъ пройдемъ-то? — безпокоились нѣкоторые изъ подошедшихъ, — въ городъ не пропускаютъ ни души, — ни коннаго, ни пѣшаго. Всѣ ворота запрудили солдатами, столько войска нагнали, просто — страсть!...

— Чать съ крестомъ пойдемъ-то! Али и въ крестный ходъ стрѣлять будутъ? — возражали другіе.

Люди вѣрили въ правоту своего дѣла, вѣрили въ тѣ иконы, которыя понесутъ впереди, — и никакая стѣна солдатъ не могла заставить ихъ отказаться отъ этого похода за „правдой". Конечно, тамъ, куда они намѣревались идти, никогда не было, да и не могло быть никакой правды; но вѣдь они не родились „философами" и, наоборотъ, имъ всю жизнь указывали на дворецъ, какъ на домъ добродѣтели, на домъ избранника и помазанника Божія. И теперь каждый изъ вновь подходившихъ задавалъ только одинъ вопросъ: „скоро ли?..."

А ожидаемый полдень наступилъ уже давно, и каждую минуту изъ собранія должны были показаться сначала крестъ, священникъ, хоругви, иконы, пѣвчіе, однимъ словомъ, полный и самый „настоящій" крестный ходъ. Но не будемъ ждать и попробуемъ пробраться внутрь зданія, въ самый залъ, гдѣ происходитъ митингъ.

Тихо. Нѣтъ ни фырканія. ни сморканья, ни чиханья. Дѣловыя лица рабочихъ напряженно сосредоточены. Они какъ-то критически вслушиваются въ слова ораторовъ и каждое непонятное, не нравящееся имъ слово подчеркиваютъ цѣлой бурей сердитаго протеста. Да и понятно. Вѣдь переживается что-то великое, и это великое нужно понять самымъ обыкновеннымъ, совсѣмъ невеликимъ, простымъ, мужицкимъ умомъ. Они пойдутъ сегодня и, какъ съ обыкновеннымъ человѣкомъ, будутъ разговаривать съ тѣмъ самымъ „земнымъ богомъ", о подчиненіи которому такъ много имъ говорили отцы и дѣти, — говорили въ семьѣ и школѣ. Они естественно впиваются теперь глазами въ говорившаго съ трибуны оратора, ловятъ каждый звукъ его голоса и каждое смѣлое слово его смѣлой мысли. Да и не только „его" мысли — эта мысль и въ нихъ самихъ давно копошилась, но не было для нея выхода. Эта мысль запала имъ въ

душу еще тогда, когда они были мальчишками, когда хозяинъ пользовался ихъ маленькимъ ростомъ и худенькимъ тѣльцемъ, не разбиралъ дымогарныхъ трубъ и посылалъ ихъ съ коптилкой въ котелъ отбивать котловую накипь. Эта мысль хоронилась въ нихъ въ теченіе и всей послѣдующей жизни, и теперь, когда о ней заговорили такъ свободно и смѣло, она рвалась наружу, — впрочемъ, нѣтъ, она не рвалась, она еще не понимала себя — ибо слишкомъ долго находилась подъ заскорузлой корой суевѣрія и боязни, не рвалась она, а только еще просилась.

А съ трибуны слышатся жгучія слова правды; ихъ произноситъ священникъ Гапонъ, повторяя начало петиціи. Онъ какъ бы умоляетъ аудиторію повѣрить въ благополучный и счастливый исходъ обращенія къ милости и добротѣ „ихъ величества"...

— Мы придемъ къ государю и скажемъ: „Насъ грабятъ! Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся, какъ къ рабамъ, которые должны терпѣть свою горькую участь и молчать. Мы терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества, насъ душатъ деспотизмъ и произволъ, мы задыхаемся. Нѣтъ больше силъ. Государь, насталъ предѣлъ терпѣнію..."

Голосъ священника оборвался. Онъ охрипъ и, обѣщая передъ самымъ выходомъ еще разъ прочесть петицію, передаетъ предсѣдательство хорошо всѣмъ извѣстному рабочему — Гришѣ.

Социалъ-демократъ Гриша беретъ на себя предсѣдательство и даетъ слово желающему говорить оратору. Аудиторія насторожилась. Рабочіе видятъ и по костюму, и по пенснэ, что выступившій не изъ ихъ среды, и ихъ критическая напряженность готова каждую минуту прорваться.

А ораторъ, не смущаясь, смѣло и безъ обиняковъ подошелъ къ своей цѣли.

— Товарищи! — началъ онъ, — я, социалъ-демократъ, не могу согласиться съ той затѣей, которую вы предпринимаете, и вамъ говорю: оставьте, ничего изъ этого не выйдетъ! Вы говорите, что идете къ своему отцу, но это неправда, вы пойдете къ царю, который, по существу, вашъ злѣйшій врагъ, и васъ встрѣтятъ штыки и пули. Вы пойдете не сво-

имъ фарватеромъ, и мы, какъ умѣлые „боцманы“, говоримъ вамъ это. Не просить у враговъ, а убивать ихъ надо. Нужно бороться, свергнуть это ненавистное царское самодержавіе... Требовать немедленнаго же прекращенія войны. Созвать учредительное собраніе. Добиваться демократической республики... И всѣхъ этихъ кровопійцъ...

Но оратору не дали кончить. Брошенный сначала жидкій возгласъ: „мы не объ войнѣ пришли сюда говорить!“ — былъ быстро подхваченъ, и сильный крикъ: „долой интеллигентовъ!“ — заглушилъ собою все собраніе. Предсѣдатель зналъ, что нужно было дѣлать. Онъ быстро попросилъ оратора сойти съ трибуны, и вслѣдъ за этимъ раздался его голосъ, когда снова водворилась только-что нарушенная было тишина.

Заговорилъ Гриша, и въ его словахъ, которыми онъ передавалъ тѣ же самыя мысли, недосказанныя „интеллигентомъ“, слышалось уже рабочимъ что-то родное, и каждый перерывъ, каждую маленькую паузу въ его рѣчи привѣтствовало гробовое молчаніе, меланхолически оттѣняемое тихимъ ходомъ большихъ стѣнныхъ часовъ, — тикъ-тукъ, тикъ-тукъ...

Онъ говорилъ о свободѣ слова, объ умѣньи пользоваться этой свободой и доказывалъ, что тотъ человѣкъ, которому не дали кончить, котораго не хотѣли выслушать до конца, — не лабазникъ какой-нибудь, не буржуа, который ужъ, конечно, не будетъ призывать къ демократической республикѣ, а свой человѣкъ, — товарищъ... Онъ указывалъ на тѣ средства, которыми можно завоевать себѣ право устройства союзовъ и рабочихъ организацій, свободныхъ отъ какой бы то ни было правительственной „опеки“. Указывалъ на средства заставить признать за рабочими право борьбы за ихъ классовые интересы.

— Мы заставимъ, — говорилъ Гриша, — уважать нашу борьбу. Заставимъ смотрѣть на нашу стачку, не какъ на какую-нибудь потѣху, а какъ на одно изъ тѣхъ могучихъ орудій, которыя есть у рабочихъ и къ которымъ они прибѣгаютъ не для того, чтобы позабавиться и посмѣшить своихъ враговъ.

И когда онъ кончилъ вопросомъ: „Нуженъ ли намъ законъ, который охранялъ бы всѣ рабочія права и свободы? Нужно ли намъ учредительное собраніе?“ — то громовое и раскатистое: нужно-о-о!... покрыло весь залъ, неописуемо прозвучало во всѣхъ углахъ и предупредительнымъ эхомъ вкатилось въ толпу, ожидавшую на улицѣ.

— Должно быть, выходятъ! — заключили нѣкоторые, обращаясь другъ къ другу.

А тамъ, на трибуну, вошелъ новый ораторъ, инженеръ.

— Господа! Я — интеллигентъ, и многіе изъ васъ меня хорошо знаютъ. Я вижу всю правоту вашего дѣла, вижу ваши страданія, хочу идти вмѣстѣ съ вами и теперь только спрашиваю: позволите ли вы мнѣ, „интеллигенту“, идти въ вашихъ передовыхъ рядахъ, вмѣстѣ съ вами? — Продолжительные апплодисменты и громкіе крики: „позволимъ!“ были ему отвѣтомъ.

Слово взялъ рабочій Василій Гавриловичъ:

— Товарищи! Мы всѣ согласны, что нужно добиваться власти народа и ограничить власть одного человѣка; учредительнымъ собраніемъ народныхъ представителей замѣнить „царское самовластіе“. Точно также мы знаемъ и то, что добиться этого можно только дружной, согласованной борьбой — силой, и всетаки хотимъ идти ко дворцу. Идти съ чѣмъ? — Съ „петиціей!“ Что же это значитъ? Развѣ милости и доброта нашихъ враговъ намъ не извѣстны давнымъ давно? Можетъ быть, нѣкоторые изъ товарищей скажутъ — для пробы, попробуемъ, молъ? Тогда я спрошу: зачѣмъ же дѣлать эти пробы, эти никому ненужныя попытки? Неужели мы и теперь еще не понимаемъ, что свобода и лучшая доля не даются, какъ нищему милостыня, а берутся съ бою? Неужели нужны еще испытанія, которыя могутъ намъ стоить нашей жизни? Сейчасъ пришло сообщеніе, что всѣ заставы окружены непроницаемымъ кольцомъ войска, на нѣкоторыхъ проспектахъ поставлены чуть ли не пушки; изъ другихъ районовъ къ намъ не пропустили и одной десятой части изъ тѣхъ, которые порывались пройти. И вотъ, теперь я спрашиваю у васъ и у себя: что же будетъ тогда, если, мало того, что не пропустятъ, а откроютъ по насъ огонь, будутъ насъ безоружныхъ разстрѣливать?...

— Тогда, — не вытерпѣлъ и перебилъ его Гапонъ, — мы скажемъ, что у насъ нѣтъ царя, а есть „палачъ“, есть „убійца“, убивающій своихъ дѣтей, которые шли къ нему и глубоко вѣрили! Товарищи-рабочіе! Правду ли я говорю?

— **Вѣрно! Правду-у! — прогудѣло собраніе...**
— **Мы придемъ къ дворцу — продолжалъ Гапонъ — и скажемъ: Ваше императорское величество! Какъ дѣти къ своему отцу, мы пришли къ тебѣ искать правды. Не отгоняй насъ и выслушай. Кругомъ будетъ тихо... Всѣ притаятъ дыханіе, а я разверну петицію и буду громко, во всеуслышаніе читать (читаетъ петицію):**

Государь!

Мы, рабочіе и жители города Петербурга, разныхъ сословій, наши жены и наши дѣти и безпомощные старцы родители, пришли къ тебѣ, Государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся, какъ къ рабамъ, которые должны терпѣть свою горькую участь и молчать. Мы терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества, насъ душатъ деспотизмъ и произволъ, и мы задыхаемся. Нѣтъ больше силъ, Государь, насталъ предѣлъ терпѣнію.

Для насъ насталъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ.

И вотъ мы бросили работу и заявили хозяевамъ, что не начнемъ работать, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немногаго просимъ, мы желаемъ только того, безъ чего жизнь не жизнь, а каторга, вѣчная мука.

Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды. Но въ этомъ намъ отказали, намъ отказали въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, находя, что такого права за нами не признаетъ законъ. Незаконны также оказались наши просьбы: уменьшить число рабочихъ часовъ до 8-ми въ день, устанавливать цѣну на нашу работу вмѣстѣ съ нами и съ нашего согласія, разсматривать наши недоразумѣнія съ низшей администраціей завода, увеличить женщинамъ и чернорабочимъ плату за ихъ трудъ до одного рубля въ день, отмѣнить сверхурочныя работы, лѣчить насъ внимательно, безъ оскорбленій, устроить мастерскія такъ, чтобы въ нихъ можно было работать, а не находить въ нихъ смерть отъ страшныхъ сквозняковъ, дождя и снѣга.

Все оказалось, по мнѣнію нашихъ хозяевъ и фабричнозаводской администраціи, противозаконно, всякая наша просьба — преступленіе, а желаніе улучшить наше положеніе — дерзость, оскорбительная для нихъ.

Государь, насъ здѣсь многія тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, въ дѣйствительности же за нами, равно, какъ и за всѣмъ русскимъ народомъ, не признаютъ ни одного человѣческаго права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать мѣры къ улучшенію своего положенія. Насъ поработили и поработили подъ покровительствомъ твоихъ чиновниковъ, съ ихъ помощью, при ихъ содѣйствіи. Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голосъ въ защиту интересовъ рабочаго класса и народа, бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку. Караютъ, какъ за преступленіе, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалѣть забитаго, безправнаго, измученнаго человѣка, значитъ совершить тяжкое преступленіе. Весь народъ, рабочіе и крестьяне, отданы на произволъ чиновничьяго правительства, состоящаго изъ казнокрадовъ и грабителей, не только совершенно не заботящихся объ интересахъ народа, но попирающихъ эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полнаго разоренія, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведетъ Россію къ гибели. Мы, рабочіе и народъ, не имѣемъ никакого голоса въ расходованіи взимаемыхъ съ насъ огромныхъ поборовъ. Мы даже не знаемъ, куда и на что деньги, собираемыя съ обнищавшаго народа, уходятъ. Народъ лишенъ возможности выражать свои желанія, требованія, участвовать въ установленіи налоговъ и расходованіи ихъ. Рабочіе лишены возможности организоваться въ союзы для защиты своихъ интересовъ. Государь, развѣ это согласно съ божескимъ закономъ, милостію всѣмъ намъ, трудящимся людямъ Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты, эксплуататоры рабочаго класса, чиновники, казнокрады и грабители русскаго народа. Вотъ что стоитъ передъ нами, Государь, и это насъ собрало къ стѣнамъ твоего дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи въ помощи твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему самому вершить свою судьбу, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ. Разрушь стѣну между тобой и твоимъ народомъ, и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь ты поставленъ на счастье народа, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ, къ намъ оно не доходитъ, мы получаемъ только горе и униженіе. Взгляни безъ гнѣва, внимательно на наши просьбы, онѣ направлены не ко злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, Государь. Не дерзость въ насъ говоритъ, а сознаніе необходимости выхода изъ невыносимаго для всѣхъ положенія.

Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ себѣ и управлялъ собою, вѣдь ему только и извѣстны истинныя его нужды. Не отталкивай его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ сословій, представителей и отъ всѣхъ рабочихъ, пусть тутъ будетъ и капиталистъ и рабочій, и чиновникъ и священникъ, и докторъ и учитель, пусть всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей. Пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, равной и тайной подачи голосовъ. Это самая главная наша просьба, въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ больныхъ ранъ, безъ котораго эти раны сильно будутъ сочиться и быстро двигать насъ къ смерти. Но одна мѣра все же не можетъ залѣчить всѣхъ нашихъ ранъ. Необходимы еще и другія, и мы прямо и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, Государь, о нихъ отъ лица всего трудящагося класса Россіи. — Необходимы:

I. Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа.

1. Немедленное освобожденіе и возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія, за стачки и народные крестьянскіе безпорядки.

2. Немедленное объявленіе свободы и неприкосновенности

личности, свободы слова, печати, свободы собраній, свободы совѣсти въ дѣлѣ религіи.

3. Общее и обязательное народное образованіе на государственный счетъ.

4. Отвѣтственность министровъ передъ народомъ и гарантія законности министра.

5. Равенство передъ закономъ всѣхъ безъ исключенія.

6. Отдѣленіе церкви отъ государства.

II. Мѣры противъ нищеты народной.

1. Отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ.

2. Отмѣна выкупныхъ платежей, дешевый кредитъ и постепенная передача земли народу.

3. Исполненіе заказовъ военнаго и морского вѣдомства должно быть въ Россіи, а не заграницей.

4. Прекращеніе войны по волѣ народа.

III. Мѣры противъ гнета надъ трудомъ.

1. Отмѣна института фабричныхъ инспекторовъ.

2. Учрежденіе при заводахъ и фабрикахъ постоянныхъ коммиссій выборныхъ рабочихъ, которые, совмѣсто съ администраціей, разбирали бы всѣ претензіи отдѣльныхъ рабочихъ.

3. Свобода потребительно-производительныхъ и профессіональныхъ рабочихъ союзовъ — немедленно.

4. 8-ми часовой рабочій день и нормировка сверхурочныхъ работъ.

5. Свобода борьбы труда съ капиталомъ, немедленно.

6. Нормальная заработная плата, немедленно.

7. Непремѣнное участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроектовъ о государственномъ страхованіи рабочихъ, немедленно.

Вотъ, Государь, наши главныя нужды, съ которыми мы пришли къ тебѣ. Лишь при удовлетвореніи ихъ возможно освобожденіе нашей родины отъ рабства и нищеты, возможно ея процвѣтаніе, возможно организоваться рабочимъ для защиты своихъ интересовъ отъ наглой эксплуатаціи капиталистовъ и грабящаго и душащаго народъ чиновничьяго правительства.

Повели и поклянись исполнить ихъ, и ты сдѣлаешь Россію счастливою и славною, а имя твое запечатлѣешь въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умремъ здѣсь на этой площади, передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда дальше идти и незачѣмъ. У насъ только два пути: — или къ свободѣ и счастью, или въ могилу... Пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жаль этой жертвы, мы охотно приносимъ ее.*)

Собраніе глухо и подавленно вздохнуло...

* Мы сочли необходимымъ сохранить въ статьѣ тов. Голубя текстъ Гапоновой петиціи, хотя и общеизвѣстный, но уже утратившійся изъ памяти многихъ. Напоминаемъ, что Матюшенскій (см. его покаянія въ «Кр. Знамени» N 2) увѣряетъ, будто эта сильная и смѣлая петиція, настоящій голосъ требующаго правды народа, была составлена имъ, Матюшенскимъ, съ сознательною цѣлью — направить рабочихъ подъ завѣдомо подготовленный разстрѣлъ! Редакція.

Священникъ кончилъ читать петицію, взглянулъ на сосредоточенныя и глубоко проникнутыя серьезностью минуты лица рабочихъ и, какъ-то необыкновенно откинувъ назадъ свои длинные волосы, полурѣшительно произнесъ: „Ну, съ Богомъ! Не забывайте же, куда мы идемъ, — если есть у кого изъ васъ оружіе — выбросьте!... Мы пойдемъ къ государю, къ отцу, къ нашему общему, старшему брату“...

Рабочіе шумно двинулись къ выходу, унося вмѣстѣ съ собою какъ бы стихійнымъ, вулканическимъ потокомъ лавы и все нерѣшительное, все колеблющееся.

— Пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи, — заглушая всѣ остальные голоса, закричалъ съ трибуны, своимъ здоровеннымъ басомъ, Василій Гаврилычъ, потерявшій, наконецъ, всякую надежду остановить этотъ прорвавшійся, дикій и въ то же время чудный, великій потокъ.

А вдали, уже въ самомъ проходѣ, какъ эхо, прорычало сразу нѣсколько голосовъ вмѣстѣ: „мы охотно приносимъ ее“...

То были послѣднія, полныя благороднаго содержанія, слова петиціи...

III.

Богатыя Нарвскія ворота, единственный проходъ въ городъ, были окружены войсками. Солнце мягко обнимало своимъ свѣтомъ воздвигнутую на ихъ верхушкѣ символическую колесницу, которую бѣшено мчатъ отъ Петербурга бѣлые кони, а изображенные при входѣ богатыри-воины, закованные въ желѣзныя латы, какъ-будто съ нѣмымъ укоромъ остановили свой каменный взглядъ на скучившихся около костра казаковъ.

Офицеры сгруппировались у самыхъ воротъ своей компаніей и, пробавляясь „острыми“ анекдотами, весело посмѣивались. Они спокойны. Солдаты хорошо знаютъ „словесность“, имъ уже достаточно внушено, что солдатъ есть священная личность, защитникъ „царя“ — въ первую руку — и, главнымъ образомъ, отъ врага „внутренняго“ — рабочаго. Имъ приказано вѣрнѣе цѣлиться, напомнили о „чести“ полка, которую они должны поддержать, а казаки, и такъ, вообще народъ „лихой“ — за двѣ чарки отца застрѣлятъ. Они спокойны.

Но вотъ, по направленію къ воротамъ, во весь духъ

мчится вѣстовой. Онъ еще издали что-то кричитъ и неистово машетъ руками, — идутъ, идутъ! Вотъ онъ сдѣлалъ подъ козырекъ и, заплетающимся отъ волненія языкомъ, передаетъ начальству: „Ви-димо Ва-ше пре-ство! Не-ви-димо! Идутъ съ иконами и съ молитв...“ Но звучная команда уже заглушила его рапортъ:

„Готовсь! Къ оружью! На мѣстахъ ссмирно!“...

Съ открытой вѣрой въ правоту своего дѣла и стройными рядами подходили рабочіе къ воротамъ. Ихъ головы были обнажены, они шли и пѣли молитву, въ которой просили милости для народа и побѣды „благовѣрному“ государю. Мужчины и женщины, медленно подвигались впередъ, съ одинаковой надеждой и въ какомъ-то блаженномъ, святомъ экстазѣ. Семейные изъ нихъ вели за руки своихъ маленькихъ дѣтей, чтобы — или показать врагамъ свои семьи, свои страданья — или померетъ подъ солдатскими пулями вмѣстѣ съ малютками, а не оставлять ихъ мучиться еще въ этой ужасной жизни.

Долго, молча и безъ особаго ропота сносили они этотъ гнетъ. Долго держали они на своихъ плечахъ цѣлую свору эксплоататоровъ, но вотъ, эта согнутая спина, на которой такъ усердно танцовали всевозможные господа и госпожи, — выпрямилась, лопнуло желѣзное терпѣніе, и по всѣмъ жиламъ заговорила молодая кровь. Но это негодованіе, эта громадная, большая сила еще не нащупала своего врага, она еще продолжала сѣять тамъ, гдѣ нужно было не оставить камня на камнѣ.

Они шли торжественно и спокойно.

Разстояніе между ними и войскомъ быстро сокращалось и чувствовалось, что рѣшительная минута должна быть ужасной. Они слышали, какъ сухо щелкнули взводимые курки казацкихъ винтовокъ, но все еще продолжали вѣрить и идти впередъ. Волнующееся море человѣческихъ головъ напоминало имъ о силѣ и каждый видѣлъ себя въ этой большой массѣ и сильнымъ и смѣлымъ. Высоко и торжественно надъ обнаженными головами развѣвались церковныя хоругви; вѣтеръ игралъ ихъ золотыми кистями... Въ переднихъ рядахъ, рабочіе, одѣтые въ праздничные пиджаки и чистыя косоворотки, во множествѣ несли передъ собой „чудотворныя“ иконы. Несли портретъ Николая II. Около шелъ, въ полномъ

церковномъ облаченіи, священникъ. Большой серебрянный крестъ въ его рукахъ блестѣлъ на солнцѣ, вѣтеръ пошевеливалъ его длинные волосы и раздувалъ слегка полы его ризы.

А надо всѣмъ, стройно и тихо неслись звуки молитвы. Эту молитву знали всѣ наизусть. Ее заставляли повторять ежедневно во всѣхъ школахъ, когда еще мы были „карапузами“, ей учили насъ наши родители, и теперь тысячи голосовъ, — звонкихъ, молодыхъ и старыхъ, густыхъ и надтреснутыхъ, — слились въ одинъ заунывный общій звукъ. Получилась дивная, небесная гармонія, напоминающая собой чудный органъ, который, человѣческими голосами, стройно и до боли тоскливо выводилъ: „спа-си Го-о-спо-ди лю-у-ди тво-я, и бла-гос-ло-ви досто-я-ніе тво-е-е... По-бѣ-э-ды бла-го-вѣр-но-му имге-ра-то-ру на-ше-му Ни-ко-лаю А-лек-сан-дро-ви-чу, на-суп-ро-тив-ны-я да-ру-яй-й!“...

Вдругъ дисонансомъ ко всей этой величественной картинѣ, и рѣзко заражая тревогой воздухъ, проигралъ сигнальный рожокъ. И тотчасъ-же, вслѣдъ за нимъ, какой-то сиповатый и бездушный голосъ, коротко и отрывисто прокричалъ: „Къ бою готовсь! Рота-а!... Пли!..“

И дрогнулъ воздухъ отъ дружнаго залпа солдатскихъ ружей. Но, не успѣлъ еще разсѣяться дымокъ, какъ снова тотъ-же самый подземный, сиплый голосъ и такъ-же отрывисто, какъ и въ первый разъ, повторилъ: „Рота-а!... Пли!...“

Попадали рабочіе и вывалились изъ ихъ рукъ „чудотворныя“ иконы — спасительницы отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Но еще не поняли своей ошибки уцѣлѣвшіе вторые ряды, не понялъ (!) ошибки и уцѣлѣвшій священникъ. Снова подняли они хоругви и снова взяли на руки портретъ „незабвеннаго“ государя. Подняли выпавшія изъ рукъ мертвыхъ товарищей иконы и ,безотчетно перешагнувъ черезъ теплые трупы, снова запѣли: спа-си Го-о-спо-ди лю-у-ди тво-я-а“...

— Рота-а! Пли!... Рота-а! Пли!...

Отрывисто прокричалъ нѣсколько разъ подрядъ, все тотъ-же бездушный, точно изъ могильнаго склепа исходящій, сиповатый голосъ, и каждая новая команда заглушалась новымъ раздирающимъ душу ружейнымъ трескомъ: Тррр... Тррр... Тррр...

Было дано восемнадцать залповъ. Восемнадцать разъ дрожалъ отъ выстрѣловъ и человѣческаго стона воздухъ — и люди, какъ скошенные подъ самый корень колосья, падали другъ за дружкой. Теперь они поняли свою ошибку. Раздался неистовый крикъ: „У насъ нѣтъ царя“... „Есть кровожадный палачъ!“...

У уцѣлѣвшаго и на этотъ разъ священника выпалъ крестъ... Онъ тоже(!) понялъ, что ихъ убиваютъ свои-же братья-солдаты, и, протянувъ къ нимъ руки, неестественно громко закричалъ: „Солдаты! Братья! не стрѣляйте, я освобождаю васъ отъ присяги“...

Но вотъ снова прозвучала команда и снова „ухнуло“ въ воздухѣ отъ дружнаго залпа.

Опять попадали рабочіе и въ третій разъ уцѣлѣлъ священникъ. Но теперь онъ уже не взывалъ къ казакамъ, а только, дико блуждая по трупамъ глазами, въ изступленіи, повторялъ: — У насъ нѣтъ царя! Проклятье всему царствующему дому! Проклятье Николаю! Анаѳема!... Будь трижды проклято все змѣиное отродье проклятыхъ Романовыхъ!“...

Рабочіе разбѣгались.

А потомъ?

(Вмѣсто послѣсловія.)

А потомъ остается сказать, что то же самое, что было у Нарвскихъ воротъ, въ меньшей или такой-же степени, происходило въ этотъ день по всему городу. Много было убито рабочихъ за Невской заставой, съ Обуховскаго, Александровскаго, Семяниковскаго и другихъ заводовъ. Они тоже десятками тысячъ двинулись было по шлиссельбургскому тракту въ городъ, но, не смотря на то, что впереди шли женщины и дѣти, казаки врѣзались въ эту безоружную толпу, обнажили шашки и безпощадно стали „крошить“ даже и бѣгущихъ. Многіе отъ страха прыгали черезъ заборъ и бросались въ многочисленныя и постоянныя полыньи рѣки Невы.

На Васильевскомъ островѣ рабочая масса была особенно возмущена этимъ дикимъ полицейскимъ произволомъ, и настроеніе было особенно революціонно. Тамъ срубали телеграфные столбы, стаскивали на баррикады всевозможные обломки, запасались камнями и дѣлали, противъ конницы, проволочныя загражденія. Рабочимъ удалось захватить одну типографію, они тутъ-же составили, набрали и выпустили небольшое воззваніе. Захватили складъ холоднаго оружія, и на баррикадахъ появились, хоть и заржавленныя, но все-же сабли... Было воздвигнуто до 7 баррикадъ — одна изъ нихъ, новый, еще не достроенный домъ, особенно дорого обошлась рабочимъ, — на ней пало до 150 человѣкъ. Герои Васильеостровцы стойко и храбро отдавали свою жизнь за свободу. У всѣхъ на виду былъ поднятъ на штыки знаменоносецъ, геройски выступившій впередъ! Убитъ наповалъ ораторъ, говорившій рѣчь съ высокой трибуны... — Стрѣляйте! если не совѣстно!... крикнулъ одинъ рабочій, подставляя свою грудь солдатамъ, и палъ мертвымъ...

Такъ помирали Васильеостровцы!...

У самаго Зимняго дворца, съ утра началъ собираться народъ, и къ полудню тамъ уже было произведено нѣсколько боевыхъ залповъ, которые скосили не только взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, молодыхъ, полныхъ огня и жизни юношей, но и ни въ чемъ неповинныхъ младенцевъ. Семидесяти-пяти тысячная толпа шарахнулась въ разныя стороны.

Въ три ряда разъѣзжали казаки по переполненымъ людьми панелямъ и дорогѣ, давили народъ и дико, звѣрски неистовствуя, размахивали обнаженными шашками.

Опредѣляя мѣста, обагренныя въ этотъ день кровью, опредѣляя тѣ пункты, гдѣ стрѣляли въ безоружный народъ, мы не ошибемся и не преувеличимъ, если скажемъ, что по всему городу, отъ рабочихъ заставъ и до дворца, по всѣмъ направленіямъ, жужжали и свистѣли пули. На Выборгской сторонѣ, на Петербургской тоже были знамена, ораторы и тоже были жертвы, было множество труповъ... Всѣ частныя и казенныя больницы были переполнены умершими или умирающими. Цѣлыми ночами полиція зарывала на кладбищахъ убитыхъ. Въ одну яму бросали по 200 труповъ, и такихъ „братскихъ“ могилъ на петербургскихъ погостахъ не мало. Опредѣлить точно число жертвъ нельзя. Мертвыхъ, а, можетъ быть, полумертвыхъ (кто поручится?) безконтрольно и энергично зарывали въ землю „блюстители“, а раненыхъ родственники старались поскорѣе захватить на частныя квартиры...

Есть сообщенія изъ свѣдущихъ и заслуживающихъ

довѣрія источниковъ, по которымъ убито 9—10 января до 4,200 человѣкъ, а ранено до 7,500. Документально это будетъ доказано только тогда, когда русскій народъ окончательно завоюетъ себѣ политическую свободу и броситъ на скамью подсудимыхъ всѣхъ сановныхъ виновниковъ этой кровавой, безчеловѣчной бойни и, главнымъ образомъ, главнаго виновника — Николая II — постыдно бѣжавшаго отъ народа, на счетъ котораго онъ живетъ…

* * *

Въ этотъ величайшій историческій день разорвались не только завѣсы церковныя, но и завѣсы царскаго господства. Дрогнула вся русская земля… На этомъ безподобномъ примѣрѣ, рабочій классъ всей страны увидѣлъ и уяснилъ себѣ разъ на всегда, что ни отъ кого и никакихъ милостей ждать не приходится. Послѣднее слово произнесли и вышло оно очень краснорѣчиво.

Этотъ день, на многое и многихъ заставилъ посмотрѣть другими глазами и ко многому многихъ онъ заставилъ относиться иначе. Множество городовъ тутъ-же отвѣтили на дикую бойню безоружныхъ петербургскихъ рабочихъ тучей политическихъ забастовокъ сочувствія, и къ ихъ проклятью присоединили еще свое… Но выстрѣлы этого дня не только открыли кампанію, а сдѣлали нѣчто болѣе грандіозное — они произвели „революцію ума“, революцію сердца…

„Православіе-то разстрѣляли“…, говорила въ этотъ день, покачивая головой, какая-то старуха.

Мы-же скажемъ, что вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ, вмѣстѣ съ православіемъ, правительство разстрѣляло и самого себя. Оно убило ту напрасную вѣру въ „божьяго помазанника“, которая, какъ мы видѣли, была у рабочихъ, и оставшимся въ живыхъ приходится видѣть въ этомъ лишь знаменіе времени, лишь поворотъ въ, желанную для всѣхъ сознательныхъ рабочихъ, сторону. Солдатскія пули расшевелили народъ отъ умственной спячки, разсѣяли его боязнь и, крестивъ не огнемъ, — какъ говорятъ, — а его-же собственной кровью, благословили на новый путь, — завоеванія политическихъ свободъ. Въ этотъ незабвенный день, пролетаріатъ разорвалъ то „прошеніе“, которое несъ къ Зимнему дворцу. Съ этого

дня онъ потерялъ свой покой, съ этого-же дня онъ сталъ открыто той реальной силой, — диктующей законы, къ которой прислушиваются, которую признали теперь всѣ общественные элементы. Съ этой минуты начинаетъ усиленнѣе вертѣться клубокъ россійской революціи вообще, а петербургскаго рабочаго движенія въ частности.

Для каждаго въ отдѣльности и для всѣхъ вмѣстѣ, послѣ этихъ событій, ясно опредѣлилось, что соціалъ-демократы были правы, утверждая, что „нельзя улучшить свое матеріальное положеніе, не добившись политической свободы“. Этотъ день помогъ понять, почему соціалъ-демократы на своемъ знамени прежде всего пишутъ: „Долой царское самодержавіе!“ О. Гапонъ тоже не звалъ больше рабочихъ къ царю за правдой. Вечеромъ этого же дня, въ своемъ открытомъ письмѣ онъ говоритъ уже совсѣмъ не то, что говорилъ въ этотъ-же день утромъ:

Родные! Братья товарищи-рабочіе! — такъ начиааетcя письмо — Мы мирно шли 9 января къ царю за правдой, мы предупредили объ этомъ его опричниковъ-министровъ, просили убрать войска, не мѣшать намъ итти къ царю. Самому царю я послалъ 8 января письмо въ Царское Село, просилъ его выйти къ своему народу съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой. Цѣною собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все-таки пролилась…

Звѣрь-царь, его чиновники, казнокрады и грабители русскаго народа, сознательно захотѣли быть и сдѣлались убійцами нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей. Пули царскихъ солдатъ, убившихъ за Нарвской заставой рабочихъ, несшихъ царскій портретъ, прострѣлили этотъ портретъ и убили нашу вѣру въ царя.

Такъ отомстимъ же, проклятому народомъ царю и всему его змѣиному отродью, министрамъ, всѣмъ грабителямъ несчастной русской земли. Смерть имъ всѣмъ, вредите всѣмъ, кто чѣмъ и какъ можетъ. Я призываю всѣхъ, кто искренно хочетъ помочь русскому народу свободно дышать — на помощь! Всѣхъ интеллигентовъ, студентовъ, всѣ революціонныя организаціи (соціальдемократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ) — всѣхъ! Кто не съ народомъ, тотъ противъ народа.

Братья-товарищи, рабочіе всей Россіи! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы накормить себя, и оружіе разрѣшаю вамъ брать, гдѣ и какъ сможете. Бомбы, динамитъ — все разрѣшаю. Не грабьте только частныхъ жилищъ и лавокъ, гдѣ нѣтъ ни ѣды, ни оружія. Не грабьте бѣдняковъ, избѣгайте насилія надъ невинными. Лучше оставить десять сомнительныхъ негодяевъ, чѣмъ уничтожить одного невиннаго. Стройте барикады, громите царскіе дворцы и палаты. Уничтожайте ненавистную народу полицію.

Солдатамъ и офицерамъ, убивающимъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, всѣмъ угнетателямъ народа — мое пастыр-

свое проклятіе! Солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться свободы — мое благословеніе! Ихъ солатскую клятву измѣннику царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрѣшаю.

Дорогіе товарищи-герои! Не падайте духомъ! Вѣрьте, скоро добьемся свободы и правды: неповино пролитая кровь тому порукой. Перепечатывайте, переписывайте всѣ, кто можетъ, и распространяйте между собой и по всей Россіи это мое послѣднее завѣщаніе, зовущее всѣхъ угнетенныхъ, обездоленныхъ на Руси встать на защиту своихъ правъ. Если меня возьмутъ или разстрѣляютъ, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мнѣ вами — сотнями тысячъ — клятву. Боритесь пока не будетъ созванно Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, равнаго, прямаго и тайнаго избирательнаго права, гдѣ будутъ избранны вами самими защитники вашихъ правъ и интересовъ, выставленныхъ въ вашей петиціи измѣннику-царю.

Да здравствуетъ грядущая свобода русскаго народа!

Великія событія этого историческаго „краснаго“ дня многому научили не только рабочихъ, но и всѣхъ россійскихъ гражданъ безъ различія званій, состоянія или націй. Пролетаріатъ не забудетъ его. Онъ отмѣтитъ этотъ день какъ начало революціи, сдѣлаетъ его днемъ своего просвѣтленія, днемъ окончательнаго пробужденія, днемъ рѣшительнаго начала борьбы за политическую свободу, за демократическую республику, за соціализмъ...

На всѣ просьбы и мольбы народу отвѣтили въ этотъ день пулями, и народъ проснулся. Онъ проснулся и радъ своему пробужденію, какъ ребенокъ, почувствовавшій, что наконецъ-то онъ прозрѣлъ, наконецъ то спала закрывающая глаза вѣковая повязка, радъ, какъ борецъ, поднявшійся и созрѣвшій для великой борьбы.

Кровь пролилась...

Царь ласково принялъ. Россійскій пролетаріатъ съ солидарностью, свойственной только единому цѣлому, оцѣнилъ, цѣнитъ и будетъ оцѣнивать дальше эту царскую ласку. А петербургскіе безпартійные — „гапоновцы“, припоминая свой горячій споръ съ рабочими уже организованными, „партійными“, часто, часто будутъ вспоминать слова своего товарища Василья Гаврилыча, что „свобода и лучшая доля не даются какъ нищему милостыня, а берутся съ бою...“

Петербургъ, январь 1906.

Рабочій Степанъ Голубь.

Гнѣвъ Славянина.

I.

Вѣстники.

На высотѣ звѣзда космата
Грозила намъ ужь много лѣтъ.
И видимъ: братъ возсталъ на брата,
Ни въ чемъ увѣренности нѣтъ.

Лучи косматой кровецвѣтны,
Они отравны для сердецъ.
Всѣ тѣ, что были непримѣтны,
Теперь возстали наконецъ.

И рыбаки, забросивъ сѣти,
Нашли, что тамъ дитя-уродъ.
Ожесточились даже дѣти,
Рука ребенка ножъ беретъ.

И рыбаки забросивъ сѣти,
Со страхомъ видятъ: вновь уродъ.
Теперь приливъ десятилѣтій
Намъ много страховъ принесетъ.

Въ сгущенной мглѣ звѣзда космата
Зажжетъ безчисленность кометъ.
Пришла жестокая расплата,
Дрожите всѣ, въ комъ чести нѣтъ.

II.

Дѣва-Обида.

Дѣва Обида, лебединыя крылья,
Восплескала крылами надъ Дономъ,
Потому что донскіе казаки суть духи насилья,
Ихъ имя, что гордостью было, нынѣ слито, какъ съ эхомъ
со стономъ.

Ихъ имя, что знаменьемъ было лихого задора,
Уродливымъ сдѣлалось знакомъ хлыста,
Кличемъ безпутнаго звѣрства, позора,
Въ немъ душевная грязь, нищета.

Казакъ означалъ молодца удалого,
А нынѣ казакъ есть наемный палачъ.
О, Дѣва Обида, надъ Дономъ промчи это слово,
Казацкая мать, ты надъ сыномъ продажнымъ восплачь.

III.

Слѣпцы.

(Поэту не понимающему бури, В. Брюсову).

Одинъ слѣпецъ ведетъ другого,
И въ безобразіи своемъ,
Кривымъ путемъ,
Глупецъ глупца,
Слѣпецъ слѣпца,
Впередъ уводитъ безъ конца.
Ты понимаешь это слово?

Поднявъ глаза, раскрывши рты,
Поднявъ глаза свои слѣпые,
Наощупь въ царствѣ темноты,
Кроты, кроты,
Они ползутъ, скрипятъ, — ихъ выи
Надменны, — полны срамоты
Ихъ неуклюжія движенья, —
Они — одно, они — сцѣпленье,
Уродство самоослѣпленья.
Убогость эту понялъ ты?

❧ ❧ ❧

IV.

Неизбѣжность.

Убійства, казни, тюрьмы, грабежи,
Сыскъ, розыскъ, обыскъ, щупальцы людскія,
Сплетенія безсовѣстнѣйшей лжи,
Слова — одни, и дѣйствія — другія.

Романовы съ холопскою толпой,
Съ соизволенья всѣхъ, кто сердцемъ низокъ,
Ведутъ, какъ скотъ, рабочихъ на убой.
Разъ, два, конецъ. — Но часъ расплаты близокъ.

Есть точный счетъ въ теченіи всѣхъ дней,
Движенье въ самой сущности возвратно.
Кинь въ воздухъ кучу тяжкую камней,
Тебѣ ихъ тяжесть станетъ вмигъ понятна.

Почувствуешь убогой головой,
Измыслившей подобныя забавы,
Что есть порядокъ въ жизни міровой,
Ты любишь кровь — ты вступишь въ сонъ кровавый.

Изъ крови, что излита, встанетъ кровь,
Жизнь хочетъ жить, къ казнящимъ — казнь сурова.
Скорѣе, жизнь, возмездіе готовь,
Смерть смерти, и да будетъ живо слово.

❧ ❧ ❧ ❧

V.

Гунны.

Гунны жили на коняхъ,
Въ сѣдлахъ ѣли, спали, пили,
Между битвами любили,
Въ кратковременныхъ пирахъ,
Про дома же говорили: —
Въ домѣ быть — то быть въ могилѣ.
Гунны жили въ быстрыхъ дняхъ,
Пронеслись какъ бы во снахъ,
Но донынѣ въ полной силѣ
Этотъ зовъ не быть въ стѣнахъ:
Въ домѣ быть — то быть въ могилѣ.

К. Бальмонтъ

Пѣснь Разсвѣтнаго Знамени.

(Изъ Уольта Уитмана.)

Поэтъ.

О, новая пѣснь, свободная пѣснь,
Ты бьешься, ты бьешься, ты бьешься, ты бьешься,
Зовы тебя порождаютъ, и четкій напѣвъ голосовъ,
Голосъ вѣтра и зовъ барабана,
Голосъ знамени, голосъ ребенка, и голосъ моря, и голосъ отца,
Низко здѣсь, на землѣ, и высоко тамъ, въ воздухѣ,
На землѣ, гдѣ стоятъ отецъ и ребенокъ,
И въ воздухѣ вышнемъ, куда глаза устремляются,
Гдѣ бьется разсвѣтное знамя.

Слова! что вы, мертвыя книжности!
Нѣтъ больше словъ, ибо глядите и слушайте,
Пѣсня моя здѣсь звучитъ на открытомъ воздухѣ,
Я долженъ пѣть вмѣстѣ съ знаменемъ, съ браннымъ стягомъ.

Скручу я струну и вкручу въ нее
Желанье мужчины, желанье ребенка, я вкручу ихъ въ нее:
Жизнью струну я наполню,
Я вмѣщу въ нее яркій конецъ штыка,
Я вкручу въ нее пули и свисты картечи,
(Какъ тотъ, кто несетъ угрозу и символъ далеко въ грядущее,
Съ голосомъ трубнымъ крича: Пробудитесь, возстаньте.
Пробудитесь, возстаньте!)
Я стихъ изолью съ потоками крови, полный волненья и радости.
Стихъ текучій, иди же скорѣе, соперничай
Со знаменемъ, знаменемъ браннымъ.

Знамя.

Сюда, ко мнѣ, пѣвецъ, пѣвецъ,
Сюда, ко мнѣ, душа, душа,

Сюда, ко мнѣ, ребенокъ малый,
Мы будемъ въ облакахъ носиться,
Съ вѣтрами будемъ мы играть,
Съ вѣтрами будемъ мы кружиться,
Съ безмѣрнымъ свѣтомъ веселиться.

Ребенокъ.

Отецъ, скажи, что тамъ въ небѣ манитъ меня длиннымъ пальцемъ,
И что это мнѣ въ то же время говоритъ, говоритъ?

Отецъ.

Ничего, дитя, ты не видишь въ небѣ,
Посмотри, тамъ въ домахъ, сколько яркихъ вещей,
Открываются лавки мѣняльныя,
Посмотри, приготовилось сколько повозокъ,
Чтобъ ползти среди улицъ съ товарами;
Сколько цѣнности въ нихъ, и труда сколько вложено,
Какъ желаетъ ихъ вся земля.

Поэтъ.

Свѣжимъ и розово-краснымъ солнце восходитъ все выше,
Море въ дали голубой плыветъ и бѣжитъ и плыветъ,
Вѣтеръ надъ лономъ морскимъ вѣетъ, стремится къ землѣ,
Вѣтеръ сильный идетъ съ Запада, съ Юго-запада,
Пѣной молочно-бѣлой играетъ надъ гранью водъ.

Но я-то не море и не красное солнце,
Я не вѣтеръ съ ребяческимъ смѣхомъ его,
Я не вѣтеръ безмѣрный, который крѣпчаетъ,
Я не вѣтеръ, который и хлещетъ и бьетъ,
Но я тотъ, кто, незримый, приходитъ, поетъ.
Прихожу, и пою, и пою, и пою.
Я тотъ, кто лепечетъ въ ручьяхъ и дождяхъ,
Я тотъ, кто извѣстенъ птицамъ въ лѣсахъ,
Они мнѣ щебечутъ и утромъ, и вечеромъ,
Я тотъ, кто извѣстенъ прибрежнымъ пескамъ,
И знаютъ шипящія волны меня,
И знамя, и бранное знамя,
Что мечется, бьется вверху.

Ребенокъ.

Отецъ, да оно живое:
Какъ тамъ много людей, тамъ дѣти!
Вотъ, мнѣ кажется, вижу, оно
Говоритъ съ своими дѣтьми,
Я слышу, оно говоритъ и со мной.
Какъ это волшебно!
О, оно расширяется — быстро ростетъ — Отецъ,
Оно покрываетъ все небо.

Отецъ.

Перестань, перестань, глупый мальчикъ,
То, что ты говоришь, печалитъ меня,
И мнѣ очень не нравится;
Смотри съ другими, опять говорю,
Смотри не вверхъ, на знамена,
Взгляни, мостовая какая внизу,
И замѣть, какъ прочны дома.

Знамя.

Говори съ ребенкомъ, пѣвецъ,
Говори всѣмъ дѣтямъ на Югѣ и на Сѣверъ,
Все забудь, укажи этотъ день,
Я вьюсь, развѣваюсь по вѣтру.

Поэтъ.

Я вижу не эти лишь полосы знамени,
Я слышу раскатные топоты армій,
И слышу я окликъ, зоветъ часовой,
Я слышу ликующій вопль милліоновъ,
Я слышу Свободу въ воззваньяхъ людей.
Гремятъ барабаны, безумствуютъ трубы,
Я самъ между ними — возсталъ, и лечу.
Я вольная птица лѣсовъ и утесовъ,
Я вольная птица морей,
Съ высотъ я взираю, на крыльяхъ, на крыльяхъ,
И мнѣ ли плѣнительный миръ отвергать?
Я вижу безчисленность пашенъ, амбары,
Я вижу работы, я вижу рабочихъ,
Я вижу несчетность телѣгъ и телѣгъ,
Я вижу, я слышу, летятъ паровозы,
Я вижу на Западѣ груды зерна,
Надъ нимъ задержавшись, я рѣю,
Я вижу на Сѣверѣ лѣсъ строевой,
И вновь я на Югѣ, и всюду работа.
Окинувши цѣлое зоркимъ оглядомъ,
Я вижу, какъ цѣнны сбиранья и жатвы,
Я вижу, что значитъ Единство великихъ,
Надменныхъ, въ единое слитыхъ, владѣній,
(А сколько ихъ будетъ еще!)
Я крѣпости вижу надъ гуломъ портовымъ;
Приходятъ, уходятъ, плывутъ корабли.
И все же, и все же, надъ всѣмъ этимъ міромъ
Подъемлю я малое длинное знамя,
Возникшее въ видѣ меча.
Проворно летитъ оно, мечется, бьется,
Войну указуя и вызовъ.
Мой стягъ уже поднятъ надъ глыбами зданій,
Грозитъ лезвіемъ это звѣздное знамя,
Прочь миръ отъ земли и воды.

Знамя.

Все громче и громче, сильнѣе, сильнѣе,
Все дальше и дальше, пѣвецъ,
Пронзи своимъ голосомъ воздухъ.
Не миръ и богатства показывай дѣтямъ,
Довольно объ этомъ, — мы ужасомъ будемъ,
Теперь ужь мы ужасъ, теперь мы рѣзня.
Что значитъ обширность надменныхъ владѣній?
Ихъ пять, или десять, ихъ сколько, ихъ сколько?
И сколько тамъ складовъ и лавокъ мѣняльныхъ?
Все, все это наше, всѣ земли, всѣ воды,
И море, и рѣки, и нивы, и долы,
Для насъ — милліоны людей.
О, бардъ, ты и въ жизни, и въ смерти — верховный,
Смотри, мы высоко, мы бранное знамя:
Такъ пой же, не только для этого дня,
На тысячу лѣтъ спой теперь эту пѣсню,
Для малой, для дѣтской души.

Ребенокъ.

О, отецъ, я домовъ не люблю,
Никогда ихъ любить я не буду,
И монеты не нравятся мнѣ.
Но хотѣлъ бы подняться я вверхъ,
Отецъ, мой отецъ, это знамя люблю я,
Я хотѣлъ бы и долженъ стать знаменемъ.

Отецъ.

Мальчикъ родной, ты тревогой меня исполняешь,
Этимъ знаменемъ быть — слишкомъ было бы страшно.
Мало ты знаешь о томъ, что такое сегодняшній день,
И что послѣ сегодня, всегда, навсегда,
Здѣсь выгоды нѣтъ никакой,
А опасность на каждомъ шагу.
Выйти во фронтъ и стоять передъ битвами —
И какими еще! —
Что у тебя съ ними общаго?
Со страстями неистовыхъ, съ этой рѣзней, съ преждевременной смертью.

Знамя.

Такъ вотъ, я пою эту смерть и неистовыхъ,
Все сюда, да, всего я хочу,
Я, бранное знамя, подобное видомъ мечу.
Новый восторгъ, изступленный,
И стремленья дѣтей, этотъ лепетъ ихъ,
Со звуками мирной земли я солью,
И съ влажными всплесками моря,
Корабли, что на морѣ сражаются въ дымѣ,
И льдяность холоднаго дальняго Сѣвера,

Съ шелестѣньями кедровъ и сосенъ,
И дробь барабановъ, и топотъ идущихъ солдатъ,
И Югъ, съ его солнцемъ горячимъ,
И бѣлые гребни заливной волны
Береговъ Востока и Запада,
И все, что замкнуто межъ ними,
Водопады и рѣки бѣгущія,
И горы, и поле, и поле, и лѣсъ,
О, весь материкъ въ его цѣлости,
Безъ забвенья малѣйшаго атома,
Все сюда, что поетъ, говоритъ, вопрошаетъ,
Все сюда, мы вберемъ и сольемъ это все,
Мы хотимъ, мы возьмемъ, мы беремъ, мы поглотимъ,
Довольно улыбчивыхъ губъ
И музыки словъ поцѣлуйныхъ,
Изъ ночи возставши для дѣла благого,
Теперь ужь не вкрадчивымъ голосомъ мы говоримъ,
А какъ вороны каркаемъ въ вѣтрѣ.

Поэтъ.

Крѣпнетъ все тѣло мое,
Жилы мои расширяются,
Все ясно теперь для меня,
Знамя, какъ ширишься ты, приближаясь изъ ночи,
Я тебя возглашаю рѣшительно,
Я прорвался, и нѣтъ больше путъ,
Слишкомъ долго я глухъ былъ и слѣпъ,
Мой голосъ ко мнѣ возвратился,
Мой глазъ и мой слухъ утончились,
Ребенокъ ихъ мнѣ возвратилъ,
Я слышу, о, бранное знамя,
Твой насмѣшливый зовъ съ высоты,
Безумный! безумный! О, знамя,
Но я же тебя пою.
О, да, ты не тишь домовъ,
Если хочешь, любой здѣсь разрушь,
Ты ихъ разрушать не хотѣло,
Но развѣ имъ можно стоять,
Хоть часъ, если ты не надъ ними?
О, знамя, не цѣнность ты вещи,
Тебя не купишь на деньги,
Но что мнѣ всѣ внѣшности жизни,
Что пристани мнѣ съ кораблями,
Вагоны, машины, машины, —
Тебя лишь отсюда я вижу,
Изъ ночи, но съ грозьями звѣздъ,
Ты свѣта и тьмы раздѣлитель,
Ты воздухъ вверху разрѣзаешь,
Ты солнечнымъ блескомъ согрѣто,

Ты мѣряешь пропасть небесъ.
Въ то время, какъ дѣльные съ дѣломъ,
Толкуютъ про дѣло, про дѣло,
Ребенку ты вдругъ полюбилось,
Ребенокъ увидѣлъ тебя.
О, ты, верховодное знамя,
О, стягъ боевой и змѣиный,
Въ выси, недоступной змѣею,
Ты вьешься и ты шелестишь.
Ты образъ, ты только идея,
Но кровь будетъ здѣсь проливаться,
И яростно будутъ сражаться,
И какъ ты возлюблено мной.
Надъ всѣми, и всѣхъ призывая,
И всѣми державно владѣя,
Ты вьешься, разсвѣтное знамя,
Являя намъ звѣздный свой ликъ.
И всѣхъ я, и все оставляю,
И вижу лишь бранное знамя,
И знамя одно воспѣваю,
Которое въ вѣтрѣ шумитъ!

Европѣ,

72-ой и 73-ій Годы Соединенныхъ Штатовъ.

(Изъ Уолта Уитмана.)

Внезапно изъ ветхой и сонной берлоги,
Изъ душной берлоги рабовъ
Какъ будто бы вспыхнула яркая молнія,
Сама на себя удивляясь,
Ногой придавивши лохмотья и пепелъ,
И стиснувши руки на горлѣ владыкъ.

О, надежда и вѣра!
О, боль завершенія жизней — всѣхъ тѣхъ,
Кто былъ изгнанъ за то, что любилъ свою родину,
О, сколько, порвавшихся въ пыткѣ, сердецъ!
Вернитесь назадъ въ этотъ день,
И забейтесь для жизни свободной!

А вы, которымъ платятъ за услугу —
Грязнить народъ, замѣтьте вы, лжецы, —
Хотя несчетны были истязанья,
Убійства и безчестность воровства,
Въ извилистыхъ и самыхъ низкихъ формахъ, —
Хотя изъ тѣхъ, кто бѣденъ, выжимали

Достатокъ весь, грызя его, какъ черви, —
Хоть обѣщанья съ королевскихъ устъ
Нарушены, и тотъ, кто обѣщался,
Отмѣтилъ подлымъ смѣхомъ свой обѣтъ, —
И хоть во власти тѣхъ, кто былъ обиженъ,
Владыки были, — все жь свои удары
На нихъ еще не устремила месть,
И головы не срѣзаны у знати; —
Народъ презрѣлъ свирѣпости владыкъ.

Но мягкость милосердія была
Какъ дрожжи для погибели горчайшей,
И струсившіе деспоты вернулись,
Съ своей приходитъ каждый съ полной свитой,
При немъ — палачъ, святоша, вымогатель,
Солдатъ, законникъ, баринъ, и тюремщикъ,
И сикофантъ.

А сзади всѣхъ, ползетъ, глядите, призракъ,
Какъ бы туманъ, въ покровѣ безконечномъ,
Лобъ, голова, и весь — въ багряныхъ складкахъ,
Лица и глазъ никто не видитъ,
Изъ всѣхъ одеждъ, изъ красныхъ одѣяній,
Приподнятыхъ рукой, лишь палецъ видно,
Изогнутый, кривой, во всемъ подобный
Змѣиной головѣ.

Межь тѣмъ тѣла лежатъ въ могилахъ свѣжихъ,
Кровавыя тѣла погибшихъ юныхъ,
Веревка тяжко съ висѣлицы пала,
Летаютъ пули, принцы ихъ послали,
Приспѣшники властей хохочутъ, —
И это все должно явить свой плодъ.

Тѣла погибшихъ юношей, тѣла
Замученныхъ, повѣшенныхъ, сердца,
Пронзенныя свинцомъ жестоко сѣрымъ,
Теперь какъ будто холодны, недвижны,
Но невозможно ихъ убить.

Они вознесены святою смертью,
Они живутъ въ другихъ такихъ же юныхъ,
Внемлите, короли,
Они живутъ въ другихъ, опять готовыхъ
На вызовъ вамъ!
Надъ каждымъ, кто убитъ былъ за свободу,
Надъ каждою подобною могилой,
Ростетъ трава, которой имя — вольность,
И въ свой черёдъ посѣетъ сѣмена,
И вѣтры разнесутъ ихъ для посѣвовъ,
Дожди, снѣга — кормильцы имъ.

Да, каждый духъ, котораго отъ тѣла
Освободитъ оружіе тирана,
Здѣсь будетъ, отъ земли онъ не уйдетъ,
Онъ будетъ проходить по ней незримо,
Шептать, предупреждать, и торопить.

Свобода, пусть отчаются другіе,
Я никогда въ тебѣ не усомнюсь.

Домъ запертъ? И хозяина нѣтъ дома?
Пусть, все равно, готовы будьте, ждите,
Онъ будетъ скоро, вѣстники его
Приходятъ вдругъ!

К. Бальмонтъ

Свободныя пѣсни.

I.

Впередъ, защитники свободы!
Я слышу кличъ родныхъ дружинъ...
За насъ судьба, за насъ народы, —
Мы — пробудившіяся воды
Среди дряхлѣющихъ плотинъ...

Нашъ бѣдный край удобренъ кровью,
Слезами политъ, какъ дождемъ.
Надъ благодарной русской новью
Трудитесь съ страстною любовью...
Скорѣе, пахари. Мы ждемъ...

Подъ трескъ замковъ, изъ-за рѣшетокъ
Вашъ страстотерпѣцъ и герой
Глядитъ на васъ: измученъ, кротокъ...
Какъ день его унылъ, коротокъ...
Нѣмая ночь полна тоской...

Въ холодной мглѣ не спятъ солдаты,
Рокочетъ глухо барабанъ,
Уже на помостѣ проклятый
Палачъ. Зловѣщій часъ расплаты
По воровски таилъ тиранъ...

Въ снѣгахъ далекаго изгнанья
Насъ братья ждутъ, считая дни,
Вамъ холодъ, голодъ, мракъ страданья...
Зажжемъ скорѣй огни возстанья,
Свободы вѣщіе огни!

Подъ кровожадный ревъ орудій —
Знамена выше! Мы идемъ!
Привольно дышутъ наши груди,
Въ покорныхъ псахъ воскресли люди!
Мы побѣдимъ или умремъ!

Сквозь тучи солнце намъ навстрѣчу.
Съ темничныхъ башенъ: „кто идетъ?"
— „Народъ за волей въ злую сѣчу!" —
Я часовымъ царя отвѣчу
И крикну бѣшено — „Впередъ!"

Прочь, внуки изверга Малюты!...
Мы звали всѣхъ, — рука съ рукой.
Но вы тѣснѣй стянули путы,
Какъ прежде жадны, пьяны, люты,
Вы намъ отвѣтили тюрьмой.

Въ родномъ краю, не зная воли,
Народъ томился и стеналъ.
Голодный отъ тоски и боли,
Искалъ въ Сибири лучшей доли,
Вѣка не жилъ, а умиралъ.

И, коронованные воры,
Вездѣ на кровь его и потъ
Вы созидали, словно горы,
Казармы, тюрьмы и соборы —
Самодержавія оплотъ.

Просили мы — вы были глухи!
Въ чужомъ пиру рыдали мы.
Сердца мертвѣли отъ засухи...
Пѣтухъ запѣлъ: какъ злые духи,
Вы отойдете въ царство тьмы...

Забытый звонъ роднаго вѣча!...
Рабочихъ силъ побѣдный крикъ:
„Да будетъ свѣтъ!" Его предтеча
Свободенъ, грамотенъ, великъ,
Воскресъ былинный нашъ мужикъ!

Всѣ къ намъ! На праздникѣ свободы
Полякъ, еврей, хохолъ и финъ —
Равны и люди, и народы...
Мы пробудившіяся воды —
Среди разрушенныхъ плотинъ —
На свѣтломъ праздникѣ свободы.

Проснулись спавшіе народы!
Мятежныхъ силъ не береги!...
Онѣ — весенней непогоды,
Плотинъ не знающія воды,
Самодержавія враги...
Впередъ, защитники свободы!

II.

Молчатъ... Ни жалобы, ни стона
Проигранъ вновь неравный бой.
Во прахѣ красныя знамена,
И сохнетъ кровь на мостовой.

Еще вчерашніе титаны —
Сегодня на фабричный дворъ
Войсками сбиты, какъ бараны,
На смерть, на муку, на позоръ.

Безсильны раненыя руки,
Пробитая чуть дышетъ грудь...
Пора! Послѣдній мигъ разлуки, —
И — за могилу черный путь...

Но мысль еще вольна, какъ птица,
Въ сердцахъ небесная гроза,
Горды измученныя лица,
Суровы яркіе глаза.

Въ углу — совсѣмъ еще ребенокъ:
Душой и помысломъ чиста,
Такъ ясенъ взглядъ, такъ голосъ звонокъ,
Такъ улыбаются уста!

И передъ ротой отупѣлой,
Не опуская головы, —
Она бросаетъ вызовъ смѣлый:
„Сегодня я, а завтра вы!

Скажите всѣмъ: я смерти рада!
Презрѣнье вамъ, пока дышу!
Ни отъ штыка, ни отъ приклада
Пощады я не попрошу...

Я знаю — вы не виноваты...
И насъ пока вамъ не понять...
Но вы у дѣвушки, солдаты,
Учитесь жить и умирать.

Мнѣ лишь шестнадцать лѣтъ минуло...
О, жизнь прекрасна безъ конца!
Но стану я подъ ваше дуло
Съ улыбкой стараго бойца.

Все, что могла отдать народу, —
Я отдала... Друзья! Смѣлѣй! —
За свѣтъ, за правду, за свободу,
Что значатъ тысячи смертей!

Мы, дѣти, — шли на ваши роты,
На ваши старые полки!
Гремятъ на встрѣчу пулеметы —
Грозятся жадные штыки.

Огонь геенны въ лица пышетъ
На окровавленныхъ поляхъ —
А наша пѣснь восторгомъ дышетъ,
Орлицей вьется въ небесахъ.

Такой любви святой и вѣры,
Свободы — радостной зари
Не знаютъ ваши офицеры
И ваши жалкіе цари!

Бойцамъ и смерть, и муки милы
Обѣтованіемъ побѣдъ.
Пусть на безвѣстныя могилы
Сотрется скоро алый слѣдъ,

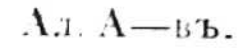
Но мысль о жертвѣ благородной,
О смерти ранней и святой
Сольется въ памяти народной
Со всей замученной землей.

Въ награду мукамъ скоротечнымъ
Мнѣ будетъ памятникомъ вѣчнымъ
Среди земного бытія —
Святая родина моя!...

Василій Немировичъ-Данченко. *)

---

*) Среди своихъ старыхъ бумагъ я нашелъ нѣсколько интересныхъ стихотвореній Василія Ив. Немировича-Данченко. Пора огласить эти красивые перлы талантливаго писателя — стараго друга русской свободы!

Ал. А—въ.

Пляски смерти.*)

Варшавскій генеральскій судъ.

Пять генераловъ, важныхъ и осанистыхъ, засѣдало за большимъ столомъ.

Они изображали изъ себя судей!...

Ихъ сытыя и безпечныя физіономіи, блестящіе генеральскіе мундиры, какъ нельзя болѣе, гармонировали съ блескомъ и правосудіемъ окружающей обстановки.

Они засѣдали въ роскошной танцовальной залѣ...

Странно было видѣть этихъ генераловъ въ орденахъ и эксельбантахъ, отправлявшихъ правосудіе, да еще въ такой необычайной обстановкѣ.

Несомнѣнно, что, по чину ихъ и для высшаго правосудія генеральскаго суда, имъ непристойно было засѣдать въ обычной обстановкѣ судебныхъ засѣданій, а потому понадобился особый залъ, спеціально устроенный для увеселеній и баловъ.

Я говорю: непристойно, потому что тамъ, гдѣ когда-то были провозглашены, хотя и обманно, начала суда: праваго, скораго и милостиваго — непристойно занимать мѣсто суду несправедливому, безапелляціонному и жестокому — генеральскому суду, основанному исключительно

*) Отъ редакціи. Имя В. Владимірова, энергіи котораго русское общество обязано раскрытіемъ такихъ вопіющихъ правительственныхъ преступленій, какъ истязаніе Маріи Спиридоновой, бойни въ Перовѣ и Голутвинѣ и т. д., безъ сомнѣнія, хорошо извѣстно нашимъ читателямъ. Наградою разоблаченіямъ молодого автора, со стороны правительства, какъ и должно было ожидать, явился рядъ гоненій, съ послѣдовательною конфискаціей сочиненій г. Владимірова, съ преслѣдованіями, вынудившими его тайно бѣжать за границу и пр. Находясь въ эмиграціи, г. Владиміровъ рѣшилъ огласить цѣлый рядъ правительственныхъ злодѣйствъ, разслѣдованныхъ имъ, но оказавшихся невозможными къ освѣщенію въ легальной печати. «Пляски смерти» г. Владимірова являются общимъ заглавіемъ этихъ обличеній, зовущихъ подъ революціонный судъ банду убійцъ, негодяевъ и грабителей, толпящихся вокругъ самодержавнаго трона послѣднихъ лже-Романовыхъ. «Варшавскій генеральскій судъ» — первое дѣло въ очереди, намѣченной г. Владиміровымъ, «сессіи»

на административномъ произволѣ, насиліи надъ совѣстью и сознаніемъ судей и на беззащитности и безправіи подсудимыхъ.

И, какъ бы понимая это, правительство, да и сами генералы постарались найти себѣ болѣе подходящее, болѣе соотвѣтствующее мѣсто.

И нашли они увеселительный бальный залъ... въ которомъ, бывало, часто они веселились, ухаживали за нарядными красивыми дамами, гдѣ ихъ жены и сестры весело отплясывали подъ звуки бальнаго оркестра. И эта веселая обстановка, какъ нельзя лучше, отвѣчала ихъ настроенію, ихъ отношенію къ правосудію и справедливости, какъ къ веселой и забавной игрѣ. Если вглядѣться ближе, развѣ это была не потѣшная игра въ ихъ рукахъ?

Вотъ они, эти генералы, — олицетвореніе грубой физической силы, безправія: они посвятили всю свою жизнь насилію и служенію кулаку и эти завѣты твердо проводили въ жизнь.

И теперь они призваны для такихъ же точно цѣлей.

Они, какъ опытные, искусившіеся насильники, дѣйствовали только тамъ, гдѣ ихъ насилію не противоставлялась сила, гдѣ ихъ разнузданности не было предѣла. Столкнувшись лицомъ къ лицу въ честномъ открытомъ бою съ сильнымъ и вооруженнымъ противникомъ — японцемъ, они, какъ трусы, бѣжали и прятались.

Но за то теперь съ беззащитными и невооруженными жертвами они могли дѣлать, что имъ угодно. Они могли быть беззавѣтно храбры въ проявленіяхъ своей жестокости. Теперь имъ предстояла только веселая игра, забава.

Они кровожадно наслаждались, какъ звѣри,— забавляясь мученіями своихъ жертвъ, зная, что эти жертвы не уйдутъ отъ нихъ.

Они торжествовали каждый разъ, когда заканчивали веселую и потѣшную прелюдію къ ихъ звѣриной справедливости — кровавымъ аккордомъ: смертная казнь черезъ повѣшеніе!!!

И роскошный залъ, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовалъ этому.

Мѣсто было выбрано удачно. Все располагало къ потѣхѣ, веселью.

Паркетъ ярко блестѣлъ. Въ простѣнкахъ, между высокихъ оконъ, красовались громадныя зеркала, которыя также безразлично отражаютъ блестящіе генеральскіе мундиры, блѣдныя истомленныя лица подсудимыхъ, какъ раньше великолѣпныя платья дамъ, необычайной бѣлизны голыя плечи и груди, сіяющіе драгоцѣнные камни. Въ одномъ концѣ зала помѣщался концертный рояль; по угламъ и вдоль стѣнъ красовались тропическія растенія, легкая мебель стиля fantaisie, эластичныя кушетки

диваны, отдѣланные бархатомъ цвѣта gris perle. Красивыя бархатныя такого же цвѣта драпри спускались съ оконъ и дверей. Высокія, стройныя колонны іоническаго стиля дополняли нарядную обстановку громаднаго зала, гдѣ одновременно могли танцовать 100 паръ.

На эстрадѣ съ полукруглымъ выступомъ, гдѣ обыкновенно помѣщался оркестръ, находятся подсудимые. Надъ ними, красивыми мягкими складками, спускалась бархатная портьера.

Позади подсудимыхъ красуются портреты царя и царицы.

У противоположной стѣны, съ окнами на крѣпостныя Ивановскія ворота, возсѣдаютъ генералы-судьи. Черезъ эти окна, чудный видъ на крѣпостной валъ, берегъ и дамбу широкой Вислы, дополняется чернымъ силуэтомъ эшафота съ двумя столбами и перекладиной.

Тамъ казнятъ людей!...

А здѣсь въ великолѣпной залѣ приговариваютъ ихъ къ смерти.

Съ боковъ музыкантской эстрады, за маленькими ресторанными столиками, покрытыми бѣлыми скатертями, размѣстились защитники и переводчики. Столики придаютъ еще болѣе трагически легкомысленный видъ залу. Будто попалъ въ ресторанъ, гдѣ готовятся ѣсть человѣческое мясо!

Дамскій будуаръ, изящный и нѣжный, использованъ генералами въ качествѣ совѣщательной комнаты; здѣсь они постановляютъ, обсуждаютъ, подписываютъ приговоры и отсюда посылаютъ подсудимыхъ на висѣлицу.

Свидѣтели и лжесвидѣтели, т. е. сыщики, шпіоны и тайные агенты правительства помѣщаются въ большой и красивой билліардной; здѣсь они развлекаются между дѣломъ билліардной игрой.

Вездѣ красиво, удобно и нарядно!...

Передъ началомъ засѣданія залъ наполнялся громадно военной силой. Внутрь вводили солдатъ съ ружьями, штыками и боевыми патронами; тутъ-же находились дежурные офицеры, адъютанты генераловъ. При входѣ, у дверей тоже стояли солдаты, жандармы въ полной боевой готовности и никого посторонняго не пропускали.

Если кто желалъ проникнуть внутрь, его окрикивали часовые:

— Кто идетъ? Пропускъ есть?

И передъ нимъ скрещивали штыки.

Чтобы проникнуть въ залъ нужно быть или защитникомъ, или тайнымъ агентомъ правительства, назначеннымъ присутствовать на судѣ въ качествѣ свидѣтеля, или же имѣть кандалы на ногахъ. Но послѣднее украшеніе выводило обладателя своего изъ великолѣпнаго зала не иначе, какъ черезъ Ивановскія ворота на висѣлицу, за тѣми рѣдкими исключеніями, когда смертная казнь замѣнялась каторгой.

Для смерти здѣсь былъ широкій просторъ. Она царила!...

Въ этомъ громадномъ, роскошномъ залѣ, на блестящемъ паркетѣ смерть плясала веселые танцы. Подъ акомпаниментъ генеральскихъ скрипокъ, она вихремъ носилась, въ бѣшеной пляскѣ.

Она косила лучшія жизни...

Жестокостямъ генераловъ не было границъ, и на висѣлицу посылались ими даже дѣти.

Во время перерывовъ суда, залъ наполнялся зачастую красивыми дамами въ великолѣпныхъ костюмахъ, блестящими гвардейскими офицерами. Съ эстрады неслись упоительные звуки головокружительнаго вальса, игривой мазурки; эти ласкающіе звуки наполняли залъ, дрожали и таяли въ воздухѣ. Генералы-судьи развлекались...

Весело кружились молодыя пары, отражаясь въ безконечныхъ зеркалахъ. Красивыя, изящныя барышни беззаботно порхали въ объятіяхъ статныхъ элегантныхъ поручиковъ и капитановъ, волнуясь и розовѣя отъ ихъ страстныхъ нашептываній. На мягкихъ диванахъ и кушеткахъ все пары, все тотъ-же флиртъ, блескъ, то-же веселье и беззаботность. Всюду оживленіе. Балъ въ полномъ разгарѣ!..

Вся эта блестящая толпа пируетъ и танцуетъ здѣсь сегодня съ такимъ-же упоеніемъ, съ какимъ пировала вчера и еще сегодня утромъ смерть. Вихремъ несутся они въ бѣшеной пляскѣ по зеркальнымъ поламъ, не замѣчая блѣдныхъ призраковъ, заглядывающихъ въ окна, съ страшными искаженными лицами. Ихъ все больше и больше... Вотъ они громоздятся одинъ за другимъ, точно любо имъ это безуміе, потерявшихъ всякую совѣсть, людей. Вѣдь при жизни они этого не видали...

Призраки тѣснятся все больше и больше къ окнамъ, къ дверямъ... вотъ они ворвутся, наполнятъ залъ своими предсмертными стонами и хрипомъ, вырвутъ красавицъ изъ объятій блестящихъ кавалеровъ, вопьются костлявыми пальцами въ ихъ полненькія шейки.

Но нѣтъ, далеки тѣ времена, когда красавицы и блестящіе кавалеры вѣрили въ призраковъ, въ совѣсть, въ возмездіе... Это дѣтскія сказки...

И если пляшетъ здѣсь смерть, если празднуетъ она свою побѣду, то вѣдь не надъ ними эта побѣда, а надъ тѣми „презрѣнными тварями“, которыхъ послали на висѣлицы и будутъ посылать еще и еще эти симпатичные генералы, такіе интересные и такъ мило умѣющіе ухаживать въ промежуткахъ между своими скучными занятіями...

Бояться призраковъ, что за вздоръ!

И когда однажды присяжный повѣренный С. спросилъ объ этомъ одного полковника, то получилъ такой отвѣтъ: „Какой-же вы наивный человѣкъ, если спрашиваете, не безпокоятъ-ли нашихъ дамъ призраки казненныхъ? Есть;

конечно, неудобства, что въ этомъ залѣ происходятъ засѣданія военнаго суда: сюда шляется много всякого простонародья: свидѣтели, солдаты — всѣ въ грязныхъ сапожищахъ, натаскали сюда грязи, совсѣмъ испортили паркетъ... Стало трудно танцовать. А насчетъ того, что вы спрашиваете, призраковъ — это пустое!?... Никого не безпокоятъ"... Затѣмъ, франтовато повернувшись на каблукахъ, покинулъ своего наивнаго собесѣдника.

Этотъ кровожадный генеральскій судъ разсмотрѣлъ за время 10 мѣсяцевъ работы около 200 процессовъ и приговорилъ къ смертной казни 142 человѣка! Кассаціи судъ не допускалъ, за весьма рѣдкими исключеніями.

Да и лучше бы не было этихъ исключеній, а то произошло слѣдующее. Одному 18 лѣтнему подсудимому, нѣкоему Лаптю, судъ замѣнилъ смертную казнь 20 лѣтней каторгой, ввиду смягчающихъ вину обстоятельствъ. Судъ нашелъ, что, по малолѣтству, онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе. Послѣ кассаціи-же, главный военный судъ въ Петербургѣ отмѣнилъ приговоръ суда и утвердилъ смертную казнь.

Это былъ единственный случай, когда судъ оказался великодушнымъ, но высшее начальство въ Петербургѣ не одобрило этого. И больше судъ великодушія не проявлялъ.

Правительству понадобились люди, которые могли-бы вести игру въ законность и справедливость и въ то же время были-бы вѣрными и точными исполнителями желаній и велѣній правительства.

И вотъ нашлись такіе палачи въ лицѣ 5 генераловъ, достигшихъ высшихъ степеней отличія, дорожащихъ превыше всего своимъ служебнымъ положеніемъ, и совершенно не считающихся съ запросами совѣсти.

Выборъ былъ сдѣланъ какъ нельзя лучше! Эти 5 генераловъ-палачей, съ замѣчательной жестокостью и неутомимостью, творили свою кровавую работу. Они, какъ истинно присяжные наемные палачи, не справлялись о томъ, виновно-ли данное лицо. Достаточно того, что оно на скамьѣ подсудимыхъ и въ ихъ власти; они посланы казнить и казнятъ безъ сожалѣнья и раздумья.

Развѣ справляется палачъ, виновенъ ли и въ какой степени человѣкъ, которому онъ долженъ „по службѣ" накинуть петлю на шею? Генералы-палачи приговаривали къ смерти совершенно невинныхъ людей, дѣлали такія судебныя правонарушенія, настолько ограничивали защиту въ ея правахъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ подогнать смертный приговоръ подъ статью закона, что всякому, даже совершенно не посвященному въ тонкости юриспруденціи, — это ясно, какъ день.

Одинъ изъ судей громогласно высказался въ клубѣ артиллерійскаго собранія, что у нихъ принято за правило: разъ на скамьѣ подсудимыхъ „жидъ" — значитъ, виновенъ! И другого приговора „жиду", какъ веревку на шею, они не назначаютъ. Говорилъ онъ это съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія, съ сознаніемъ исполненнаго служебнаго долга.

Чтобы генералы могли успѣшнѣе и вѣрнѣе дѣйствовать, правительству пришлось озаботиться организаціей филіальнаго отдѣленія военнаго суда, гдѣ должны вырабатываться чистосердечныя признанія подсудимыхъ при помощи инквизиціонныхъ пытокъ, страшныхъ, нечеловѣческихъ истязаній. Такой застѣнокъ былъ устроенъ при Варшавской Ратушѣ. Съ правильно организованными пытками, съ усовершенствованными орудіями пытокъ, при участіи опытныхъ и свѣдущихъ заплечныхъ мастеровъ. Въ слѣдующихъ главахъ я подробно остановлюсь и постараюсь возможно ярче характеризовать и освѣтить дѣятельность этого тайнаго позорнаго правительственнаго учрежденія. То, что было возможно лишь въ средніе вѣка, повторено нашимъ правительствомъ теперь, когда, казалось, этотъ страшный историческій пережитокъ осужденъ былъ человѣчествомъ навсегда.

Теперь же возвращусь къ превосходительнымъ палачамъ. Они пользовались на судѣ исключительно матеріаломъ, доставлявшимся имъ изъ Ратуши. Эти признанія для нихъ были неопровержимымъ и достаточнымъ доказательствомъ виновности, какъ самого подсудимаго, такъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ въ безпамятствѣ или подъ вліяніемъ ужаса, пережитыхъ страданій и еще предстоящихъ вновь, несчастный страдалецъ назвалъ или оговорилъ. Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ онъ подписывалъ готовую бумагу, составленную полиціей, не читая, не смотря на нее, имѣя только одно желаніе — скорѣе умереть.

Обыкновенно, послѣ подписанія бумаги, пытки прекращались.

Когда же на судѣ несчастный говорилъ этимъ палачамъ, что подписанной имъ бумагѣ нельзя давать вѣры, такъ какъ онъ ея не читалъ и не знаетъ, что въ ней написано, подписалъ же ее послѣ страшныхъ страданій отъ пытокъ, то судьи-генералы, послѣ небольшаго совѣщанія, постановляли, что заявленіе подсудимаго „не заслуживаетъ вниманія.

Тогда подсудимый показывалъ на неизгладимые слѣды пытокъ, въ видѣ выхлеснутаго глаза, выбитыхъ зубовъ, слабо зарубцованныхъ полосъ на тѣлѣ; но палачи-генералы, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, выносили постановленіе, что это къ дѣлу не относится.

Иногда происходили съ ними пренепріятные случаи, когда, послѣ объявленія смертнаго приговора, отыскивался истинный виновникъ преступленія, и имъ, волей-неволей, приходилось останавливать казнь, отмѣнять смертный приговоръ и расписываться предъ лицомъ всего общества въ томъ, что они — не судьи, а жестокіе палачи, что они надѣли

только маску судей, спрятавъ красный костюмъ палача подъ генеральскій мундиръ.

Очень характерный случай произошелъ по дѣлу Яроновскаго, котораго защищалъ военный адвокатъ Броневскій.

Обстоятельства этого дѣла были таковы.

Въ Лодзи, на заборѣ была наклеена прокламація. День уже склонялся къ вечеру, и наступили сумерки, когда казачій офицеръ подошелъ къ своему окну, находившемуся какъ разъ противъ этого забора. Онъ замѣтилъ какую-то бумагу на заборѣ и послалъ своего деньщика, казака, снять ее и принести ему показать.

Когда казакъ сталъ ее срывать, раздался револьверный выстрѣлъ. Казакъ остался невредимъ; на улицѣ не было ни одного человѣка, и потому трудно было утверждать, что этотъ выстрѣлъ былъ направленъ именно въ казака. Быть можетъ, онъ былъ сдѣланъ въ воздухъ: кто-нибудь или разряжалъ револьверъ, или, какъ это часто случается въ провинціи, съ вечера пугалъ воровъ. По предположенію казака, выстрѣлъ былъ произведенъ изъ-за забора, недалеко отъ того мѣста, гдѣ казакъ остановился.

Какъ бы то ни было, но власти рѣшили казнить виновнаго въ покушеніи на жизнь казака. Но кого?

У правительства есть всегда, заранѣе составленный, списокъ ненавистныхъ ему лицъ, отъ которыхъ оно радо избавиться, лишь бы представился для этого удобный и благопріятный случай. Теперь, какъ разъ, и представлялся этотъ случай, лучше котораго трудно себѣ представить.

Вѣдь казакъ — вѣрный слуга правительства, онъ не откажется лжесвидѣтельствовать и кривить душою, когда начальство прикажетъ.

Въ самый день выстрѣла, полиція никого не арестовала. На другой день она отыскала какого-то рабочаго, нѣмца, Феофила Яроновскаго, жительствовавшаго на другомъ концѣ города, который не умѣлъ говорить ни по-русски, ни по-польски. Въ чемъ онъ провинился въ глазахъ правительства — никому неизвѣстно, но онъ предсталъ передъ судомъ генераловъ.

Когда спросили казака, узнаетъ ли онъ въ лицѣ подсудимаго Яроновскаго того человѣка, который выстрѣлилъ въ него черезъ заборъ, тотъ отвѣтилъ: „кажется, онъ!“

Генералъ пояснилъ казаку, что отвѣтить нужно точно — и казакъ отвѣтилъ: „Такъ тошно, ваше превосходительство!... Радъ стараться!...“

Судъ приговорилъ Яроновскаго къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Когда защита задала вопросъ этому казаку, какъ онъ могъ видѣть въ темнотѣ, да еще за заборомъ, того человѣка, который въ него стрѣлялъ, — казакъ молчалъ. Судъ же не нашелъ нужнымъ обратить на это вниманіе.

Затѣмъ, защитѣ удалось установить alibi Яроновскаго, доказавъ точнѣйшимъ образомъ, что, въ моментъ выстрѣла, онъ находился у себя дома на другомъ концѣ города; но и это не помогало.

Какъ на одно изъ крупныхъ правонарушеній суда, защита указала генераламъ на то обстоятельство, что Яроновскій не долженъ быть преданъ военному суду, такъ какъ, при снятіи прокламаціи, казакъ былъ частнымъ лицомъ — деньщикомъ, а не исполнявшимъ служебныя полицейскія обязанности.

Но, несмотря на все это, его приговорили къ смерти.

Во время суда, нѣмецъ безостановочно твердилъ: „ведите меня къ алтарю: передъ алтаремъ Провидѣнія я поклянусь, что я невиновенъ!“

Когда ему прочли смертный приговоръ, сначала на русскомъ языкѣ, онъ хлопалъ глазами, ничего не понимая; когда же пасторъ перевелъ ему по-нѣмецки, онъ широко раскрылъ глаза, устремилъ свой взглядъ въ одну точку и неподвижно замеръ на мѣстѣ. Въ эту минуту онъ производилъ впечатлѣніе сумасшедшаго; ни одного движенія, ни звука, какъ стоялъ на мѣстѣ, такъ и остался стоять. Судьи ушли, всѣ стали расходиться, а онъ, по-прежнему, молча, не шевелясь, смотрѣлъ въ одну точку, въ ту точку, откуда раздались, какъ громомъ, поразившія его слова. Конвойные обратились къ нему съ требованіемъ — слѣдовать за ними; онъ не пошевелился, не замѣчалъ окружающаго. На него нашелъ столбнякъ!...

Пришлось силой увести его изъ зала, взявъ его подъ руки, и давъ нѣсколько ударовъ въ спину.

На другой день въ утреннихъ газетахъ было напечатано, что такого-то рабочаго изъ Лодзи, нѣмца, Феофила Яроновскаго, военный судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за покушеніе на жизнь казака.

Въ серединѣ того же дня у подъѣзда суда разыгрался слѣдующій случай.

Явилась женщина, пожилая, плохо одѣтая, и прямо направилась къ подъѣзду. Передъ ея грудью скрестились штыки и часовые грубо окрикнули:

— Куда лѣзешь?! Чортова кукла... Пропускъ есть?!

— Какой тебѣ пропускъ, батюшка?... — съ ожесточеніемъ отвѣтила старуха — мнѣ нужно видѣть генераловъ-судей!... Невиннаго человѣка на смерть осудили!... Какой тутъ пропускъ?... Дай пройти-то!...

И, не обращая вниманія на угрожающія дѣйствія солдатъ, порывалась пройти впередъ.

Но солдаты были неумолимы.

Въ это время выходилъ секретарь суда; она бросилась на колѣни и, съ мольбой обратилась къ нему:

— Ваше превосходительство! Вѣшайте, казните меня, но выслушайте!... Стрѣлялъ въ казака не Феофилъ Яроновскій, а совсѣмъ другой; я вамъ покажу на него, докажу

его виновность, такъ какъ все видѣла своими глазами. Яроновскій невиненъ. Остановите казнь!... Я раньше нлчала, потому что считала невозможнымъ, чтобы невинмаго человѣка приговорили къ смерти. Но такъ случилось... Вижу, что ошиблась... пришла его спасти!...

O, sancta simplicitas!...

Она указала на дѣйствительнаго виновника. Его арестовали и онъ сознался въ покушеніи. Казнь Яроновскаго была пріостановлена и дѣло передано вновь на разсмотрѣніе.

Такихъ случаевъ было много.

Напримѣръ, по дѣлу объ убійствѣ жандарма былъ приговоренъ къ смертной казни нѣкій Оринавскій; защищалъ его присяжный повѣренный Берсонъ. Послѣ объявленія приговора отыскался истинный виновникъ преступленія. Казнь, къ счастью, еще не была приведена въ исполненіе.

То же произошло по дѣлу Пиляшекъ; судъ приговорилъ его сначала къ смертной казни черезъ повѣшеніе, потомъ пересмотрѣлъ дѣло и приговорилъ къ каторжнымъ работамъ, потомъ пересмотрѣлъ дѣло и приговорилъ къ арестантскимъ ротамъ, затѣмъ — къ двухмѣсячному тюремному заключенію. Защищалъ его присяжный повѣренный Лемaнскій.

По другому дѣлу, нѣкій Рольникъ былъ приговоренъ къ смертной казни, а затѣмъ — былъ оправданъ; защищалъ его присяжный повѣренный Сбровскій.

По дѣлу объ убійствѣ новоминскаго уѣзднаго начальника пять юношей — Войцѣховскій, Яворскій, Вамборскій, Шуба и Піорункевичъ — были приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Послѣ прочтенія приговора, на другой день, объявился истинный виновникъ преступленія. Защищалъ ихъ присяжный повѣренный Леманскій.

По этому перечню читатель можетъ судить, сколько невинныхъ людей было осуждено на смерть, — только счастливая случайность спасла ихъ — не дала погибнуть, какъ погибали на эшафотѣ другія жертвы кровожаднаго суда.

Нужно замѣтить, что эти пять генераловъ-судей были, сами по себѣ, людьми въ высшей степени жестокими, любителями крови. Выборъ правительства былъ удаченъ.

Никогда въ нихъ не пробуждалось чувство сожалѣнія, раскаянія или угрызенія совѣсти. Наоборотъ, они испытывали тѣмъ большее наслажденіе, чѣмъ больше подписывали смертныхъ приговоровъ. Въ своихъ жестокостяхъ они находили личное удовлетвореніе. Нужно было слышать, какъ прочитываетъ смертный приговоръ старшій палачъ, предсѣдатель суда, генералъ Дорошевскій.

Въ его голосѣ чувствуются самодовольныя ноты. Медленно произнося каждое слово, онъ, съ наслажденіемъ дѣлаетъ удареніе на словахъ, имѣющихъ роковой смыслъ, и, съ вниманіемъ, прислушивается къ своему голосу. Онъ, видимо, наслаждается. Иногда отрывается отъ бумаги и проницательнымъ взглядомъ обводитъ подсудимыхъ и защитниковъ. Когда доходитъ до словъ: „судъ приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія...“ — дѣлаетъ продолжительную паузу и смотритъ въ лица тѣхъ, кому назначена смерть, наслаждаясь ихъ мучительнымъ ожиданіемъ узнать, слѣдуетъ ли что дальше? — а затѣмъ, съ легкой усмѣшкой на губахъ, доканчиваетъ: и къ смертной казни!“ Послѣднія два слова произноситъ съ такимъ удареніемъ, что они гулкимъ эхомъ раскатываются по всѣмъ угламъ громаднаго зала, проносятся межъ высокихъ колонъ, долетаютъ до музыкантской ниши и мучительнымъ трепетомъ отзываются въ сердцахъ осужденныхъ. А палачъ торжествуетъ.

Трудно найти болѣе жестокихъ и злыхъ людей, нежели трое изъ этихъ генераловъ: Дорошевскій, Швейковскій и Милковъ.

Каждый изъ нихъ поочередно предсѣдательствовалъ на судѣ. Среди простыхъ палачей рѣдко найдешь такихъ звѣрей. Въ большинствѣ случаевъ палачи вѣшаютъ людей, потому, что эта работа для нихъ выгодна. Они исполняютъ ее, какъ большинство нашихъ чиновниковъ. Многіе изъ нихъ даже тяготятся своимъ положеніемъ, испытываютъ непріятное, тяжелое чувство. Когда вѣшаютъ людей, стараются сократить ихъ страданія, ускоряютъ смерть.

Мнѣ много приходилось видѣть палачей при моихъ скитаніяхъ по тюрьмамъ и этапамъ, и случалось бесѣдовать съ ними. Они стали палачами только для того, чтобы облегчить свое положеніе въ тюрьмѣ, получить сокращеніе сроковъ наказанія, а нѣкоторые прямо спасали себѣ жизнь, такъ какъ, за эту гнусную работу, смертная казнь замѣнялась имъ каторгой.

У нѣкоторыхъ изъ нихъ пробуждалось раскаяніе и, не выдержавъ укоровъ совѣсти, они кончали съ собой на той же веревкѣ, на которой, передъ этимъ, своими руками вѣшали осужденнаго.

Но у генераловъ-палачей ни разу не пробудилась совѣсть. Ничто не останавливало ихъ въ произволѣ и жестокостяхъ, кромѣ развѣ одного случая, когда всѣ даже присяжные повѣренные были поражены. Приговоръ подсудимымъ былъ произнесенъ мягкій и справедливый: невиновные люди были оправданы.

Но — увы! — этотъ случай произошелъ послѣ покушенія на жизнь одного изъ палачей-судей, Швейковскаго. Кдгда онъ проѣзжалъ по улицамъ Варшавы, слѣдуя на вокзалъ, вмѣстѣ со своей женой, двое мстителей изъ народа вскочили на подножки экипажа и дали рядъ выстрѣловъ изъ револьвера. Къ несчастью, пули попали въ его жену, тяжело ранивъ ее. Онъ же остался невредимъ, такъ какъ спрятался за ея спину. Это покушеніе произвело тя-

желое впечатлѣніе на него и заставило остальныхъ судей на минуту задуматься. Я говорю: на минуту, потому что, когда первый страхъ прошелъ, они стали еще злѣе, еще жесточе относиться къ своимъ жертвамъ.

Самымъ кровожаднымъ изъ нихъ былъ генералъ Дорошевскій. Подъ его предсѣдательствомъ не было другого приговора, кромѣ смертнаго.

Передъ началомъ суда онъ обыкновенно обращался къ судьямъ съ слѣдующимъ напоминаніемъ:

— Помните, господа, судьи, что настоящій военный судъ призванъ, въ критическую минуту, для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ и никакого оправданія никто имѣть не можетъ; всѣмъ революціонерамъ должна быть смерть, другого приговора не должно быть. Помните, что, призвавъ васъ, представителей высшаго ранга военнаго сословія, въ качествѣ исполнителей исторической миссіи, правительство питало надежду, что вы явитесь вѣрной и надежной опорой для него, въ противномъ случаѣ вы рискуете своимь высокимъ служебнымъ положеніемъ. Не забывайте этого, когда станете подписывать приговоръ!

Во время судопроизводства Дорошевскій сильно воздѣйствовалъ на судей своею авторитетностью и, иногда, угрозами; онъ настолько подавлялъ ихъ, что адвокаты считали необходимостью въ защитительной рѣчи разъяснять судьямъ, что ихъ прямой долгъ — рѣшать дѣло, не считаясь съ мнѣніемъ предсѣдателя; что единственнымъ руководителемъ рѣшенія должна быть совѣсть. За это Дорошевскій ненавидѣлъ адвокатовъ, считая ихъ своими врагами; въ своемъ отношеніи къ защитѣ онъ ставилъ ее какъ бы наравнѣ съ подсудимыми, дѣйствующей заодно съ преступниками.

Онъ старался всячески не допускать защиту къ подсудимымъ; для этого не позволялъ на судѣ выступать адвокату безъ формальной довѣренности, зная прекрасно, что эту довѣренность ему нельзя получить, такъ какъ въ Цитадель, гдѣ содержатся важные преступники, никого не пропускаютъ безъ разрѣшенія; стало быть, чтобы получить пропускъ туда, нужно имѣть довѣренность подсудимаго.

Такимъ образомъ, получался кругъ, изъ котораго не было прямого легальнаго выхода. Необходимо каждый разъ прибѣгать къ нелегальнымъ путямъ, чтобы добывать эту довѣренность, въ противномъ случаѣ, подсудимый оставался безъ защитника.

Когда защита обращалась съ какимъ-либо ходатайствомъ къ суду, Дорошевскій всегда отказывалъ, предварительно подвергнувъ вопросъ коллегіальному совѣщанію судей, стараясь, съ внѣшней формальной стороны, стоять на почвѣ закона. Онъ особенно подчеркивалъ всегда, что руководится исключительно строгой законностью и, если казнитъ людей, то по закону; если воруетъ, — тоже по закону. Каждый

его шагъ, каждое дѣйствіе расчитано на точное исполненіе закона. Онъ производитъ впечатлѣніе умнаго и очень хитраго человѣка. По происхожденію крещенный еврей(!), въ чертахъ его лица сохранилось много еврейскаго типа: брюнетъ, высокаго роста, съ большой черной бородой, расходящейся въ обѣ стороны. Черные, небольшіе глаза проницательно бѣгаютъ по всѣмъ сторонамъ. Держится онъ на судѣ въ высшей степени самоувѣренно, твердо идя къ своей цѣли. Создавая карьеру, онъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы перешагнуть черезъ тысячу труповъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ видитъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ для казни подсудимыхъ, и что судьи склонны вынести оправдательный приговоръ, онъ дѣлаетъ громадное правонарушеніе, а, именно, читаетъ судьямъ, не оглашенныя на судѣ, агентскія данныя, добытыя тайными сыскными и охранными отдѣленіями, желая, при посредствѣ ихъ, убѣдить судей въ виновности подсудимыхъ и побудить ихъ подписать смертный приговоръ. Эти дѣйствія не только незаконны, но прямо преступны, такъ какъ лишаютъ защиту возможности опровергнуть ихъ, ознакомиться съ ними. Это беззаконіе основнымъ образомъ нарушаетъ права подсудимаго, который, не зная источниковъ обвиненія, не можетъ знать и самого обвиненія.

Второй членъ суда и также одинъ изъ предсѣдателей, генералъ Швейковскій, представляетъ изъ себя совсѣмъ другой типъ. Онъ тоже дѣлаетъ себѣ карьеру на крови; также казнитъ людей, но его отношеніе къ подсудимымъ и защитѣ нѣсколько иное, чѣмъ у Дорошевскаго. Своей наружностью онъ производитъ отталкивающее впечатлѣніе: рыжій, съ красными влажными глазами и толстыми, чувственными губами. Въ обращеніи со всѣми внимателенъ, ласковъ, — иногда, даже до приторности; всѣхъ увѣряетъ, что онъ противникъ смертной казни и что каждый разъ, когда подписываютъ смертный приговоръ, сердце его обливается кровью.

Это — сладкій вампиръ, всегда готовый сосать человѣческую кровь, по первому приказанію высшаго начальства.

Подъ его предсѣдательствомъ никогда не проходило оправдательныхъ приговоровъ. Защитники считаютъ для себя болѣзненнымъ кошмаромъ — вести дѣло подъ его предсѣдательствомъ.

Онъ также сильно вліяетъ на судей, какъ и Дорошевскій. Одинъ изъ судей однажды обратился къ защитнику съ слѣдующимъ вопросомъ: „Скажите, пожалуйста, зачѣмъ эта комедія суда? Зачѣмъ такая трата времени? Приходится выслушивать пренія сторонъ, послѣднее слово каждаго подсудимаго и исполнять много всякой ненужной процессуальности, тогда какъ намъ Швейковскій все разъяснилъ до суда и выяснилъ виновность каждаго. Мы съ нимъ согласились, и рѣшили приговорить двоихъ къ смертной казни!..“

Всего интереснѣе, что, послѣ покушенія на жизнь Швейковскаго, въ искреннюю минуту, онъ сказалъ правду, когда бесѣдовалъ съ врачемъ. Онъ сознался, что былъ послушнымъ автоматомъ въ рукахъ карающаго правительства, что онъ руководился въ своихъ приговорахъ „инструкціями" высшаго начальства, что смертные приговоры являлись результатомъ его служебной покорности, усердія и вниманія къ требованіямъ, идущимъ отъ Варшавскаго генералъ-губернатора, Скалона, и закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Теперь судите сами, чѣмъ я виноватъ? Чего они отъ меня хотятъ? Вѣдь это жестоко съ ихъ стороны!"

По натурѣ Швейковскій злой и жестокій человѣкъ. Онъ также, какъ и Дорошевскій, наслаждается, когда приговариваетъ къ смерти подсудимаго. Однажды былъ случай, онъ прочелъ смертный приговоръ, а подсудимый ничего не понялъ, и на ломанномъ русскомъ языкѣ переспросилъ его. Швейковскій, не дожидаясь переводчика, самъ взялся пояснить: „Не понимаешь? спросилъ Швейковскій. Веревку на шею... и туда... На перекладину!" Выразительнымъ жестомъ обвелъ рукой вокругъ шеи, и всѣмъ корпусомъ потянулся кверху и рукой показалъ на потолокъ. Затѣмъ весело расхохотался и, потирая отъ удовольствія руки, обращаясь къ судьямъ, сказалъ: „Теперь, господа, мы можемъ спокойно пообѣдать!... Насъ ждутъ въ собраніи!... Надо торопиться!"

Третій палачъ, генералъ Милковъ, тупое, глупое животное; это жирный мясникъ, съ короткой красной шеей. Во время предсѣдательствованія, поражаетъ своей непонятливостью, тупоуміемъ и бездарностью. Игнорируетъ законъ и право и при этомъ тупо хохочетъ.

Чтобы правильно охарактеризовать его, достаточно разсказать дѣло Фейбусяка. Обвиненіе четырехъ подсудимыхъ было построено на показаніяхъ трехъ свидѣтелей со стороны обвиненія, отсутствовавшихъ. Прокуроръ далъ заключеніе о невозможности продолжать засѣданіе суда, такъ какъ безъ ихъ показаній онъ долженъ будетъ очутиться въ безвыходномъ положеніи.

Защита присоединилась къ ходатайству прокурора объ отложеніи дѣла. Милковъ-же постановилъ: признать показанія неявившихся свидѣтелей несущественными и продолжать судебное засѣданіе безъ нихъ.

Такимъ образомъ на судѣ остались свидѣтели только со стороны защиты, которые показывали въ пользу подсудимыхъ.

На основаніи этихъ показаній, подтверждавшихъ полную невиновность подсудимыхъ, Милковъ ухитрился приговорить троихъ подсудимыхъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Чѣмъ онъ руководствовался? Какими данными? — неизвѣстно.

Четвертому подсудимому былъ вынесенъ приговоръ — 10 лѣтъ каторги. Онъ избѣгъ смертной казни, потому что ему было только 16 лѣтъ.

Это засѣданіе суда было особенно кошмарное; присяжные повѣренные съ ужасомъ вспоминаютъ о немъ.

Въ этомъ случаѣ генералъ Милковъ не счелъ нужнымъ прикрываться личиною соблюденія внѣшнихъ формальностей на почвѣ военно-судебнаго устава.

Эти четверо подсудимыхъ обвинялись въ убійствѣ стражника въ одномъ маленькомъ городкѣ. На мѣстѣ преступленія никто не былъ арестованъ. Полицейскій приставъ впослѣдствіи случайно узналъ о личности одного изъ виновныхъ, который, подъ вліяніемъ „нѣкоторыхъ полицейскихъ мѣръ", во всемъ сознался и оговорилъ еще трехъ лицъ, ненавистныхъ полиціи.

На судѣ выяснилось, какія полицейскія мѣры пущены въ ходъ, чтобы вынудить „чистосердечное признаніе". Одинъ свидѣтель говорилъ, что его казаки били такъ сильно, что сами утомились, вспотѣли... и бросили бить. Другой свидѣтель показалъ, что, послѣ полицейскихъ мѣръ, онъ двѣ недѣли пролежалъ въ больницѣ. Врачъ-же этой больницы подтвердилъ, что другой подсудимый пролежалъ у него въ больницѣ 2 1/2 недѣли только на животѣ, такъ какъ спина представляла изъ себя сплошное живое мясо.

Генералъ Минковъ остался очень недоволенъ такими разоблаченіями и сталъ еще болѣе придираться къ защитѣ, а комендантъ мѣстной Бастиліи, жандармскій ротмистръ, вслухъ высказалъ свое удивленіе по поводу либеральничанья правительства: „напрасно допускаютъ этихъ господъ въ засѣданіе суда, давно пора ихъ заключить ко мнѣ подъ стражу".

Допросъ свидѣтелей со стороны защиты шелъ вяло, такъ какъ, обыкновенно, судъ не интересуется ихъ показаніями, не придаетъ имъ никакого значенія; и если терпѣливо выслушиваетъ, то только для того, чтобы избѣгнуть повода къ кассаціи; за то къ показаніямъ свидѣтелей со стороны обвиненія онъ относится совершенно иначе, въ высшей степени внимательно.

Послѣ допроса свидѣтелей былъ сдѣланъ перерывъ для обѣда.

Во время этого перерыва, присяжный повѣренный С. разговорился съ однимъ изъ генераловъ и спросилъ его: „Скажите, ваше превосходительство, за что вы будете ихъ вѣшать? Вѣдь преступленіе остается недоказаннымъ. Быть можетъ, стражника убили воры, тѣмъ болѣе, что трупъ былъ ограбленъ? Чтобы вѣшать человѣка, надо быть увѣреннымъ въ его преступныхъ дѣяніяхъ, а не подозрѣвать только?..."

— Знаете-ли!... отвѣтилъ генералъ, — конечно, такъ, надо быть увѣреннымъ, но вѣдь они... носили красные флаги

по городу, рѣчи разныя держали.., Ихъ весь городъ знаетъ... и полиція знаетъ за такихъ людей, которые могутъ это сдѣлать... А помните-ли, насъ въ гимназіи учили этой пословицѣ; какъ бишь ее, по латыни-то... вспомнилъ: vox populi, vox Dei... Развѣ порядочнаго человѣка станутъ подозрѣвать — конечно, нѣтъ, а такихъ оборванцевъ-жидовъ, всякій заподозритъ... И вправѣ будетъ!...“

Вотъ тѣ аргументы, на основаніи которыхъ эти палачи присуждаютъ людей къ смерти.

Уже время близилось къ полночи, когда по выслушаніи преній сторонъ и послѣдняго слова подсудимыхъ, генералы удалились въ дамскій будуаръ, для обсужденія приговора.

Всѣ утомились за этотъ день. Подсудимые съ тревогой ожидали развязки. Минуты казались имъ безконечными.

Сейчасъ тамъ рѣшается ихъ судьба... Жизнь или смерть?

Съ тревогой они поглядывали на эту роковую дверь...

Ихъ возбужденныя, блѣдныя лица, горящіе глаза выражали глубокое внутреннее волненіе. Въ залѣ было тихо, мертво... какъ будто смерть уже вошла сюда. Въ это время подошелъ къ рояли блестящій гвардейскій офицеръ, секретарь суда, открылъ крышку рояли, сѣлъ, о чемъ-то задумался... и черезъ минуту полились мягкіе, нѣжные звуки похороннаго марша Шопена. они росли все сильнѣе и крѣпче, создавая грозное впечатлѣніе о призракѣ смерти, носящемся въ воздухѣ... Эти звуки отвѣчали настроенію подсудимыхъ и страшной дѣйствительности; они уже видѣли, чувствовали себя во власти смерти...

Раздался послѣдній аккордъ и все смолкло...

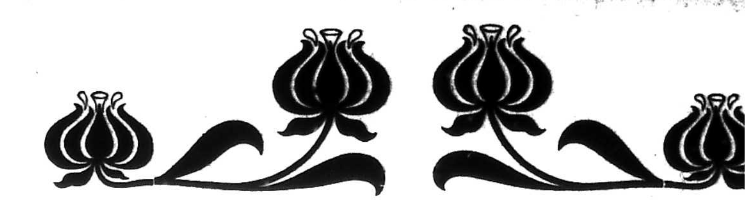
Дверь изъ будуара открылась, появились судьи...

„Троимъ смертная казнь!... четвертому 10 лѣтъ каторги“.

* * *

Адъютантъ одного изъ генераловъ, присутствуя по долгу службы на судѣ, не выдержалъ, услышавъ такой безчеловѣчный, жестокій приговоръ и, обращаясь къ адвокату Л., сказалъ: „Знаете-ли, я не нахожу словъ для опредѣленія этого суда. Это безчеловѣчно, жестоко!... Я служу въ офицерскихъ чинахъ 12 лѣтъ и никогда не представлялъ себѣ, чтобы въ нашей средѣ могла царить такая ужасная несправедливость... Они присягаютъ во имя Христа, но знаете-ли, если бы Христосъ предсталъ предъ этимъ судомъ, то они непремѣнно бы его осудили и повѣсили... Онъ былъ первый соціалистъ!... Нѣтъ, нѣтъ!... — воскрикнулъ онъ,—они бы даже безъ суда его разстрѣляли. Пилатъ былъ бюрократъ, но не изъ такихъ, какъ наши. Отсылая Христа на казнь, онъ, все же, умылъ себѣ руки передъ народомъ и сказалъ: „Я не повиненъ въ крови праведника сего!... А наши Пилаты не умыли-бы своихъ обагренныхъ кровью рукъ!“

В. Владиміровъ.

Авель и Каинъ.

(Ш. Бодлэръ.)

I.

Племя Авеля, — дрыхни, пей, обжирайся:
Богъ тебѣ улыбается съ неба.

Племя Каина, — въ смрадной грязи пресмыкайся,
Умирая безъ хлѣба.

Племя Авеля, — жаднымъ пьютъ обоняньемъ
Ароматъ твоихъ жертвъ серафимы.

Племя Каина, — казни безмѣрной страданьемъ
Вѣчно ль будешь давимо?

Племя Авеля, — жатвы сымешь сторицей,
Табуны твои выростутъ втрое.

Племя Каина, — воетъ голодною псицей
Твое брюхо пустое!

Племя Авеля, — тѣло, заплывшее саломъ,
Предъ фамильными грѣй очагами!

Племя Каина, — дрогни иззябшимъ шакаломъ
Не въ берлогѣ, такъ въ ямѣ!

Племя Авеля, — можешь любить и плодиться:
Вѣдь и деньги рожаютъ проценты.

Племя Каина, — это тебѣ не годится:
Что за страсти — безъ ренты?

Племя Авеля, — сокомъ ближнихъ питаясь,
Ты взростешь и, какъ клопъ, заалѣешь.

Племя Каина, — съ нищей семьею скитаясь,
Уповай: поколѣешь!

II.

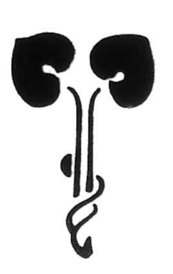
Племя Авеля! Бойся! Твоя мертвечина
Удобрять ляжетъ скудную землю.

Племя Каина! Жди: не полна, знать, кручина..,
Скоро! — вижу и внемлю:

Племя Авеля! Близокъ жребій позорный:
Мечъ стальной подъ рогатиной сгинетъ!

Племя Каина! Небо твой приступъ упорный —
Завоюетъ — и Бога низринетъ!

Александръ Амфитеатровъ.

Дисциплина.

Полумракъ. Длинная, съ низкимъ давящимъ потолкомъ, комната. Вдоль стѣнъ и по срединѣ расположены нары; на нарахъ, видимо, спящіе солдаты. Я говорю: видимо, — потому, что въ дѣйствительности спали очень немногіе, — большинство же старалось казаться спящими. Тихо... Изрѣдка слышны отрывистые глубокіе вздохи, сопровождаемые шопотомъ „о, Господи“. Изъ самаго дальняго и темнаго угла доносится неясный, тихо-возбужденный, разговоръ. Прислушавшись, можно разобрать нѣсколько отдѣльныхъ словъ: „повѣсятъ... бунтъ... дѣти...“

Незамѣтно выйдя изъ своей комнаты, появился фельдфебель. На его, обыкновенно, сумрачномъ и жесткомъ лицѣ, вмѣсто присущей ему рѣшимости, видны скрываемыя теперь тревога и волненіе.

Въ углу мгновенно стихло. Пройдя вдоль наръ, фельдфебель остановился около одного солдата, замѣтилъ, что тотъ не спитъ, и неестественно ласково спросилъ его:

— Что, землякъ, не спится?

— Такъ точно, Иванъ Трофимычъ, — приподнимаясь на локтяхъ, отвѣтилъ солдатъ.

— Мнѣ тоже не спится... Что-то долго Карпова нѣтъ...

— Теперь, чай, скоро долженъ прійти — время то ужъ позднее, — проговорилъ солдатъ.

— Да, скоро двѣнадцать, — отвѣтилъ фельдфебель и ушелъ къ себѣ.

Наступила тишина — гнетущая, зловѣщая; въ ней смутно чувствовались ожиданія, страхъ, мучительное сомнѣніе горькихъ думъ.

Прошло минутъ десять. Сильно хлопнула дверь... заставила всѣхъ вздрогнуть и приподняться. Вошелъ солдатъ съ винтовкой въ рукахъ, — это былъ Карповъ. Осторожно поставивъ винтовку въ пирамиду, тихо ступая, какъ бы боясь разбудить товарищей, что въ обычное время не соблюдалось, онъ подошелъ къ своему мѣсту и сталъ раздѣваться.

Всѣ смотрѣли на него и ждали. Наконецъ, одинъ не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Ну, какъ, Карповъ?

Странно раздался звукъ голоса по комнатѣ — какъ то жидко, одиноко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно и непріятно.

Карповъ, продолжая раздѣваться, не обертываясь, видимо волнуясь, но стараясь не показать этого другимъ, тихо, запинаясь, проговорилъ:

— Къ смерт-ной каз-ни...

Всѣ точно замерли.

— Судъ посылалъ ходатайство о смягченіи участи подсудимаго, — продолжалъ Карповъ.

— Ну, и что же? — крикнули почти всѣ разомъ, соскочивъ съ наръ.

— Замѣнили, — произнесъ Карповъ.

— Да, что замѣнили? чѣмъ замѣнили? говори скорѣе! — спрашивали отовсюду, уже обступивъ Карпова тѣснымъ кольцомъ.

— Замѣнили смертную казнь черезъ повѣшенье — разстрѣломъ, — уже твердо, какъ бы обидѣвшись, вдругъ крикнулъ Карповъ.

Всѣхъ точно охватило молчаніе. Не то ожидали они услышать. Хотя всѣ еще раньше были почти увѣрены, что Корнева приговорятъ къ смертной казни, но, всетаки, они на что-то надѣялись, они чего-то ждали, они вѣрили въ какое-то чудо, которое должно было свершиться и помиловать Корнева. Теперь каждый изъ нихъ думалъ: „Корневъ къ смертной казни... что же это такое?“ Корневъ, — любимый и уважаемый ихъ товарищъ, — пользовался такою ихъ любовью, какую желали бы заслужить многіе изъ ихъ начальниковъ.

Недальше, какъ мѣсяцъ тому назадъ, уступая только лишь его просьбѣ — полкъ пощадилъ своихъ начальниковъ; и они, начальники, со слезами на глазахъ, цѣловали его передъ всѣми, а потомъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ солдатамъ, сказалъ: „Чтобы

запечатлѣть этотъ день въ памяти, мы, офицеры, подаримъ ему, Корневу, золотой жетонъ.“ На другой день, въ приказѣ по полку Корневъ былъ произведенъ изъ рядовыхъ въ младшіе унтеръ-офицеры, — за твердое знаніе службы и отличное поведеніе — какъ гласило въ приказѣ.

Потомъ въ полку было тихо... Потомъ, недѣли черезъ двѣ, пришла бумага съ приказаніемъ произвести строжайшее слѣдствіе по дѣлу о безпорядкахъ въ Н-скомъ полку, въ результатѣ чего Корневъ былъ арестованъ, преданъ военно-окружному суду и... теперь приговоренъ къ смертной казни.

— Эхъ, жизнь! — глубоко вздохнувъ, наконецъ, проговорилъ одинъ изъ многихъ, окружившихъ Карпова и, безнадежно махнувъ рукой, отошелъ; его примѣру, какъ бы сговорившись, послѣдовали остальные. Карповъ медленно кончилъ раздѣваться и легъ, укрывшись одѣяломъ съ головой, стараясь скорѣе заснуть.

Тамъ и сямъ по комнатѣ образовались разговаривающія кучки, сперва тихо, почти шопотомъ, потомъ все сильнѣе и, наконецъ, все это приняло характеръ сельскаго схода, гдѣ, кромѣ шума, гула, крика, что-либо опредѣленное разобрать стало невозможно.

— Всѣмъ идти, всѣмъ! просить командира полка, чтобы помиловалъ! - - доносится изъ толпы.

— Попробуй, коли башка цѣла, — кричатъ ему въ отвѣтъ. Опять скажутъ: что это? Бунтъ? и, вмѣсто одного, еще человѣкъ десять „ахнутъ“.

— Такъ что же дѣлать то теперича, братцы? неужто такъ-таки и долженъ человѣкъ зря пропасть... вѣдь кабы онъ самъ, а то вѣдь по нашей просьбѣ все дѣлалъ — вѣдь онъ нашъ выборный!...

— Вѣрно, братцы, сами же мы говорили — одинъ за всѣхъ и всѣ за одного. А теперь вышло дѣло то и не такъ, на повѣрку оказалось, что не всѣ за одного, а только одинъ за всѣхъ! — послышался голосъ.

— Правильно, Андреевъ, правильно! — закричали почти всѣ.

— Такъ что же дѣлать то нужно? — говорилъ, среди наступившей тишины, уже одинъ Андреевъ.

— Вотъ что надо сдѣлать, — какъ бы отвѣчая самому себѣ, продолжалъ онъ, — только сейчасъ же, не теряя ни одной минуты, послать письма всему

гарнизону, чтобы всѣмъ отказаться стрѣлять въ Корнева! Поняли, братцы?

Всѣ на минуту стихли, какъ бы обдумывая вопросъ Андреева, — потомъ заволновались, зашумѣли и видно было по всему, что предложенie его не пройдетъ.

— Развѣ мы не чувствуемъ, что убивать человѣка нельзя?! Мы это больно хорошо понимаемъ. Надысь мы ходили на фабрику, усмирять бунтъ — такъ тамъ мнѣ рабочie говорили: — Зачѣмъ стрѣляешь? ты, убивецъ! ты, гритъ, здѣсь въ насъ стрѣляешь, а тамъ у тебя дома другie солдаты твоего отца разстрѣливаютъ. А теперь, къ примѣру сказать, откажись я стрѣлять, — такъ меня самого разстрѣляютъ — вотъ, какъ быть-то, разгадайте-ка, братцы, эту вотъ загадку-то, — возбужденно говорилъ веснушчатый, съ рыжими усами, широкоплечiй солдатъ Скрягинъ... Все, сказанное Скрягинымъ, не было отвѣтомъ на вопросъ Андреева, это скорѣе была его собственная мысль, зародившаяся при усмиренiи рабочихъ и съ тѣхъ поръ, очевидно, не дававшая ему покоя.

По, наступившей послѣ словъ Скрягина, тишинѣ, по недоумѣвающимъ выраженiямъ лицъ, по всему было ясно, что, сколько бы они не говорили, сколько бы не спорили, — имъ не разобраться въ страшной темнотѣ, что, какъ въ желѣзныхъ тискахъ, сдавила ихъ порывы. Они чувствовали, что они — сила и большая сила, что они въ состоянiи пригнуть гордыя шеи тѣхъ, кто ихъ сейчасъ ругаетъ, бьетъ и вѣшаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они чувствовали, что они безсильны сдѣлать даже такое маленькое дѣло, — освободить изъ рукъ смерти своего товарища.

— Какъ же быть то! Что же дѣлать?

Внезапное появленie фельдфебеля дало ихъ мыслямъ новое направленie.

Блѣдный, съ воспаленными глазами, трясущимися губами, онъ былъ страшенъ — тѣмъ не менѣе, при появленiи его, въ толпѣ не пробѣжало обычнаго предостерегающаго слова „фельдфебель“, — наоборотъ, въ этомъ страшномъ, въ настоящiй моментъ, человѣкѣ, они не нашли ни малѣйшаго сходства съ ихъ тираномъ-фельдфебелемъ, каждый изъ нихъ видѣлъ, что передъ ними даже и не простой солдатъ — передъ ними ихъ братъ, мужикъ.

Убитая долгими годами дисциплины, любовь къ

своему брату мужику, къ дорогой деревнѣ съ ея нуждой, горемъ и вѣковой темнотой, все вдругъ проснулось въ этомъ человѣкѣ. Нервно потрясая письмомъ въ рукѣ, онъ кричалъ:

— Братцы! письмо... Кор-неву изъ дерев-ни! нате... читайте, я не мо-гу.

Онъ бросилъ письмо въ толпу... Полились слова полныя ужаса...

„И посылаемъ мы тебѣ, кормилецъ нашъ, поклонъ отъ бѣла лица и до сырой земли и шлемъ мы тебѣ свое родительское благословенie на вѣки нерушимое. И увѣдомляемъ мы тебя, что у насъ случилось несчастье — брата твоего Гаврилу убили казаки, когда была сходка. Старики сказываютъ, хотѣли идти къ князю нашему просить сѣмяновъ на посѣвъ, а потомъ — чтобъ убавилъ цѣну на аренду земли; но прiѣхали казаки и стали по сходу стрѣлять. Кумъ Иванъ тоже убитъ. Потомъ убитъ парнишка Саветевъ-Гришутка, еще убита вдова солдатка Марфа Лаптева — у ней былъ на рукахъ ребенокъ — въ ребенка хоша и не попали, но онъ всеже умеръ — толи со страху, толи такъ, что попритчилось. Еще увѣдомляемъ мы тебя, что отецъ твой сидитъ въ острогѣ въ городѣ. На цево князь показываетъ, что онъ его видѣлъ бытто, что онъ поджигалъ у него скирды хлѣба, но это только неправда, онъ...“

На этомъ мѣстѣ, чтенie письма было прервано, вдругъ разразившимся рыданiемъ фельдфебеля.

— Ребенка, ангела, убили! старика не пожалѣли! Такъ, гдѣ же правда то — правда то, гдѣ же братцы?! закричалъ, продолжая рыдать, старый служака и, круто повернувшись на мѣстѣ, бросился въ свою комнату...

— Крово-пивцы... Ду-ше-губы... — не сказалъ, а скорѣе проскрежеталъ кто-то въ толпѣ, и всѣ медленно стали расходиться.

*
* *

Было сѣрое утро поздней тоскующей осени... Разорванныя клочья низкихъ тучъ неслись надъ ржавыми кровлями тюремныхъ зданiй и, точно слезы, роняли на нихъ крупныя капли дождя. Порывистый холодный вѣтеръ безпорядочно трепалъ растущiя во дворѣ крѣпости чахлыя березы съ уцѣлѣвшими

желтыми и рѣдкими листьями на обнаженныхъ сучьяхъ. По двору тамъ и сямъ сновали солдаты. У дальней стѣны копошилась кучка людей, устанавливая какой-то столбъ. По неестественной торопливости, какъ служащихъ тюрьмы, такъ и солдатъ, по ихъ растеряннымъ лицамъ — видно было, что во дворѣ скоро должно что то свершиться особенное, страшное. Въ дверяхъ тюрьмы показались, съ винтовками, солдаты. Потомъ, черезъ нѣсколько времени, появился офицеръ, потомъ еще офицеры, священникъ съ крестомъ въ рукахъ и еще какія-то лица. Все они, исключая угрюмо стоявшихъ въ сторонѣ солдатъ, говорили, дѣловито размахивали руками, куда-то и на что-то показывали, словомъ, вели себя такъ, какъ могутъ вести себя серьезные и очень занятые люди.

Потомъ, занявъ заранѣе уже извѣстныя мѣста, всѣ чего-то стали ждать...

Наконецъ, показался и главный виновникъ наступавшей драмы, — низенькій, тщедушный, блѣдный... По наружности онъ представлялъ собой не то выросшаго на мякинѣ мужиченку русскаго суроваго сѣвера, не то городского испитого фабричнаго съ чахоточнымъ лицомъ изъ нашего многострадальнаго народа. Но его маленькая фигура невольно привлекала вниманіе: отъ нея вѣяло и вѣрой, и отчужденностью отъ всего окружавшаго его теперь! Возбужденно-нервный блескъ большихъ голубыхъ глазъ, казалось, видѣлъ или искалъ болѣе близкіе, болѣе дорогіе образы...

Его повели по направленію къ поставленному уже столбу; походка его была спокойная, твердая. Онъ смѣло подошелъ къ столбу, повернулся около него, плотно прижался къ нему спиной, протянулъ руки, чтобы ему ихъ связали, отказался отъ повязки, которою хотѣли завязать ему глаза, и не то съ укоромъ, не то съ презрѣніемъ скользнулъ взглядомъ по, выстроеннымъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него съ винтовками, солдатамъ, — ихъ головы были опущены, какъ у виноватыхъ...

Къ нему, держа передъ собой крестъ, подошелъ священникъ. По безстрастному тупому лицу, по ничего не выражающимъ глазамъ его, было видно, что къ подобнымъ зрѣлищамъ онъ привыкъ. Отречься отъ этого кроваваго, позорнаго дѣла, отречься во имя Христа, во имя религіи, запрещающей убійства, онъ не можетъ, ибо предписаніе начальства, для него важнѣе. Поднявъ крестъ, съ изображеніемъ казненнаго тѣла Спасителя, изобразивъ на своемъ лицѣ напускное „казенное“ прискорбіе, попъ монотонно сталъ произносить скороговоркой слова молитвы: „Воеже отпущаеши рабу твоему...“ но, встрѣтивъ взглядъ осужденнаго, смѣшался, опустилъ глаза въ землю, что-то невнятно зашепталъ...

— Не надо... не хочу... христопродавецъ... гезуитъ... взволнованно прошипѣлъ Корневъ. Священникъ вздрогнулъ, нервно сунулъ крестъ подъ эпитрахиль, частой мелкой походкой, свойственной людямъ мягкой и порочной души, не отошелъ, а скорѣе отбѣжалъ отъ казнимаго и сталъ на свое прежнее мѣсто...

— Равняйсь! — раздалась команда; солдаты, повернувъ головы на право, стали равняться.

— Братцы, въ голову цѣль, чтобы сразу, — вдругъ крикнулъ, до сего молчавшій, Корневъ, — я вамъ прощаю, но помните: настанетъ время...

Звукъ барабана заглушилъ слова его, — что хотѣлъ сказать онъ — осталось тайной.

— Смирно! — вновь раздалась команда.

— По мишени, постояннымъ, пальба... взводомъ!! — солдаты, привычнымъ пріемомъ, взяли ружья на изготовку.

— Взво-дъ!!

Солдаты не спѣша приложили винтовки къ плечу и взяли „мишень“ на мушку.

— Пли!! — Грянулъ залпъ...

Когда дымъ разсѣялся, одинъ изъ стрѣлявшихъ солдатъ лежалъ въ обморокѣ, остальные стояли, отвернувшись отъ „мишени“...

Командующій солдатами офицеръ былъ блѣденъ, по щекамъ его катились слезы. Страннымъ казалось, какъ могъ плакать такой человѣкъ — участникъ страшныхъ человѣческихъ боенъ — Тюренчена, Ляояна, Сандепу и Мукдена. — Смерть ли одного человѣка его тронула или еще что — неизвѣстно...

. . . .

Въ этотъ же день, въ мѣстной вечерней газетѣ появилось слѣдующее сообщеніе:

„Общій любимецъ города — блестящій боевой офицеръ N-полка, штабсъ-капитанъ Саблинъ, сегодня въ 2 часа по полудни, въ своей квартирѣ застрѣлился...“

Парижъ, 2-го ноября 1906 г. **Н. Власовъ.**